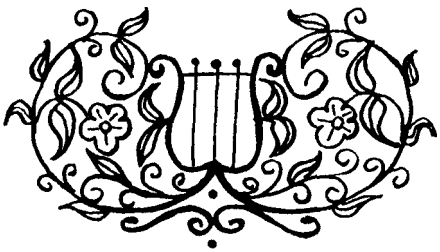


Пустое *вы* и сердечное *ты*

© *А. Г. БАЛАКАЙ,*
доктор филологических наук

Стихотворение А.С. Пушкина "Ты и вы" написано 23 мая 1828 г. и посвящено Анне Алексеевне Олениной, дочери директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств А.Н. Оленина, салон которого был одним из самых притягательных для поэта после выпуска из лицея. В семье Олениных его принимали радушно, во всяком случае, до ссылки. Алексей Николаевич, желая выразить свою любовь к поэту, сам создавал рисунки к изданию "Руслана и Людмилы".

"Аннета знала его, когда еще была ребенком. С тех пор она с восторгом восхищалась его увлекательной поэзией", – так писала о себе в своих воспоминаниях Анна Алексеевна (здесь и далее цит. по: Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники: В 2-х т. М., 1994. Т. II. С. 391–409). Писать о себе в третьем лице было ее излюбленной манерой. Трудно судить, чего в этом было больше: подражания модным романам, поиска литературного почерка или самолюбования, желания посмотреть на себя со стороны исключительно из женского интереса: "отойду да погляжу, хорошо ли я сижу". Вероятно, то и другое.

Современники отмечали, что она действительно была и красавица, и умница, очень музыкальна, прекрасно пела и даже пыталась сочинять музыку. Одновременно отмечалась ее склонность к самолюбованию, самоуверенность и избалованность. Оставим эти характеристики на совести современников. Нас больше интересует отношение к ней самого Пушкина.

По возвращении из ссылки он вновь начал посещать дом Олениных в Приютине и страстно влюбился в Аннету. Ему все нравилось в ней. И хотя друг поэта П.А. Вяземский считал, что Пушкин больше притворялся влюбленным, чем был влюблен на самом деле, стихи, по-

священные Олениной, говорят о большой глубине чувства. Кроме "Ты и вы" ей были посвящены стихотворения "Ее глаза", "Зачем твой дивный карандаш Рисует мой арапский профиль...", "Предчувствие", "Город пышный, город бедный..." и др.

Это не было мимолетным увлечением. Пушкин всерьез думал о женитьбе, просил у родителей Аннеты ее руки, но получил решительный отказ: поэту не благоволил император. Началось следствие о "Гавриилиаде", и А.Н. Оленин был в числе разбирающих это дело; Пушкин опять оказался поднадзорным. Много лет спустя на вопрос племянника, почему она отвергла предложение Пушкина, древняя, но бойкая старушка ответила: "Он был вертопрах, не имел никакого положения в обществе и, наконец, не был богат". Эти слова, конечно, многое проясняют, но считать их всей правдой, по-видимому, нельзя.

Не будем забывать, что в дни молодости Оленина после встречи с поэтом на балу 21 сентября 1828 г. записала в дневнике: "Она подошла и выбрала его на один из танцев; боязнь, что она будет осмеяна им, заставила ее опустить глаза и покраснеть, подходя к нему... Но когда он, в свою очередь, подошел выбрать ее исполнить фигуру... Она подала ему руку, отвернув голову и улыбаясь, потому что это была честь, которой все завидовали...".

Не будем забывать и о том, что альбом со стихами Пушкина Анна Алексеевна хранила до конца своих дней и перед смертью передала своей любимой внучке. В этом альбоме рядом с другими стихами было записано рукою поэта и стихотворение "Я Вас любил, любовь еще, быть может..." с горькой припиской, сделанной им в 1833 г.: "Plusqueparfait" ["давно прошедшее"]. Печальные и светлые отголоски этой неразделенной любви литературоведы находят в поэме "Полтава", в других стихотворениях Пушкина.

Однако вернемся к тому дню, когда он в мае 1828 г. в очередной раз пришел в дом Олениных и подал Аннете листок со стихотворением. Стихотворение называлось "Ты и вы".

Аннета после ухода Пушкина в свойственной ей манере сделала на листке приписку-пояснение: «А.А. ошиблась, говоря Пушкину "ты", и на следующее воскресенье он привез эти стихи».

Стихотворение построено на противопоставлении форм обращения.

Обращение на "вы" между юношей и девушкой, мужчиной и женщиной – обычная, обязательная форма светской вежливости, не дающая никаких оснований судить о характере их отношений. В письмах Пушкина к женщинам, за вполне понятным исключением его писем к жене, мы не нашли ни одного письма, в котором он обращался бы к женщине на "ты". В светском обществе по тем временам это было недопустимо. Обращение на "ты" к равной или равному по положению расценивалось как знак близких, интимных отношений, которые, ес-

ли они и были, не афишировались ни в устном общении, ни в частных письмах. Так, в письме к Анне Петровне Керн Пушкин шутливо, хотя и не без ревности, пишет: «Кстати, вы клянетесь мне всеми святыми, что ни с кем не кокетничаете, а между тем вы на "ты" со своим кузеном, вы говорите ему: я презираю твою мать. Это ужасно; следовало сказать: вашу мать, а еще лучше – ничего не говорить, потому что фраза эта приобрела дьявольский эффект».

Обращение на "вы" прививалось в дворянских семьях детям с раннего возраста. От молодых людей требовалось обращаться на "вы" не только к старшим, но и к равным. Это диктовалось строгими нормами светского приличия. Достаточно вспомнить примеры из произведений Л.Н. Толстого: «Встретившись в гостиной с Соней, Ростов покраснел, он не знал, как обойтись с ней... Он поцеловал ее руку и назвал ее вы – Соня. Но глаза их, встретившись, сказали друг другу "ты" и нежно поцеловались. <...> – Как, однако, странно, – сказала Вера, выбрав общую минуту молчания, – что Соня с Николенькой теперь встретились на "вы" и как чужие».

Переход с "вы" на "ты" мог быть предложен только женщиной: «"Знаете что? – сказала вдруг Сонечка, – я с одними мальчиками, которые к нам ездят, всегда говорю ты; давайте и с вами говорить ты. Хочешь?" – прибавила она, встряхнув головкой и взглянув мне прямо в глаза <...>. "Давай...те", – сказал я в то время, когда музыка и шум могли заглушать мои слова. "Давай *ты*, а не давайте", – попросила Сонечка и засмеялась. Гросфатер кончился, а я не успел сказать ни одной фразы с *ты*, хотя не переставал придумывать такие, в которых местоимение это повторялось бы несколько раз. У меня не доставало на это смелости. "Хочешь?", "давай ты" звучало в моих ушах и производило какое-то опьянение: я ничего и никого не видал, кроме Сонечки» (Л. Толстой. Детство).

С друзьями и близкими знакомыми Пушкин всегда с охотой и быстро переходил на "ты", считая такое обращение в мужском кругу более искренним и душевным: «Милый Бестужев, позволь мне первому перешагнуть через приличия и сердечно поблагодарить *тебя* за "Полярную звезду", за твои письма, за статьи о литературе» (письмо А.А. Бестужеву 13 июня 1923); "Благодарю тебя за *ты* и за письмо" (письмо К.Ф. Рылееву 25 янв. 1825); "С ума ты сошел, милый Шишков; ты мне писал несколько месяцев тому назад: *Милостивый государь, лестное ваше знакомство, честь имею, покорнейший слуга*... так что я и не узнал моего царскосельского товарища. Если заблагорассудишь писать ко мне, вперед прошу тебя быть со мною на старой ноге. Не то мне будет грустно" (письмо А.А. Шишкову авг.–нояб. 1823).

Композиция стихотворения двучастна. Оно состоит из двух строф, написанных четырехстопным ямбом. "Ямб во всех его видах, – отмечает Всеволод Рождественский, – самый любимый, предпочтитель-

ный размер у нашего великого поэта. Им написано чуть ли не две трети всех пушкинских стихов, включая поэмы и драматические произведения. Оно и понятно. Ямб лучше, чем какой-либо другой размер, передает поступательное движение, им очень удобно вести рассказ, он энергичен, упруг, вмещает в себя оттенки различных чувств". Заметим, что таким же размером написано и другое стихотворение, посвященное Олениной: "Не пой, красавица, при мне...".

Рифма тоже двутипна: мужская и женская. В первой строфе рифма перекрестная, во второй – опоясывающая, строфа начинается и завершается мужской рифмой.

Строфы противопоставлены по объему описания. Предмет первой строфы – "она":

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.

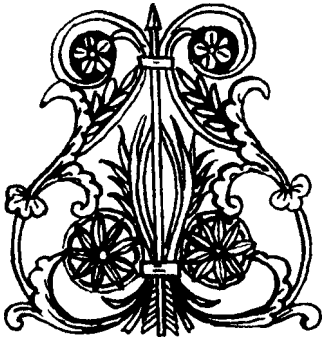
Предмет второй строфы – "я":

Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

Антитеза "внешняя речь – внутренняя речь" выражена контекстуальными антонимами *говорю – мыслю*.

Так с помощью лаконичного противопоставления *вы* и *ты* Пушкин передает сложное психологическое состояние влюбленного.

Новокузнецк



“И ветер воил и летал...”

Воил в стихотворении А.С. Пушкина “Буря”

© С. В. БЕРЕЗКИНА,
кандидат филологических наук

Стихотворение “Буря”, один из шедевров романтической лирики Пушкина, написано в 1825 г., когда поэт находился в Михайловском. Впервые оно было опубликовано в журнале “Московский вестник” в 1827 г. (Ч. I. № 11. С. 91) и отличалось от последующих публикаций только одним словом. Приведем этот первоначальный текст стихотворения целиком:

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,

Когда луч молний озарял
Ее всечастно блеском алым
И ветер воил и летал
С ее летучим покрывалом?

Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

Слово “воил”, употребленное вместо “выл”, Пушкин заменил в тексте 1829 г. на “бился”. Почему это было им сделано, он объяснил в статье “⟨Опровержение на критики⟩” (1830 г.), где назвал форму сло-

ва "воил" (вместо "выл") в числе пяти "грамматических ошибок", допущенных им в печати (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.-Л., 1949. Т. 11. С. 148). Эту "грамматическую ошибку" никто из исследователей прокомментировать не пытался.

Известно, что пушкинские тексты были обстоятельно обследованы коллективом ученых под руководством академика В.В. Виноградова, выпустившим в 1956-1961 гг. монументальный труд – четырехтомный "Словарь языка Пушкина". Слово "воил" в него не попало, поскольку в четырехтомнике был "расписан" и проанализирован по большому академическому 16-томному изданию лишь основной корпус произведений Пушкина. Вариант же седьмого стиха "Бури" с загадочным словом "воил" был напечатан в издании в отделе "Другие редакции и варианты", до которого дошла очередь при подготовке дополнений к "Словарю языка Пушкина". Характеристика слова "воил" в этой книге была дана, если можно так выразиться, с большим уважением. Ни о какой ошибке в ней и речи не велось! В издании указывалось, что форма "воил" образована от глагола "воить", хотя при этом не называлась область употребления столь необыкновенного слова (см.: Новые материалы к словарю А.С. Пушкина. М., 1982. С. 43). Теперь комментаторам "Бури" оставалось только назвать ту область языка, для которой глагол "воить" и производные от него формы были вполне органичны.

Этой областью оказалась лексика диалектная. Слово "воить" зарегистрировано в "Словаре русских народных говоров" (Л., 1970. Вып. 5. С. 31) с указанием на его распространенность во Владимирской, Тверской и Калужской областях. После выхода этого издания появился ряд областных словарей, расширяющих ареал употребления слова (Архангельский областной словарь. М., 1987. Вын. 5. С. 30). В некоторых областях, как, например, в Псковской, слово имело несколько иную форму – "воять" (Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1979. Вып. 4. С. 101; Словарь вологодских говоров: А – Г. Вологда, 1983. С. 86; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994. Вып. I. С. 237; Словарь вятских говоров. Киров, 1998. Вып. 2. С. 327).

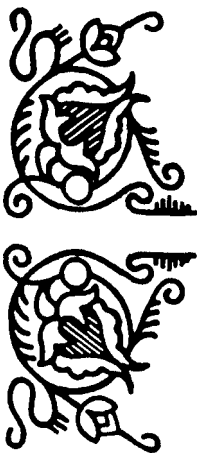
Известно, что Пушкин не любил жестко-нормативного стеснения русского языка. Так, в примечаниях к "Евгению Онегину" он решительно вступился за "коренные русские" слова "хлоп", "молвь" и "топ", подвергшиеся атаке в одном из критических рецензий на его произведение. Свою отповедь рецензенту-ригористу Пушкин закончил яркой сентенцией: "Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка" (Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. 6. С. 193–194). Почему же он не оставил слово "воил"?

Со стороны фонетики слово это довольно звучное, а со стороны семантики – емкое: "воить" буквально означает "издавать вой". Здесь,

несомненно, есть смысловой оттенок, не столь явный в общепринятом "выть". Однако Пушкин в тексте "Бури" отступился от "воил", поскольку в нем слова, находящиеся вне сферы высокой книжной речи, не были уместны, как, например, в случае со словами "хлоп", "молвь" и "топ" в описании сна любившей "простонародную старину" Татьяны Лариной. Кроме того, отстаивая "коренные русские" слова в тексте "Онегина", Пушкин ссылался на печатные источники – на сказку о Бове Королевиче и Сборник Кирши Данилова. Печатное слово, даже если речь идет о фольклорном памятнике, обладает авторитетом более высоким, чем устное, и у "воить" его, надо признать, не было.

Первая публикация с употреблением слова "воить" отнесена в "Словаре русских говоров" к 1897 г. Теперь мы можем указать на его отражение в более ранней публикации – это текст "Бури" на страницах "Московского вестника" 1827 г. Какую же характеристику следует дать слову "воил" в пушкинском тексте? Иными словами: диалектизм ли это, с точки зрения языковой ситуации 1820-х гг.? По-видимому, не только. Слово "воил" у Пушкина – это элемент просторечной лексики, свойственный и кругу образованного дворянства. Иначе это слово не появилось бы на страницах редактировавшегося М.П. Погодиным журнала. Хотя граница, пролегавшая между диалектной и просторечной лексикой, была в пушкинское время очень подвижна (см.: Виноградов В.В. Язык Пушкина. М.–Л., 1935. С. 377–453). То, что характеризовалось в словарях того времени как просторечный элемент русского языка, впоследствии оказалось вытесненным в народные говоры, и наоборот – воспринимавшееся как лексика областная стало частью литературного русского языка. Слово "воил" в печатном варианте "Бури" представляет собой именно такой пограничный случай.

Санкт-Петербург



Пушкинские поэтизмы в эпопее И.А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»

© *А. В. ДАНОВСКИЙ,*
доктор филологических наук

Книга «Фрегат "Паллада"» явилась результатом участия И.А. Гончарова в длительном морском плавании на военном паруснике "Паллада" в 1852–1854 гг. Писатель выполнял обязанности секретаря экспедиции, а также учителя русской словесности и истории для гардемаринов.

Путешествие продолжалось более двух лет. Составленный Гончаровым обширный официальный отчет поступил в морское ведомство, а русская литература обогатилась "очерками путешествия в двух томах", названными по имени флагманского корабля (об истории создания и публикации этого произведения см. статью Т.И. Орнатовской к академическому изданию «Фрегата "Паллада"». Л., 1986. С. 763–787).

Гончаров основательно готовился к экспедиции и к написанию книги на ее основе. Он изучал отчеты и сочинения российских и иноземных мореплавателей, которых упоминает во «Фрегате "Паллада"». Особое значение для него имели две книги, занявшие ключевое место в его походной библиотеке: "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина и "Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года" А.С. Пушкина. "Письма..." предлагали открытое выражение своих чувств по поводу увиденного, "Путешествие..." направляло на объек-

тивированное изображение действительности при сдерживании авторского "самовыражения".

В Пушкине Гончарова всегда привлекали постоянное тяготение к "поэзии действительности" и поиск гармонизирующего начала жизни. В этом автор «Фрегата "Паллада"» был верным последователем своего кумира. В декабре 1853 г. он пишет из Шанхая своим петербургским друзьям – супругам Языковым: "... Павлу Васильевичу (Анненкову. – *А.Д.*) кланяйтесь: так он издает Пушкина! Как я рад, я, жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича. Он с детства был моим идеалом. И – только один он" (здесь и далее цит. по: Гончаров И.А. «Фрегат "Паллада"». Л., 1986. С. 687). Реминисценции, ссылки, цитаты из Пушкина во «Фрегате "Паллада"» убеждают в этом.

Применительно к «Фрегату "Паллада"», выражаясь словами М.М. Бахтина, "мы вполне можем говорить о *чистом* авторе, в отличие от автора частично изображенного, показанного, входящего в произведение как часть его", т.е. условного (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 288. Курсив Бахтина. – *А.Д.*). Гончаров здесь не просто повествователь, рассказчик, он является конструктивным центром произведения, создает его "индивидуальную словесно-речевую структуру", выступает "идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого" (Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 118).

В первой главе первого тома эпопеи – "От Кронштадта до мыса Лизарда" Гончаров в форме письма друзьям объясняет свою творческую установку: "Голых фактов я сообщать не желал бы: ключ к ним не всегда подберешь, и потому поневоле придется освещать их светом воображения, иногда, может быть, фальшивым и идти путем догадок там, где темно... для многих из них нужен запас свежести взгляда и большей впечатлительности..."

Рассмотрим пушкинские поэтизмы в изображении морской стихии. Тема "море и моряки" с самого начала определяет завязку и развитие действия, подразделяемого в очерках на "морское" и "сухопутное" со своими кульминациями и развязками, которые синтезируются в эпилоге.

Полемическая окраска обозначена уже в главе "Атлантический океан и остров Мадера". «Мне хотелось познакомиться с океаном, – начинает ее автор. – Я уже от поэтов знал, что он "безбрежен, мрачен, угрюм, беспределен, неизмерим и неукротим", а учитель географии сказал некогда, что он просто – Атлантический. Теперь я жадно вглядывался в его физиономию, как вглядываются в человека, которого знали по портрету. Мне хотелось поверить портрет с подлинными чертами лежавшего передо мной великана, во власть которого я отдавался на долгое время. "Какой же он в самом деле? – думал я, поглядывая кругом. – Что таится в этом неизмеренном омуте? Чем океан угостит пловцов?..."».

Гончаров прибегает к соединению пушкинских и собственных эпитетов, словно выведенных из образов стихотворения "К морю" (1824). У Пушкина образ моря соединен с образом Байрона: "Как ты, могущ, глубок и мрачен, Как ты, ничем неукротим". У Гончарова эти и другие определения перенесены непосредственно на океан как объект сопоставления поэтического и реального образов. Из собственно пушкинских эпитетов здесь взяты лишь "мрачен" и "неукротим"; остальные (*безбрежен, угрюм, беспределен, неизмерим*) – определения Гончарова. Актуализируется резкое расхождение образа моря как зеркала души автора и непосредственных впечатлений от стихии как явления действительности; так преодолевается поэтическая субъективность: противопоставляется книжно-поэтический образ стихии и реальное ее восприятие.

Гончаров включает в свои размышления и В.А. Жуковского: «... Я не постиг... поэзии моря, может быть, впрочем, и оттого, что я еще не видал ни "безмолвного", ни "лазурного" моря и, кроме холода, бури и сырости, ничего не знаю». "Море" В.А. Жуковского (1822) начинается обращением: "Безмолвное море, лазурное море...", оно восхитило Пушкина, создавшего свой образ романтического моря, в котором идеальное "небо", по словам В.Г. Белинского, проникнуто землей: "... В поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля" (см. также Дановский А.В. Изображение моря в русской романтической поэзии // Русская речь. 1982. № 5).

Гончаров удивляется спокойному виду водной стихии: океан «был покоен: по нем едва шевелились легкими рядами волны, как будто ряды тихих мыслей, пробегающих по лицу; страсти и порывы молчали. Попутный ветер и умеренное волнение так ласково манили дальше, а там... "Где же он неукротим?" – спрашивает писатель – ведь "на старческом лице ни одной морщинки!" "Необозрим он, правда..." – приводит он свое определение, передающее его восприятие пространства. "Могуч, мрачен – гм! посмотрим, посмотрим"...» – скептически замечает Гончаров и, вместо необозримого моря, вдруг видит "физиономию" своего вестового Фаддеева, приглашающего его высокородие на обед: "... Я давно зову тебя, да не слышишь". Слова матроса обращены к бытовой стороне жизни и усиливают иронию по отношению к романтическому восприятию океана. "Я тем охотнее принял это приглашение, что наверху было холодно", – включается очеркист в ситуацию, отвлекаясь от своих размышлений. "Внизу, за обедом, потом за чашкой кофе и сигарой, а там за книгой и *забыли про океан*... да не то что про океан, а забыли и о фрегате" (курсив наш. – *А.Д.*).

«...Я выбрался из каюты, в которой просидел полтора суток, неблагосклонно взглянул на океан и, пробираясь в общую каюту, мысленно поверял эпитеты, данные ему Байроном, Пушкиным, Бенедиктовым и другими – "угрюмый, мрачный, могучий", и Фаддеевым –

"сердитый". "Соленый, скучный, безобразный и однообразный! – прибавил я к этому списку, сходя по трапу вниз, – заладил одно – и конца нет!"» – таков вывод Гончарова.

Однако акцентированные им "прозаизмы" не снимают эмоциональности авторской речи. «Что за безобразие или, пожалуй, что за красота! "Буря – прекрасно! поэзия!" – скажете вы в ребяческом восторге. "Какая буря – свежий ветер!" – говорят вам. Может быть, оно и поэзия, если смотреть с берега...», – скептически резюмирует писатель.

"Следующие дни тянулись так же однообразно, волнисто, бурно, холодно. Небо и море серые. А ведь это уж испанское небо!" Где же романтика? Даже мысли об Испании ("Севилья, caballeros с гитарами и шпагами, женщины, балконы, лимоны и померанцы") оказываются унылыми в долгом, однообразном плавании. Пушкинские испанские образы тоже подвергаются иронии.

Приближаясь к экзотической Мадере, автор снова обращается к Пушкину: "Далеко, кажется, уехал я, но *чую* еще север *смущенной душой*; до меня еще доносится дыхание его зимы, вижу его колорит на воде и небе. Я как будто близко. Я не вижу ни голубого неба, ни синего моря. Шум, холод и соленые брызги – вот пока моя сфера" (курсив Гончарова. – *А.Д.*). Воспоминание о пушкинском торжественно-величавом гекзаметре, представленном в вольной перефразировке с заменой слов во втором стихе "На перевод Илиады" (1830) – "Старца великого тень чую смущенной душой", помогает ему выразить свою тоску по оставленной родине.

Запись о пересечении Северного тропика очеркист иронически обыгрывает: "А я ночью озяб", потому что «лежал легко одетый под самым люком, и "ночной зефир струил эфир" прямо на меня». Вспомним рефрен ямбов Пушкина: "Ночной зефир Струит эфир. Шумит, Бежит Гвадалквивир". Испанская тема была продолжена поэтом в болдинском стихотворении 1830 года "Я здесь, Инезилья ..."

Стилистика реалистического очеркового художественного повествования Гончарова вбирает в себя и поэзию и прозу жизни, с ее драматическими и комическими моментами: "Для меня путешествие имеет еще пока не столько прелесть новизны, сколько прелесть воспоминаний. Проходя практически каждый географический урок, я переживаю угасшее, некогда страстное впечатление, какое рождалось с мыслью о далеких странах и морях, как будто переживаю детство и юность".

Показателен вывод из главы "Плавание в атлантических тропиках": «"Ну, что море, что небо? какие краски там? – слышу я ваши вопросы. – Как всходит и заходит заря? Все прекрасно – не правда ли?" – Хорошо, только ничего особенного: так же, как и у нас в хороший летний день ... Когда глаза, привыкшие к стройности улиц и зданий,

на минуту, случайно, падали на первый болотный луг, на крутой обрыв берега, всматривались в чащу соснового леса с песчаной почвой: как полюбишь каждую кочку, песчаный косогор и поросшую мелким кустарником рытвину!».

Все впечатления находят "почетное место" в его воображении, все поступает "в капитал тех материалов, из которых слагается нежная, высокая, артистическая сторона жизни": "Раз запечатлевшись в душе, эти бледные, но полные своей задумчивой жизни образы остаются там до сей минуты; нужды нет, что рядом с ними теснятся теперь в душу такие праздничные и поразительные явления".

Гончаров призывает собратьев по искусству не ходить под тропики "за поэзией", ища ее в "редких особенностях природы", а рисовать небо, например, "с торцовой мостовой Невского проспекта, когда солнце, излив огонь и блеск на крыши домов, протечет через Аничков и Полицейский мосты... Сознайтесь, что и Мурино, и острова хороши тогда, хорош и Финский залив, как зеркало в богатой раме: и там блестят, играя, жемчуг, изумруды..."

Тема южного моря переводится писателем в проблему художественного изображения природы вообще и скромной родной природы в частности. Очеркист прибегает здесь к пушкинскому поэтизму из "Путешествия Онегина", выражая свою солидарность с творческой эволюцией Пушкина от романтизма к "поэзии действительности", отражая переход поэта от экзотики ("В ту пору мне казались нужны Пустыни, волн края жемчужны, И моря шум, и груды скал...") к естественному образу скромной родной природы:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,

На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых...

Гончаров принимает и развивает стремление зрелого Пушкина к воспеванию родной природы, к поиску гармонического сияния с ней: "Мой идеал теперь – хозяйка, Мои желания – покой, *Да щей горшок, да сам большой*" (курсив Пушкина – *А.Д.*).

Глава "Острова Бонин-Сима" начинается дневниковой записью с воспоминанием деталей пейзажа из пушкинского "Зимнего вечера": «Неспокойно и дома "под надежной крышей" слушать бурю, которая вдруг "завоет, как зверь, пронзительно и зловеще в трубу, потрясая вьюшками"».

К пушкинскому образу обращается Гончаров и в главе "Обратный путь через Сибирь" второго тома эпопеи: «Все жители Аяна столпились около нас: все благословляли в путь. ...Пошли пешком проводить нас с версту. На одном повороте за скалу Ч. сказал: "Поглядите на море: вы больше его не увидите". Я быстро оглянулся, с благодарностью, с любовью, почти со слезами. Оно было сине, ярко сверкало на солнце серебристой чешуей. Еще минута – и скала загородила его. "*Прощай, свободная стихия! в последний раз...*"» (Курсив Гончарова. – *А.Д.*). Поэтизм здесь лишен какого-либо полемического, иронического задора: он заряжен лирической ностальгией.

Далее пушкинские поэтизмы соотносятся не с экзотической водной стихией, а с родной природой. Так, в главе "До Иркутска" отмечена пространственно-временная необъятность Сибири: "Это не поездка, не путешествие, это особая жизнь: так длинен этот путь... Еще однообразнее всего ... лежит глубокая ночь две трети суток над этими пустынями". Однако "звезды в этом прозрачном небе блещут так же ярко, лучисто, как под другими, не столь суровыми небесами". Свободное включение в описание реминисценции из второй песни "Полтавы" Пушкина ("Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звезды блещут") вносит особую задушевность: небеса Сибири совсем не хуже увиденных в период плавания "не столь суровых небес"!

Цитаты из "Полтавы" придают неожиданную выразительность и другим местам эпопеи. Так, описывая в первой главе первого тома поездку в общественном транспорте Лондона («Едешь в вагоне, народу битком набито, а тишина, как будто "в гробе тьмы людей", по выражению Пушкина»), а также (в первой главе второго тома) прибытие в Нагасаки русской экспедиции ("Мы все ближе и ближе подходили к городу: везде, на высотах и по берегу, на лодках, тьмы людей"), Гончаров образом "тьмы людей" в первом случае подчеркивает удивление русского человека дисциплинированностью англичан, а во втором – как бы подтверждает мнение о перенаселенности Японии.

Истоки этого образа взяты из эпизода неправедной казни Кочубея и Искры: "На плаху, Крестясь, ложится Кочубей. *Как будто в гробе, тьмы людей Молчат.* Топор блеснул с размаху, И отскочила голова. Все поле охнуло" (курсив наш. – *А.Д.*). Конечно, у Гончарова этот образ наполнен другим смыслом.

Так писатель-очеркист, стремясь точно отразить наблюдаемую действительность, в то же время воспроизводит ее художественно, обращаясь к емким поэтическим образам.

Со "странным чувством" смотрит он на японские берега, наблюдая "отсутствие движения" на них, как будто погруженных в сон: «Нет людской суеты, мало признаков жизни... Куда спрятались жители? зачем не шевелятся они толпой на этих берегах? Отчего не видно работы, возни, нет шума, гама, криков, песен, словом, кипения жизни, или

"мышьей беготни", по выражению поэта? Зачем по этим широким водам не снуют взад и вперед пароходы, а тащится какая-то неуклюжая большая лодка, завешенная синими, белыми, красными тканями? Откуда слышен однообразный звук бум-бум-бум японского барабана: это, скажут вам, Физенский или Сатсумский князья объезжают свои владения». Фразеологизм взят из "Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы" (октябрь 1830, Болдино): "Всюду мрак и сон докучный. Ход часов лишь однозвучный... Парки бабье лепетанье, Спящей ночи трепетанье, Жизни *мышья беготня*... Что тревожишь ты меня?" (Курсив наш. – *А.Д.*).

Заметим, что экспедицией Е.В. Путятина был подписан договор, ожививший русско-японские торговые отношения, несмотря на все уловки со стороны чиновников Страны Восходящего Солнца.

Как образные поговорки употреблены фразеологизмы: "*Еще одно, последнее сказание* о Сингапуре..." (вспомним начало монолога Пимена из трагедии Пушкина "Борис Годунов"); в эпилоге "Через двадцать лет" снова цитата из Пушкина: "*иных уж нет, а те далече*!" (VIII глава романа "Евгений Онегин", строфа LI; курсив Гончарова. – *А.Д.*).

Вникая в употребление Гончаровым пушкинских поэтизмов в очерковой эпопее, невольно убеждаешься в справедливости мысли о том, что "в поэтической цитате часто предлагается не только контекст, но и более широкая сфера образов и идей из творчества цитируемого писателя" (Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 598). С помощью Пушкина Гончаров в своих очерках расширяет границы прозаического словоупотребления и окрашивает поэтическим ореолом изображаемые им явления.

"Синий пурпур кружит вниз"

Поэтика синего цвета в лирике И. Бунина и М. Кузмина

© *С. В. ШКИЛЬ*

Цветовые решения отражают своеобразие авторского мировидения в индивидуальных стилях И. Бунина и М. Кузмина, двух самобытных авторов "серебряного века" русской поэзии. Лирические темы этих поэтов различны, а эстетические декларации во многом даже противоположны, однако цветопись составляет одну из доминант их художественного почерка. Мы рассмотрим только один, но чрезвычайно важный для обоих цвет – синий.

У Бунина эта часть спектра более чем втрое превышает общую частотность *синего* в лирике Кузмина и реализуется чаще всего в поэтических фразеологизмах с атрибутивным признаком. Однако такие обозначения, как *синь, синева*, "волн густой *аквамарин*", "моря пышноцветное *индиго*"; "Сириус, дерзкий *сапфир*", тоже достаточно употребительны по сравнению с предикативным признаком (*синеть, синеться, играть синим, налить синевой, плавиться синевой, блестеть синим бисером*) и единственным *синея*: "И, радостно *синея*, Безоблачный сияет небосвод" (курсив здесь и далее наш. – *С.Ш.*). При этом самый частотный – *синева* – имеет уточнения: *ровная, бледная, вечерняя, весенняя*, в том числе индивидуально-авторские эпитеты: *тусклая, нежно-млечная*. Особенно продуктивны в бунинской цветовой палитре определения: *синий, синеватый, синеющий (синевший), горящий синим огнем, ярко-синий, бледно-синий, темно-синий, сине-зеленый, лилово-синий, сине-лиловый, небесно-синий, мутно-синий, молочно-синий, алмазно-синий, смольно-синий*.

Хотя в выборе цветового признака Бунин всегда опирается на фольклорную или книжно-поэтическую традицию, мастерство поэта-живописца проявляется в свежести лексико-фразеологических решений. Вот так варьируется, например, традиционно-поэтическая норма "синее небо": "Небеса здесь несказанно сини"; "И синий небосклон над бортом был густ и радостно высок"; "мерцают в тверди синей Плеяды, Вега, Марс и Орион"; "На вечерней тверди темно-сине"; "Такое мертвое молчанье в лесу и синей вышине"; "И совершим под звездным, темным, синим, милосердным небом свой намаз". Стремясь вывести цветовые образы из автоматизма книжно-поэтической традиции, Бунин обновляет троп за счет построения развернутых образных рядов: небо (небеса) – небосклон – высь – вышина – глубина – простор –

скат – бездна – твердь; море – волны – пустыня – пространство – равнина – сталь – простор – бездна – синь (синева) – аквамарин – индиго.

Включаясь в авторский контекст, естественно и легко вырастают цветовые образы на знакомой фольклорной основе: "На песок у моря синего Золотая верба клонится"; "Их привезли из-за синих морей"; "И новая весна их ожидает За синими, за теплыми морями"; "За темными, за синими лесами"; "За темные лесы, за синие боры"; "Над диким, синим лукоморьем". Чаще всего такие фольклорные образы растворяются в авторском стиле: "И по горам к вершинам белым Шли темно-синие леса"; "Глядят монахи на посад, на синь лесов и на закат"; "Белый голубь летит через море, Через сине-зеленое море".

Синий у М. Кузмина гораздо менее частотен, чем у Бунина, однако его употребление тоже очень показательно. Прежде всего, бедна словообразовательная типология (*синий, синь, синеватый, посинелый, синева, синеть, синеться*) и сравнительно узка лексико-фразеологическая вариативность сочетаний с носителями признака. Однако хотя традиционные семантические связи кузминского цветообозначения преобладают (море – вода, небо, мгла, леса, свет, огонь, предметы быта, глаза), многие образы свежи и неожиданны: *синие звоны; синее, синее Si; синий Саров; синие степи; синий пурпур; посинелый язык; синеет слюна; синеются отроги рощ*. Действие получает цветовой признак: *синё плывут осколки; синё яснит основа* (цит. по: Кузмин М. Избр. произведения. Л., 1990). Более того, в лирическом контексте Кузмина некоторые сугубо традиционные образы приобретают принципиально новые смыслы.

Как основной хроматический цвет ландшафта *синий* используется обоими авторами чаще в пейзажных зарисовках, в особенности у Бунина. В синем цвете эстетически наиболее совершенно воплотились сквозные символические образы пространственной дальности, безграничности, характерные для бунинской поэзии. Иногда кажется, что вся его любовь к бытию сосредоточилась именно в этом цвете.

И вновь, и вновь над вашей головой,
Меж облаков и *синей* тьмы древесной,
Нальется высь *Эдемской синевой*,
Блаженной, чистою, небесной.

Синева (синь) в значении "синее небо" в русской поэтической традиции – это образ, вмещающий не только необычайную пространственную дальность, но и высокое эмоционально-оценочное содержание, которое рождает определенный философский подтекст стихотворения Бунина "Небо":

И, радуясь, душа стремилась
Решить одно: зачем живу?
Зачем хочу сказать кому-то,
Что тянет в эту *синеву*.
Что прелесть этих чистых красок
Словами выразить нет сил,
Что только небо – только радость
Я целый век в душе носил?

Такие же эмоции – в стихотворении М. Кузмина "Просохшая земля! Прижаться к ней ...":

Как сладок дух проснувшейся травы,
Как старые ручьи опять новы,
Какой покой с высокой *синевы*!

Бунин необычайно точен в деталях, он скрупулезно добивается "стереоскопической выпуклости подробностей, филигранного выделения их индивидуальных, неповторимых черт" (Качаева Л.А. Мастер живописания природы // Русская речь. 1980. № 5. С. 13): "небесно-синий лен"; "смольно-синий кипарис"; "алмазно-синяя река", "сине-зеленое море"; "гряда далеких гор, молочно-синеватых"; "засинели, темнеют равнины" и др.

В отличие от Бунина, Кузмин не ищет точных красок. "Земное" у него – чаще воспоминание, и память, кажется, оставляет лишь очертания былого. Легкая меланхолия, пушкинская "светлая печаль" – тональность первого раздела сборника "Осенние озера":

Ах, небо, небо синее!
Ах, прежняя любовь!
Не доживу до инея,
Лишь там сойдемся вновь!

О том же – в "Параболах": "Сквозь сумрачный узор сине яснит основа".

Вообще же сборник "Параболы", по словам В. Маркова, знаменует полный отход от "прекрасной ясности", "это эстетические параболы-притчи, которые надо разгадывать" (Марков В. О свободе в поэзии. М., 1994. С. 117). Мотивы сна, магии, безумия пронизывают этот сборник. В стихотворении "Ариадна" *синим* оказывается *пурпур*:

Чередою плод за цветом,
Синий пурпур кружит вниз, –
И, увенчан вечным светом,
Ждет невесты Дионис.

Зыбкость и неясность художественных образов стихотворения объясняется мотивом перехода в надбытие спящей Ариадны, которой предуготовлено вступить в мистический брак с божественным дионисийским началом. Образы сгущаются, нарастает лирическая экспрессия, на гребне которой и возникает *синий пурпур*. Он содержит не столько цветовую характеристику виноградной кисти как символа вечно возрождающегося Диониса, сколько эстетически-оценочную. Дебюсси в тексте возникает не случайно. Автор двух циклов фортепьянных миниатюр под названием "Образы" и программной симфонической поэмы на тему стихотворения Малларме "Послеполуденный отдых Фавна", Кузмин как профессиональный музыкант олицетворяет порыв современного искусства в антично-мифологическое прошлое в импрессионистской манере, которая наиболее близка ему по характеру образов.

Такая манера письма была присуща и Бунину. Например, в его поэзии появляются цветные тени: "Еще от дома на дворе Синеют утренние тени..." ("Еще от дома на дворе..."). Однако субъективный цветовой оттенок у Бунина обычно мотивируется контекстом – тени приобретают цвет в предрассветном тумане, когда синяя ночь уже разбавлена утренним светом: "А из окон ночь синела ..." ("Эпиталама"); "И вот идет она, Степная Ночь с востока... За нею синий мрак над нивами встает..." ("Могилы, ветряки, дороги и курганы...").

У Кузмина субъективность цветового мироощущения – черта его художественного почерка, которая базируется на литературных экспериментах модернистов начала XX века.

Чье сердце засияло
На *синем, синем Si*?
Задумчиво внимает
Небывший Дебюсси

("Музыка", сб. "Параболы")

А рыба бьет тихонько о стекло...
И легкий треск и синий звон слилися...

("Форель разбивает лед")

И *синее Si*, и *синий звон* – это примеры поэтического соощущения, синестезии. Впервые этот художественный прием символистов был провозглашен в сонете А. Рембо "Гласные":

Вот буквы гласные: таинственный покров
Происхожденья их сниму я перед вами:
А – черный цвет, Е – белый, И – как кровь,
У – зелень, О – блестит лазурными цветами.

Впрочем, поэтическая синестезия – открытие отнюдь не французских символистов. Вот несколько примеров из японской лирики:

Сумрак над морем.
Лишь *крики* диких уток вдали
Смутно *белеют*.

(Мацуо Басё)

Льют майские дожди.
И *ветер* в листьях сливы
Свежо *зазеленел*.

(Саймаро)

Такие полисенсорные образы отражают чувственную целостность, присущую живому созерцанию действительности. Так, у Бунина, выступавшего против словесных экспериментов модернистов, мы находим завуалированные, но характерные для него синестетические тропы (синестезии-метафоры): "Струится из окна веселый летний свет, *Хрустальным золотом* ложась на клавесины"; "*Море плавится* в заливе драгоценной *синевой*".

Однако именно символисты вывели синестезию из уровня поэтической интуиции, именно они сделали этот прием очевидным и приметным:

Цветут цветы, сверкают долы;
Прислушайтесь, – лепечет лес
И *бирюзовые глаголы*
К нам ниспадающих небес.

(А. Белый "В альбом В.К. Ивановой")

Межчувственная ассоциативность стала широко эксплуатироваться и другими модернистскими течениями.

Художественный метод Кузмина – это соединение модернистских приемов и обращений к классике, от античности до "золотого века" русской литературы. Благодаря этой тенденции его стиль определяют как "русское неорококо XX века" (Марков В. Указ. соч. С. 63). Так, кузминский "кларизм" возводится к пушкинской традиции, его построение поэтического текста как развертывание "культурной парадигмы" связывают с акмеистическим направлением (Лавров А., Тименчик Р. Милые старые миры и грядущий век // Кузмин М. Избр. произведения. Л., 1990. С. 11).

Некоторые лирические шедевры М. Кузмина явно тяготеют к символизму. В этом отношении показательно, что первый стихотворный сборник поэта "Сети" считается своеобразным аналогом "Стихам о прекрасной даме" А. Блока (Марков В. Там же. С. 70). Отметим, что

зримо образ кузминской "Прекрасной дамы" проявляется лишь в четвертой части сборника "Александрийские песни":

Только помню бледноватые щеки,
Серые глаза под темными бровями
И *синий ворот* у смуглой шеи.

Если *серые глаза* – сквозной образ-мотив в лирике Кузмина, то *синий ворот* – любопытная конкретная деталь, поданная в блоковской тональности роковой предопределенности. Вспомним:

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в *синий плащ* печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

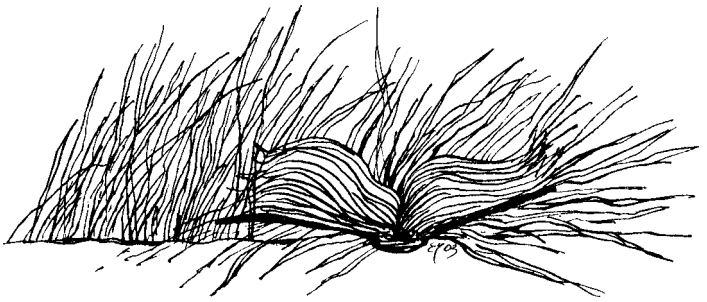
(А. Блок "О подвигах, о доблести, о славе...")

То же у Г. Иванова в стихотворении "Все дни с другим, все дни не с нами", где черты "сладостно-нечеткого образа" – "ясный взор и нежный рот, И шеи над *рубашкой синей* неизъяснимый поворот". Знаковый характер этого цветового символистского образа можно проиллюстрировать и соответствующей пародией этого времени П. Потемкина "Лебяжья канавка":

Барышня в *синей шляпке*,
Опять ты приснилась мне.
Сколько цветов в охапке?
Сколько любви по весне?

Таким образом, обращение лишь к одному элементу стилистической категории цветообозначения дает материал не только для понимания идиостилей этих лириков, но и позволяет почувствовать своеобразие такого эстетического феномена, как русская поэзия "серебряного века".

Петрозаводск



"История... просвечивает сквозь искусство"

Предлог *сквозь* в романе В.В. Набокова "Дар"

© *О. Е. ФРОЛОВА,*
кандидат педагогических наук

В сложном по композиции и стилистике романе В.В. Набокова "Дар" необычайно интересным и важным для понимания смысла произведения оказывается употребление предлога *сквозь*.

Этот предлог винительного падежа "употребляется при обозначении предмета, вещества, среды, через которые проходит, проникает, виднеется что-л. // при обозначении какого-л. явления, состояния // при обозначении действия, которое перемежается или прерывается другим действием" (Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1984. Т. 4. С. 107).

Словарь оговаривает характер преграды: предмет (*ткань*), вещество (*вода*), среда (*туман, метель*), явление, состояние (*сон*), действие (*пение*); в этом качестве могут выступать и несколько предметов, мыслимых как множество или единое целое (*листья/листва, деревья, кусты, лес*).

С предлогом *сквозь* в винительном падеже употребляются как имя, выступающее в качестве преграды, так и имя, называющее предмет или явление, на которые направлено внимание.

Проследим, каким образом предлог *сквозь* "распределяется" по всему тексту романа; на что направлено внимание, что выступает в качестве преграды, каково действие, преодолевающее преграду: взгляд, физическое движение, движение света – просвечивание.

Уже в предисловии к роману Набоков наделяет необычным метафорическим значением интересующее нас слово: "*История* то тут, то там п р о с в е ч и в а е т *сквозь искусство* (курсивом отмечены преграда и предмет, на который направлено внимание, выделенный гла-

гол свидетельствует о способе преодоления преграды). Искусство выступает как преграда, а история – как предмет, интересующий говорящего.

Так уже в начале "Дара" обозначен прием, положенный в основу композиции произведения, в котором описание реальности перемешивается с воспоминаниями, а жизнь реального человека и писателя Н.Г. Чернышевского обращается в предмет искусства, не теряя своей реальной, фактической основы, т.е. история – предмет, на который направлено внимание, искусство – преграда, способ преодоления преграды – свет, идущий от жизни, проникающий через искусство и закрепленный, зафиксированный в художественном произведении.

В первой главе, знакомящей читателя с главным героем романа Федором Константиновичем Годуновым-Чердынцевым и с его главным занятием – писательством, наряду с обычными употреблениями, когда в качестве преграды выступает стекло, а в качестве предмета – парфюмерные товары ("...сдачу, полученную только что в табачной, первым делом теперь высыпал на резиновый островок посреди стеклянного *прилавка, сквозь который* снизу п р о с в е ч и в а л о подводное *золото* плоских *флаконов*..."), встречаются и другие случаи.

Предлог *сквозь* возникает в связи с погибшим Яшей Чернышевским. Вначале все гости его родителей предстают как полупрозрачные преграды, нереальные по сравнению с воспоминаниями Чердынцева о погибшем сыне Чернышевских: "*Сквозь Васильева* и бледную *барышню* п р о с в е ч и в а л *диван*, инженер Керн был представлен одним лишь блеском пенсне. Любовь Марковна – тоже, сам Федор Константинович держался лишь благодаря смутному совпадению с покойным, – но Яша был совершенно настоящий и живой, и только чувство самосохранения мешало вглядеться в его черты".

История гибели сына Чернышевских для Чердынцева также ассоциируется с преодолением преграды. Путь Яши и его товарищей к месту самоубийства, попытки спасти его также описываются с помощью предлога *сквозь*, но во всех случаях Яша – объект восприятия или объект действия. "*Эту группу* у в и д е л изнутри, *сквозь дверцу*, Юлий Филиппович Познер, бывший репетитор Яшиного двоюродного брата"; "Рудольф и Оля еще п р о т а щ и л и *его сквозь кусты* к тростникам и там отчаянно кропили и терли, так что он был весь измазан землею, кровью, илом, когда полиция нашла труп".

В первой главе предлог *сквозь* также употребляется в связи с природными явлениями. "... он закидывал голову на горячий край спинки и долго жмурился; призрачные *колеса* городского *дня* в р а щ а л и с ь *сквозь* внутреннюю *бездонную алость* ... он раскрывал глаза и опять видел сад, газон с маргаритками ... *путешествие* слепнувшего, дышащего, л у ч а щ е г о с я *диска сквозь облако*, – и снова все разгора-

лось, и с грохотом проезжал вдоль сада по пятнистой, обсаженной волнующимися деревьями, улице угольный грузовик...”

Сначала в качестве преграды выступают закрытые веки, свет проходит, проникает сквозь них. Когда глаза открыты, свет солнца проходит через закрывающее солнце облако. Таким образом, оба эти глагола *просвечивать* и *лучиться* можно интерпретировать так: объект “движется” по направлению к наблюдателю, а не взгляд направлен к объекту, как при глаголах *смотреть, видеть*.

Наблюдательность Чердынцева проявляется в ироничном описании его “слияния” с природой: “Он шел весело, ... и *сквозь* распадавшуюся летнюю *обувь он* необыкновенно живо о с я з а л *землю*, когда проходил по немощеной части...”

Для Чердынцева, который выступает и как рассказчик, и как наблюдатель, и как поэт, между природной прозрачностью преграды и отражением ее в поэзии нет принципиального различия.

Семантика предлога *сквозь* предполагает разную степень прозрачности преграды, что отражается и в реальных, и в стихотворных, поэтических наблюдениях Чердынцева:

> Но мне не надо прошлогодних,
> увядших за зиму ванесс,
> *лимонниц* никуда негодных,
> л е т я щ и х *сквозь прозрачный лес*.

Однако далее в романе в качестве преграды выступают сами стихи, а предмет, на который собственно направлено внимание, не назван. Глагол, обозначающий действие преодоления преграды, обозначает состояние, не поддающееся контролю человека, – *сниться*: “Неужто и вправду все очаровательно дрожащее, *что* с н и л о с ь и с н и т с я мне *сквозь мои стихи*, удержалось в них и замечено читателем, чей отзыв я еще сегодня узнаю?”

Преграда перестает быть препятствием, а становится своеобразным конденсатором, уловителем того неназванного, что Чердынцев хочет зафиксировать, запечатлеть и донести до своего адресата, читателя. Таким образом, в этом отрывке Набоков не только наделяет словосочетание новым смыслом, но и вновь создает метафору: *сниться сквозь стихи*.

Предлог *сквозь* встречается в стихах Чердынцева дважды. Когда Кончеев и Чердынцев в воображаемом диалоге обсуждают собственно литературные проблемы, стиль русских классиков и поэтические образы, Кончеев цитирует строки своего молодого коллеги: “Посмотрим, как это получается: вот этим с черного парома *сквозь* (вечно?) тихо падающий *снег* (во тьме в незамерзающую воду отвесно падающий снег) (в обычную?) летейскую погоду вот этим *я* с т у п л ю на брег”.

Во второй главе, посвященной воспоминаниям об отце и размышлениям о А.С. Пушкине, встречаем фразу, перекликающуюся с процитированным предложением из предисловия. Едущий в трамвае Чердынцев рассматривает пассажиров-немцев, которые ему не нравятся: "Он рассудком знал, что среди них могут быть и настоящие, вполне человеческие особи, с бескорыстными страстями, чистыми печалями, даже с *воспоминаниями*, п р о с в е ч и в а ю щ и м и *сквозь жизнь*, – но почему-то ему сдавалось, что все эти скользящие, холодные зрачки, посматривающие на него так, словно он провозил незаконное сокровище..."

Метафора, употребленная в этом контексте, не только оценочна для Чердынцева, потому что *просвечивающие воспоминания* являются положительной характеристикой: фраза, приведенная в начале главы, развивается потом в этой "мемуарной" главе.

Во второй главе интересующий нас предлог вновь встречается в связи с воспоминаниями: "И бывало, они играли так: сидя рядом и молча про себя воображая, что каждый совершает одну и ту же лешинскую прогулку, они выходили из парка, ш л и дорожкой вдоль поля... через тенистое кладбище, ... через речку, опять вверх, лесом, опять к речке, к Pont des Vaches, и дальше, *сквозь сосняк*, и по Chemin de Pendu – родные, не режущие их русского слуха прозвания, придуманные еще тогда, когда деды были детьми".

Переход от воспоминания к реальности делает естественным обозначение и преодоление совершенно иной преграды: "И вдруг, среди этой безгласной прогулки, которую две мысли проделывали, пользуясь по правилам игры мерой человеческого шага ... оба останавливались и говорили, где кто находится, и когда оказывалось, как это бывало часто, что ни один не обогнал другого, остановившись в том же перелеске, – у матери и сына в с п ы х и в а л а одна и та же улыбка *сквозь общую слезу*".

Заметим, что в этой фразе подразумевается посторонний наблюдатель, видящий обоих персонажей.

Предлог *сквозь* во второй главе перенесен автором в план воспоминания. Так, подсматривание за отцом через окно, наблюдения над двумя облаками бабочек, *просачивающимися одно сквозь другое*, погибшими в замерзшей реке дикими яками, тенями от костра – все это отнесено в прошлое.

Вспоминая отца, Чердынцев мысленно совершает путешествие по его маршруту, а затем переходит на местоимение *мы*, объединяясь с ним в воображении и реконструируя его путешествия, затем вновь возвращается к *я*, используя близкий по значению предлог *насквозь*: «я видел и слышал то же, что Марко Поло: "шепот духов, отзывающих в сторону" и среди странного мерцания воздуха без конца проходящие навстречу вихри, караваны и *войска призраков*, *тысячи при-*

зрачных лиц, как-то бесплотно п р у щ и х *на тебя, насквозь тебя*, и вдруг рассеивающихся».

В третьей главе Чердынцев остается рассказчиком, выступающим от 3-го лица, применительно к предлогу *сквозь* вновь появляется наблюдатель, увидевший влюбленных Чердынцева и Зину со стороны: "*Сквозь стекла* пепельный *свет* с улицы о б л и в а л *их обоих*, и тень железного узора на двери изгибалась через нее и продолжалась на нем наискось, как портупея..."

В этой же главе намечено то, что получит развитие в книге Чердынцева о Чернышевском: «...у Михайловского легко отыскивалась брюхом вверх плавающая метафора вроде следующих слов (о Достоевском): "... бился, как рыба об лед, попадая временами в унизительнейшие положения"; из-за этой униженной рыбы стоило п р о д и р а т ь с я *сквозь все писания* "докладчика по делам сегодняшнего дня"».

Речь идет о переносном значении глагола "продираться", так как в качестве преграды выступает словесное произведение.

Четвертая глава, представляющая собой книгу Чердынцева о Чернышевском, продолжает развивать эту же метафору: преодоление преграды мыслится как попытка увидеть и извлечь смысл из текста. При этом успешность извлечения смысла и богатство мысли свидетельствуют о литературной одаренности автора и наоборот: обилие преград на этом пути и затруднения в понимании произведения говорят о несостоятельности литератора: «... самая плоть "Пролога" *сквозь весь мусор беспомощного вымысла* теперь и впрямь к а ж е т с я беллетристическим *продолжением* саратовских *записок*.

О "легких" сценах в "Прологе" лучше умолчим. *Сквозь* их болезненно-обстоятельный *эротизм* с л ы ш и т с я нам такая дребежжащая *нежность к жене*, что малейшая из них цитата показалась бы чрезмерно глумливой».

Так в глазах Чердынцева писательская беспомощность Чернышевского соединяется с сентиментальностью.

Попытка Чердынцева увидеть мир глазами Чернышевского также выражается употреблением предлога *сквозь*: «Страшное состояние его души, уязвленное самолюбие, старческую взбалмошность и последние, безнадежные попытки перекричать тишину... всё это надобно помнить, когда ч и т а е ш ь *сквозь его очки рецензию* на внутренней стороне бледно-земляничной обложки "Вестника Европы"...»

Желание воссоздать облик Чернышевского, собирая и анализируя воспоминания о нем, принуждает Чердынцева корректировать мемуары Тучковой-Огаревой: «По залу ... ходит взад и вперед с Александром Ивановичем... среднего роста господин, с лицом некрасивым, "но озаренным удивительным выражением самоотверженности и покорности судьбе" (что было вернее всего лишь игрою памяти мемуа-

ристки, вспоминавшей *это лицо сквозь призму судьбы*, уже свершившейся)».

В этой метафоре *свершившаяся судьба* выступает как преграда, воспоминание – как способ преодоления, лицо писателя – как объект внимания.

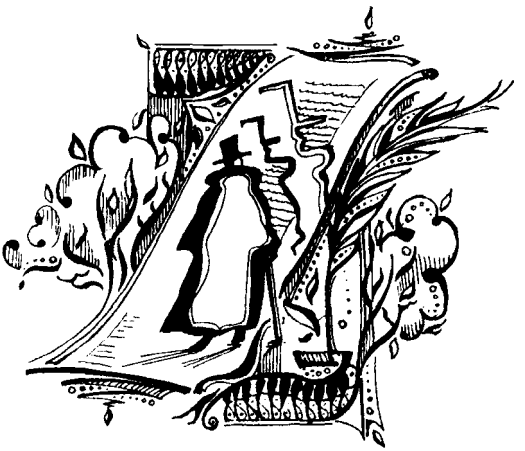
В последней, пятой главе – еще одно очень важное употребление предлога *сквозь*. Это описание сна и пробуждения во сне Чердынцева, когда ему сообщают по телефону о важном событии и он догадывается, что в Берлин приехал отец: "*Сквозь* этот бессмысленный *разговор* в щеку кругло ткнулась *пуговица наволочки*, он перевалился на другой бок, ... и какое-то пятно света в вензельном образе инфузории поплыло наискось в верхний угол подвечного зрения".

Сфера восприятия вновь, как и во второй главе, перемещается в нереальный план, сон, физическое действие *ткнуться* проникает в разговор, который снится Чердынцеву, не прерывая, однако, состояния сна.

Итак, в прямом значении предлог *сквозь* сочетается как с глаголами зрения *смотреть, видеть*, так и с глаголом *просвечивать*, а кроме того, с глаголами движения *идти, бежать*. При употреблении с глаголами зрения, а также с глаголом *просвечивать* можно говорить о присутствии наблюдателя. Что касается глаголов зрения, то в этом случае восприятие направлено от наблюдателя к объекту через полупрозрачную преграду.

При глаголе *просвечивать* можно говорить о том, что наблюдателя также отделяет от объекта полупрозрачная преграда, но в этом случае предмет "идет навстречу" наблюдателю. Аналогично с глаголом *просвечивать* можно говорить о векторе от объекта к наблюдателю и при употреблении предлога *сквозь* с глаголами *сиять* и *светиться*.

В романе В.В. Набокова предлог *сквозь* свидетельствует о проницаемости, прозрачности всех сред. Метафорические употребления ("История ... просвечивает сквозь искусство"; "воспоминания, просвечивающие сквозь жизнь"; "вспоминать ... лицо сквозь призму судьбы, уже свершившейся") могут претендовать на ключевую роль в формулировании смысла романа. Об этом говорит фраза "История ... просвечивает сквозь искусство", вынесенная автором в предисловие, в котором В.В. Набоков дает разъяснения и установки своему читателю. В словосочетаниях и фразах с предлогом *сквозь* отражается "конструктивный принцип" романа – совмещение воспоминания, жизни, творчества, истории и литературы, дающее возможность органичных переходов от одного к другому.



ОСТРОВОК В ХОЛОДНОМ МОРЕ

О современной поэзии русского зарубежья

© *Н. Е. РОЖКОВА*

Размышления о судьбах трех поколений русской эмиграции, тесно связанных с глобальными историческими событиями, содержатся в опубликованном в 1993 г. в Лондоне сборнике "Беседы в изгнании", состоящем из многочисленных интервью известного журналиста и литературоведа Джона Глэда с прозаиками и поэтами, покинувшими Россию в разные годы. Разделы книги построены, однако, не по временным критериям; Глэд предлагает следующую градацию: к старшему поколению причисляет Романа Гуля, воевавшего на "той единственной, гражданской" на стороне белых; к мастерам фантазии и юмора – Владимира Войновича и Василия Аксенова; к эстетам – Иосифа Бродского, Андрея Синявского и СМОГовца Сашу Соколова; к моралистам – философа Александра Зиновьева и "посмевшую выйти на площадь" в 1968 году Наталью Горбаневскую. Патриот-интеллектуал Владимир Максимов и "вечнозеленый" Эдуард Лимонов получили характеристику реалистов.

Возможно, если бы книга "Беседы в изгнании" появилась сейчас, в ней нашлось бы достойное место новому направлению в литературе и искусстве – метафизическому реализму. Вот как определяет его Ю. Мамлеев: "Это новое течение в литературе, как в российской, так и в мировой. Суть метафизического реализма вот в чем: писатели этого плана описывают не только повседневную, обыденную реальность,

то есть окружающий нас мир, но и невидимый мир. Вернее, влияние невидимого мира на наш реальный. И также те аспекты человеческой души, которые наиболее скрыты, наиболее глубинны. Наш мир – только часть огромной Вселенной, которую мы не воспринимаем естественным физическим взглядом. Обратите внимание, что это не фантастика, то есть здесь не место фантазиям. Потому что фантазия – это просто игра интеллекта по поводу нашей земной реальности... В метафизическом реализме важно не только слово метафизика, это означает способность писателя к интеллектуальной интуиции, он должен уметь видеть скрытые глубины".

Умение видеть скрытые глубины свойственно и творчеству Любови Молодёнковой, живущей во Франции. Ее стихи, опубликованные в сборнике "Мистерия бесконечности" (СПб., 1999), отличаются от произведений других представителей метафизического реализма естественностью интонации и чистотой звучания. Многие нынешние стихотворцы привержены либо излишней "книжности" (когда общеизвестные, пусть даже и абсолютно правильные истины преподносятся как открытие), либо некоему гибриду постмодернизма и сомнительного остроумия (когда уничижению подлежит все без исключения). Для литературных пересмешников фраза Венедикта Ерофеева: "святынь у нас было совсем чуть-чуть, но зато столько вещей, на которые нам было не наплевать", осталась в далеком прошлом.

Л. Молодёнкова смотрит на мир широко открытыми глазами. Три бабы, поющие в "простудном апреле" под старой ветлой, церковь, разобранная в 30-е годы на дрова, нематериальное понятие – надежда, в которой "и белый жасмин, и подснежник лиловый", – все приобретает ощутимость. Перед нами – пример той самой "глуповатости поэзии", когда подлинные стихи оставляют более значительный след в душе, нежели изощренные стихотворные тексты даже самого "продвинутого" интеллектуала. Русская поэтесса, живущая во Франции, не поучает и не иронизирует:

Какие смелые стихи
с тобою вместе мы писали,
какие малые печали,
какие легкие грехи
нас в эту осень посещали,
какие жаркие слова
друг другу храбро говорили,
за всё судьбу благодарили –
и дожили до Рождества,
и лица свечи озарили.

Многие литературы изо всех сил стремились попасть в поле зрения Иосифа Бродского, создавая исключительно подражательные опусы

(кажется, Маяковский шутливо наставлял юных авторов: "Вы не делайте под меня, вы делайте под себя"), однако желание, чтобы "старик Державин" отметил, неистребимо. Нобелевский лауреат предпочитал отмалчиваться, но однажды высказался: "Они – стихи эти – вызывают во мне зависть не столько даже к тому, как они написаны (хотя и к этому тоже), сколько к внутренней жизни, за ними происходящей". Эти слова относятся к Вадиму Месяцу, родившемуся в 1964 г. в Сибири и ныне живущему в США. Поэтический сборник В. Месяца "Час приземления птиц", вышедший в 2000 г., можно назвать своеобразным подведением итогов. Одна из давних выставок оп-арта (оптического искусства) называлась "отзывчивый глаз". Именно "отзывчивым", чутким зрением, умением разглядеть необычное в стихии повседневного, будничного бытия обладает поэт:

Бродит август по Даниловскому рынку,
залезает глазом в глиняную крынку,
отражаясь в молоке, что подороже,
вдруг на миг становится моложе.

Наш соотечественник Алексей Парщиков, проживающей в Германии, отмечает в стихах В. Месяца "целый заповедник ситуаций, принадлежащих только тебе и никогда не попадавших в чье-либо поле зрения". Читатель, однако, не представляет себя чужим в этом заповеднике; его завораживают искренность чувства, традиционная для русской поэзии строгость формы и – ощущение огромного пространства России, свойственное лишь искренне патриотичным, державным, а не "комнатным", камерно-декоративным стихам:

Вот и хлопают двери в великой моей Сибири.
Все ушли. И скоро уйдут их души.
Думай только о них – чтоб скорей забыли:
Человек состоит из воды. И полоски суши.

Здесь прослеживается интонация, с которой читатель впоследствии встретится в романе В. Месяца "Лечение электричеством" (2000 г.). И.А. Гончаров когда-то написал: "У меня есть свой грунт и свой воздух". В творчестве В. Месяца тоже присутствуют собственный грунт и воздух.

Стихи Наталии Воробьевой, в прошлом актрисы, ныне пищущей в Хорватии, опубликованные на страницах антологии "Поэты Москвы о Боге и Вере", полны тонких смысловых оттенков. В свое время Юрий Кузнецов, анализируя стихи Виктора Лапшина, назвал их "удивительно целомудренными", эта характеристика применима и к творчеству Воробьевой.

Поэтов, живущих в России и за ее пределами, объединяют мысли и чувства, которые выразил Бахыт Кенжеев, уехавший в Канаду:

Когда приходит юности каюк,
И от фортуны лишнего не надо,
Март на исходе, хочется на юг,
Секундомер стрекочет, как цикада.
Мы так взрослели поздно, и засим
До тридцати болтали, после – ныли.
Лишь в зрелости не просим, не грустим,
Ворочаясь в прижизненной могиле.

В 2002 г. в московском издательском доме "Эра" вышел сборник "География слова". В него включены, в основном, стихотворения представителей современной русскоязычной диаспоры. Почти всем им, судя по стихам, свойственно позднее взросление. Самый молодой автор – Ирина Михайловская (1979 г.р.), с четырнадцати лет живет в Лос-Анджелесе; тяготение к поэзии Цветаевой не мешает ей сохранить творческую индивидуальность:

Переживешь ли этот переход
От мрачного, упрямого ребенка
До женщины, прочувствующей тонко
Оттенки слов и отзвуки шагов.

Среди ярких представителей русского зарубежья – безвременно ушедший Вадим Козовой, поэт и эссеист, особенно интересна его работа "В споре с Ницше", в которой автор защищает немецкого мыслителя от отрицательных оценок позднего Пастернака.

Утратившие духовную связь с Отечеством, не являясь в данный момент участниками литературного процесса, некоторые поэты были вынуждены надолго "замолчать". Возможно, из-за неудачных переводов своих текстов на английский или французский языки, напоминающих анекдот: российский корреспондент спрашивает актера-шотландца, чем привлекло его труппу "Собачье сердце" Булгакова.

– Эти проблемы очень актуальны для нас, – отвечает актер.

– Какие именно?

– Проблема трансплантации и проблема бездомных.

Сегодняшнее поколение литераторов-эмигрантов существенно отличается от предыдущих. Оно находится в более выигрышном положении, поскольку свидание с Родиной теперь возможно не только в стихах и во сне. Их сердце не разрывается от несбыточных надежд Галича "Когда я вернусь...", ностальгические мотивы звучат в творчестве этих поэтов нечасто. С другой стороны, им значительно труднее, чем предшественникам, потому что наступили иные времена – теперь

смелые, "обличительные" и, безусловно, "правильные" мысли все-таки не в состоянии заменить подлинную поэзию. Сейчас русскому поэту, живущему за пределами России, ничего не остается, как просто писать хорошие стихи – подобные тем, которые написал профессор Осакского университета, русский поэт Вечеслав Казакевич:

Восхищенный облаками мая,
Растянусь среди травы большой,
Пусть Европа голову ломает
Над моей загадочной душой!

Алексей Прасолов, в стихотворения которого читателю еще предстоит по-настоящему вчитываться, никогда не уезжал из России, однако сумел, размышляя на пороге дома, где родился И.А. Бунин, одной небольшой фразой выразить мироощущение русского эмигранта: "Здесь раздался крик младенца, которому суждено в зрелости обогнуть Африку, Яву, Суматру, скитальчески проплыть океаном, чтобы навсегда уйти из России и унести ее в памяти такой, какой она только в этой неизмеримо глубокой памяти и могла тогда сохраниться – островком в море эмиграции – холодном и мертвом".

ПОЭТИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ*

© *Т. Н. МАРКОВА,*
кандидат филологических наук

Решительное обновление форм художественной речи в прозе Петрушевской, в первую очередь, связано с расширением сферы несобственно-авторского повествования. Оно колеблется между экспрессивными разговорными конструкциями и развернутыми книжными построениями.

Например: "Взрослые подруги матери совались в это безобразное гнездо, привозили продукты, в основном Валентина, но на такую прорву не напасешься; чтобы поела Викочка, есть должны все, братство, равенство, свобода всем находящимся ... То есть это лежбище живо напоминало или землянку в тайге, где жарко натопили, или последний день Помпеи, только без какой бы то ни было трагедии, без этих масок страдания, без героических попыток кого-то вынести вон и спасти. Наоборот, все старались, чтобы их отсюда не вынесли" ("К прекрасному городу").

Соотношения между разными формами речи "не закреплены", и Петрушевская использует смешанные построения различной степени

* Окончание. См.: Русская речь. 2003. № 2.

сложности. Например, схема построения следующего фрагмента с точки зрения форм речи будет такая: объективное повествование от 3-го лица – несобственно-авторское повествование – несобственно-прямая речь персонажа – речь повествователя от 3-го лица:

"У Алексея Петровича, коменданта, свои заботы, ремонт, начало мая, но вахтерша на стреме: ей кажется (и справедливо), что Алексей Петрович мылится устроить старшее пугало (Анастасию Гербертовну) на должность ее, вахтерши, ибо вахтерша подала заявление об уходе. Копейки платят, целый день сиди не меняясь. Ничего себе девушка, волосы как у утопленницы, отдельно висят, черепушка блестит, глаза ввалились. Молодые все на морду ничего, работать же не могут. Так, возможно, размышляет вахтерша". С точки зрения лексического аспекта, можно говорить о коллаже нейтральной, экспрессивной, канцелярской, разговорной, сниженно-просторечной и книжной лексики.

В результате объединения разных способов передачи чужой речи возникают гибридные, нестандартные образования, например, несобственно-прямой диалог, приобретающий достаточно развернутый характер: "Вахтерша... потом расспрашивала Алексея Петровича, кто эти девочки, мать и дочь, надо же. Алексей Петрович им кем? Знакомые, то есть Алексей Петрович долго не стал объяснять, дети знакомой, которая умерла. Умерла! Знать, была молодая? Тридцать восемь лет. Молодая! – со вкусом сказала вахтерша и отпустила".

В несобственно-прямой форме передаются и "односторонние" диалоги, в которых второй голос выражен скрыто, имплицитно, но отраженно присутствует в репликах персонажа. Так передаются разговоры по телефону. Это не просто одна из форм речи, а концептуально важный для Петрушевской прием, демонстрирующий парадоксальное сочетание открытости/ закрытости в отношениях ее персонажей с миром. Это, по сути, **антидиалог**, симуляция общения, знак некоммуникабельности, одиночества, в нем столько же потребности выговориться, открыться, сколько остаться непроницаемым, невидимым: ни глаз, ни жеста, только голос в эфире. Голос по телефону – чаще всего мольба о помощи, жалоба, крик отчаяния и очень редко – радости: "Очередной гром раздался спустя пять лет, когда Настя позвонила Валентине откуда-то и вяло сказала, что тот знакомый, которого тетя Валя прислала к ней пожить месяц за сто долларов, убежал, не заплатив, да еще и наговорил с Петропавловском-Камчатским на миллион!

...дяде Леше еще позвонила сама Настя и торжественно сказала, что теперь живет около тети Вали в поселке, у них с Викочкой двухкомнатная квартира, и куплена мебель и одежда для Вики, у дочки своя комната, и сама Настя собирается работать (Молодец! – воскликнул дядя Леша), и Викочка идет в школу (с запозданием на год, подумал Алексей Петрович).

Дядя Леша был приятно удивлен и обзвонил всех участников сбора денег, все были рады, но уже через некоторое время Настя опять позвонила и торжественно, голосом девятилетнего ребенка, сообщила, что села на иглу.

Дальнейшие события не заставили себя долго ждать. Настенька опять позвонила и сказала, что они с Викочкой голодают, тетя Валя не открывает свою дверь, деньги кончились".

Восемь лет жизни спрессованы в телефонных разговорах. Нам предъявлен свернутый до телефонограммы роман. В двух симметричных, кольцом замыкающих повествование фрагментах (мать и дочь в буфете едят холодные макароны), повторяется один и тот же мотив: *обе живые, полусонная, еще живая семья*. В кольцо обреченности, вялой, покорной, безвольной, полусонной, заключена незатейливая, в телефонных звонках, история о том, как жизнь не вмещает в себя человека.

Важным способом обновления форм художественной речи представляется **скрытый диалог между оценками персонажей.** В рамках одного текста сосуществуют перемежающиеся точки зрения разных персонажей, предоставляющие возможность вариативного толкования действия или мотива. В прозе Петрушевской точка зрения автора – одна из многих, отличающаяся от других амбивалентностью, нетенденциозностью. Для примера выстроим ряд точек зрения на героиню рассказа "К прекрасному городу". Взгляд повествователя: "Мать выглядела бледно, слабо, двадцать три года, дочери семь, внимание". Взгляд Алексея Петровича: "сияющая, худая Настя в обрамлении сухих светлых волос, которые подчеркивали костлявость лба". Взгляд вахтерши: "Ничего себе девушка, волосы, как у утопленницы, отдельно висят, черепушка блестит, глаза ввалились. Молодые все на морду ничего, работать же не могут".

Множественность точек зрения на происходящее в рассказах писательницы отражается в диалоге, коллективной косвенной и несобственно-прямой речи (говорили, рассказывали) и речи других персонажей: «... в райжилотдел уже ходили жильцы Настиного дома и убеждали инспектора не давать комнату Насте, а дать им, очередникам, поскольку она гулящая и так далее. На что Валентина возразила, что если бы Настя была, как они выразились на букву "б", то деньги бы у нее были, да еще какие. Что она взрослый ребенок, который никому не может отказать, добрая душа». И завершает этот скрытый косвенный диалог комментарий автора-повествователя, который, однако, не проясняет, а, напротив, подчеркивает противоречивость оценки персонажа: "Валентина спела дифирамб, который тем охотнее поется, чем страшнее мысли на этот счет у автора". Так возникают перекрестные, парадоксальные, объемные характеристики персонажей, но не окончательные, и сами персонажи от приговора как бы ускользают.

Героиня рассказа "Донна Анна, печной горшок" вообще не произносит ни одной фразы, ни звука. Ее образ конструируется на основании мнений и взглядов со стороны ("за ней все время неустанно наблюдают многие, выдававшие себя как-то особенно вывороченными белками глаз, выедая взорами ее пламенеющее желтым печным загаром лицо... и всю ее фигурку"), из коллективных слухов – догадок – сплетен (о детях Анны, например: "четверо вроде Леопольдовы, четверо точно от других"), из обиды и недоумения свекрови ("несчастная высланная бабушка, жалея внучков, засылала в дом якобы нянь, свою агентуру... так и не смогла понять смысла этого брака"). В эпилоге рассказа мы слышим несобственно-прямой диалог друзей, приоткрывающий тайну героини, и авторский (предположительный, вероятностный) комментарий: "Друзья говорили, правда, что все эти годы Леопольд жил с одной женщиной вполне открыто... а вся безобразная жизнь донны Анны, бывшей красавицы, протекала на этом позорном фоне. Чуть ли она не пила ли с горя, но пьют, всегда находя повод, говорили другие, причем сама Анна никогда ни звука не проронила насчет мужа, терпела свой позор как могла, ни слова обвинения, улыбка треснутого горшка. И не ее вина, что она, как ни торопилась, не поспела первая и осталась вдовой, донна Анна". Причина *якобы* прояснилась, но авторский приговор отсутствует.

Речевая стихия в прозе Петрушевской выражает не событие в жизни героя, а **созерцание** этого **события** окружающими – **хором**, как в античной драме. На реакцию откликается читатель. Сам же автор словно растворяется в тексте, словно "читая" незавершенный сюжет судьбы. Рефлексия автора оказывается принципиально незавершенной, предъявление события – многомерным и вариативным, через оценку его неким безличным окружением, причем эта оценка нередко предвосхищает, опережает и даже замещает само событие.

Вот, к примеру, начало рассказа "Грипп": "Всему виной, очевидно, все-таки был грипп, хотя некоторые придерживаются иной точки зрения и говорят, что дело именно и обстояло так просто, как оно выглядело на первый взгляд после первого рассказа жены, и никаких глубин, подспудных причин, смещения разных обстоятельств в этом случае не следует доискиваться; тем более смешно выставлять причиной грипп – эту странную болезнь, которая у всех протекает настолько поразному, что здесь можно даже говорить не о конкретной болезни, а каком-то всеобщем предрасположении к болезни, к разным болезням, о всеобщей ослабленности, возникающей в одно и то же время, во время холодов".

О событии (самоубийстве мужа) мы узнаем ближе к концу рассказа, но уже с начальных его строк словно участвуем в расследовании, которое невольно ведется многими людьми – сослуживцами, знакомыми, соседями, друзьями. Возникает специальная лексика: *вменяет-*

ся в вину, косвенное обвинение, смягчающие обстоятельства, подстрекательство и пр. На суммарность коллективного мнения (хора) указывает отсутствие собственных имен, употребление описательных оборотов и местоимений: *те женщины; те, кто работал*, и т.п.

В отсутствие собственно диалога (формально маркированного) мы имеем дело с диалогизацией текста, эффектом многоголосия в объективно-авторском повествовании от 3-го лица. В обобщенно-личной и безличной форме (*можно говорить о...; смешно выставлять причиной*) здесь обсуждаются возможные события, отклоняются гипотезы и предположения. Амбивалентность в интерпретации происшедшего явления и на психологическом, и на лексическом уровне: не обвиняли – обсуждали, заслуженно – незаслуженно, не притворялась – притворялась: "И вот что, во-первых, вменяется ей в вину сейчас: вместо того чтобы подбежать и снять его с подоконника, она резко, демонстративно отвернулась и продолжала собирать вещи. Это должно было показать мужу, что она ему не верит, как он не верил ей, и считает этот его жест позой, пустым актерством, желанием спекулировать, капризом и так далее. Но, с другой стороны, то, что она отвернулась к шкафу, теперь можно считать прямым подстрекательством к самоубийству. Вот в чем ее обвиняют, во-первых".

Характер расследования несостоявшегося убийства младенца носит и рассказ "Дитя". В нем участвуют шоферы, медсестры, роженицы, адвокат и семья преступницы.

Повествование как бы имитирует неофициальный протокол, о чем свидетельствуют специфические речевые формы типа: *по ее утверждению, а по мнению всех, передавали из уст в уста, все это рассказывали медсестры, весь родильный дом буквально бушевал, оба шофера были возбуждены до крайности.*

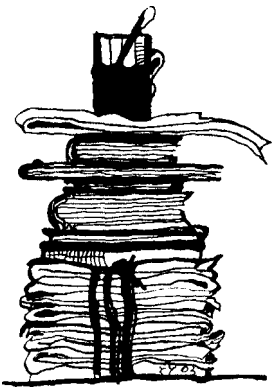
Императивная формула, с которой начинается рассказ, выражающая приговор обывателей ("Ей не было оправдания"), казалось бы, полностью подтверждается. Даже адвокат, не видя смысла во всем происшедшем, склонен объяснить все невменяемостью своей подзащитной, которая "ведет себя как глупый ребенок, закрывая лицо руками, как будто боясь – и кого, малого младенца"; не тюрьмы, не осуждения боится – собственного дитя.

Но в тексте есть и другая (не проговоренная, предъявленная мизансценой, статуарно) "точка зрения", иное видение события – со стороны нищей семьи арестантки (старик-слепец, двое детей в бедных матросских шапочках и сердобольная посторонняя старушка): "Вид у них был такой, словно именно с ними что-то произошло, какое-то несчастье". Этот другой – оптический и этический – ракурс отменяет однозначную категоричность начальной императивной формулы, не опровергая ее, но оставляя преступление без окончательного приговора.

С точки зрения внешнего наблюдателя, который ведет рассказ, этот сюжет абсурден. Его логику помогает понять христианский миф, убедительно проанализированный в статье Ю. Серго (Серго Ю. Сюжет античного и христианского в женском прочтении ("Теща Эдипа" и "Дитя" Л. Петрушевской) // Гендерный конфликт и его репрезентация в культуре: Мужчина глазами женщины. Екатеринбург, 2001. С. 130–131). Логика евангельской легенды, утверждает исследовательница, в рассказе не явлена впрямую, а лишь слегка намечена – ночь, пещера у дороги, шоферы-волхвы, ватники-шкуры. В свете христианского мифа оставленное матерью дитя – жертва, принесенная миру для того, чтобы пробудить в нем жалость. Алогичное поведение матери оборачивается той высшей логикой, которая заставляет мир принять и полюбить ее дитя. Новорожденный ребенок, заложенный камнями у дороги, предстает погребенным для обретения новой жизни. Разрушив связь между собой и миром ("Ей не было оправдания"), она инстинктивно пытается соединить мир и ребенка. Легенда о чудесном спасении в массовом сознании рождается как бы без участия матери. "Бессмысленность" ее поступка представляет собой попытку автора вернуться к изначальному смыслу, не осознаваемому ни героиней, ни ее судьями.

Итак, полисемантичность, амбивалентность как стилевые доминанты прозы Петрушевской явлены нам на разных уровнях ее текстов, но в первую очередь – на языковом, стилистическом.

Челябинск



ШКОЛА ДЛЯ ЧИНОВНИКОВ

© *М. Н. ПАНОВА,*
кандидат филологических наук

III

Продолжаем разговор, начатый в публикациях, посвященных обучению государственных служащих культуре устной и письменной речи (Русская речь. 2003. № 3; 2004. № 2). Профессионально ориентированный корректировочный курс русского языка для государственных служащих включает в себя и трудные случаи словоупотребления. Речь госслужащих, профессия которых относится к разряду лингвоинтенсивных, то есть таких, где высок удельный вес речевого общения, а язык является инструментом профессиональной деятельности, – должна быть ясной, точной, правильной, уместной, эффективной.

Распространенные в устной и письменной служебной речи ошибки, выявленные в результате анализа выступлений госслужащих в СМИ, а также проверки дипломных и аттестационных работ слушателей РАГС и наблюдений за их речевым поведением в Академии, – тот самый актуальный материал, который обсуждается на практических занятиях.

Ошибки в области словоупотребления можно разделить на три группы. Во-первых, это отклонения, связанные с нарушением норм речевой этики служебного общения (мы рассмотрели ошибки такого рода в специальной статье (Русская речь. 2002. № 5); во-вторых, это нарушение собственно языковых норм, в результате которого не выполняется требование точности, ясности профессиональной речи;

в-третьих, это нарушение стилевых норм, приводящее к стилистическим ошибкам и также влияющее на качество профессионального общения.

Среди главных достоинств устной речи особо выделяется точность, которая связана с выбором нужного в данной языковой ситуации слова. На рабочем месте госслужащие обсуждают весьма широкий круг вопросов, не только непосредственно связанных с управленческой деятельностью, но и с социально-экономической ситуацией в стране, в своем городе и районе.

Часто в служебном общении употребляются такие слова, которые в современных словарях вообще не зафиксированы, например: *найм* и *займ* вместо правильных **наём** и **заём**; *времяпровождение* вместо правильного **времяпрепровождение**, *уставной* вместо правильного **уставный** (фонд, капитал); *валовый* вместо правильного **валовой** (доход, продукт); *волеизлияние* вместо правильного **волеизъявление**, *задолжность* вместо правильного **задолженность**, *налогоплатильщик* вместо правильного **налогоплательщик** и т.п.

Нередко в устной речи госслужащий употребляет такие слова, значение которых ему неизвестно, в первую очередь это относится к заимствованиям. Например, слово *утилитарный* имеет значение "прикладной, имеющий практическое применение", а не "бесполезный"; у слова *химера* нет значения "чепуха, чушь", в котором его иногда употребляют, в словарях оно толкуется как "1. чудовище, 2. неосуществимая мечта, причудливая фантазия". Нередко не различают и неправильно употребляют слова *эмигрант* и *иммигрант; кардинальный* и *радикальный, паритет* и *приоритет, идентичный* и *аутентичный*. Поэтому большое внимание на занятиях уделяется работе со словарями иностранных слов.

Примеры ошибок: "Конкурс модельеров прошел под *патронажем* мэра". Ошибка вызвана неразличением слов *патронаж* (система мер медицинского обслуживания беременных, маленьких детей и некоторых категорий больных в домашних условиях) и *патронат* (опека, покровительство); "Эту ситуацию я *пролонгирую* на себя". Ошибка заключается в незнании значения глагола *пролонгировать* (в юриспруденции: продлевать срок действия (договора, соглашения и т.д.), вместо которого следовало употребить глагол *экстраполировать* (распространять выводы, полученные из наблюдения над одной частью явления, на другую его часть) или (что было бы гораздо уместнее) использовать слова русского происхождения, например: *применять к себе, примерять на себя* и т.п.

Часто неточно используется один из существующих в языке паронимов. Необходимо различать такие слова, как *действенный* и *действительный, криминальный* и *криминогенный, удачный* и *удачливый, виноватый* и *виновный* и т.п. Как правило, паронимы имеют разную

лексическую сочетаемость: *экономичный* (способ, двигатель), *экономный* (хозяин), *экономический* (рост, закон); *командировочные* (расходы) и *командированные* (сотрудники). Но, иногда сочетаясь с одними и теми же словами, они употребляются в разных ситуациях. Например, документ можно *представить* и *предоставить*. Из существующих значений глагола *представить* на государственной службе актуальны два: 1. предъявить, показать и 2. ходатайствовать, например: *представить кого-л. к награде*. Таким образом, *представить документ* – предъявить его кому-л., например: "В четверг необходимо представить смету расходов". *Предоставить документ* – значит отдать его в чье-л. распоряжение, например: "Предоставить сотруднику приказ для ознакомления", "предоставить информацию в налоговые органы для проверки" и т.д.

Давайте рассмотрим примеры из реальной речевой практики: рекламу известного магазина: «"Пятерочка" – универсам экономического класса» или словосочетание "авиабилеты экономического класса". Не случайно подобные словосочетания из-за их неточности стали заменять сокращенным обозначением: *экономкласс* (или *эконом-класс*): "В сегменте *экономкласса* реализуются квартиры в монолитном доме недалеко от станции метро"; "Недорогие кондиционеры корейских и китайских производителей входят в группу приборов *эконом-класса*"; «Вызывает интерес деятельность необычной сети книжных *эконом-магазинов* "Книгомагия"».

Заслуживает отдельного разговора и разграничение паронимов *жилой* и *жилищный*. Прилагательное *жилой* (предназначенный для жилья) употребляется с существительными: *площадь, помещение, корпус, зона* и др. Прилагательное *жилищный* (относящийся к жилью) сочетается со словами: *вопрос, законодательство, отдел, реформа, строительство* и др. Оба паронима сочетаются с существительным *фонд*, причем, по справедливому замечанию В.И. Красных, "словосочетание *жилищный фонд* традиционно употреблялось в официально-деловой речи, а сочетание *жилой фонд* – в разговорной речи. Однако в настоящее время, очевидно, складывается тенденция, когда и последнее словосочетание начинает достаточно широко употребляться в официальных документах" (Красных В.И. Жилищный или жилой? // Русский язык. 2000. № 12). Следовательно, в СССР существовал *жилищный* (и *жилой*) *фонд* для бесплатного предоставления квартир нуждающимся.

Многие речевые ошибки связаны с такими явлениями, как плеоназм (*спросить вопрос, май месяц, промышленная индустрия, моя автобиография, свободная вакансия, прейскурант цен, совместное сотрудничество*) и тавтология (*более быстрее, самый способнейший, повыситься на два пункта выше*).

Примеры ошибок: "Причиной снижения уровня нравственности власти и ее представителей – госслужащих – является неразработан-

ность нормативных правовых документов в борьбе с *аморальными проступками*"; "Необходимо бороться с *незаконными бандформированиями*"; "Реформы проводятся при *одновременном сосуществовании* старых и новых структур управления"; "Сто шестьдесят *человек респондентов*"; "Право подписи под документом – *исключительная прерогатива* префекта, что *исключает* возможность сделки"; "Нас *объединяет единство* целей"; "Из данных опроса *следуют следующие* выводы"; "Памятники будут восстановлены в *самый кратчайший срок*"; "Гимн России должен звучать *более теплее, более напевнее*"; "*В общественном мнении* все настойчивее утверждается *мнение*, что госслужба практически полностью состоит из коррупционеров".

Нарушение норм лексической сочетаемости также делает речь неточной. Слушатели объясняют, почему вместо словосочетания *повысить выпуск продукции* следует сказать **увеличить выпуск**; вместо *удешевить себестоимость* – **снизить себестоимость.** Рассматриваются и другие примеры контаминации. Так, в некорректном словосочетании *занимать роль* перепутаны компоненты двух устойчивых словосочетаний: *занимать место* и *играть роль*; таким же образом объясняется ошибка *оказывать обслуживание*: перепутаны компоненты словосочетаний *оказывать услуги* и *осуществлять обслуживание.*

Примеры ошибок: "Оборонная промышленность *играла* особое *значение* в экономике страны"; "В настоящее время *созрели* следующие *факторы*"; "Необходимо *предпринять* срочные *меры*"; "*Проблемы нуждаются в корректировке*"; "Дания – *достаточно малонаселенная* страна"; "Первым *на это проявил внимание* А.А."; "На прилавках магазинов сейчас много *товаров импортного производства*"; "Программа *нанесла* большой экономический *эффект*".

Требование точности речи часто не выполняется из-за того, что говорящий использовал многозначное слово или омоним. Например, выражения "прослушать доклад" или "получить отличные данные" вне контекстов можно понять по-разному, так же как и вопрос "В какой области вы работаете?". Проведенный ассоциативный эксперимент, участниками которого были госслужащие, показал, что многозначные слова и омонимы воспринимаются ими в первую очередь в связи с профессиональной деятельностью, например: *набить* – текст на компьютере, *снимать* – с должности, *запустить* – дела, работу и т.д.

Устная деловая речь должна быть не только точной, но и уместной. Если в письменной речи, при составлении служебных документов используется только официально-деловой стиль, то повседневная устная служебная речь представляет собой разговорную речь с элементами профессионального жаргона, а устная публичная служебная речь – это тоже особый вид речи, включающей в себя элементы официально-делового, публицистического или научного стилей, в зависи-

мости от условий и задач общения. Поскольку служебное общение бывает строго официальным, менее официальным, повседневным, отбор лексики в разных коммуникативных ситуациях должен осуществляться по-разному, то есть определяться целями, задачами и обстановкой служебного общения.

Стилистической ошибкой считается употребление инородной для определенной ситуации лексики, например, использование разговорных слов, стилистически "сниженной" лексики в служебном документе и в ситуациях строго официального устного общения или книжных конструкций, например языковых штампов официально-делового (письменного) стиля, в разговорной речи.

В реальной речевой практике профессионального общения в аппаратах органов госуправления наблюдается действие двух противоположных тенденций.

1. С одной стороны, это тенденция к демократизации, проявляющаяся в осознанном "снижении стиля", увлечении профессиональным жаргоном, разговорно-просторечной лексикой.

М.В. Панов писал, что пометы "разговорное" или "просторечное" не дискриминируют, не порочат слова: "Помета предупреждает: лицо, с которым вы в строго официальных отношениях, не называйте *голубчиком*, не предлагайте ему куда-нибудь его *впихнуть*, не сообщайте ему, что он *долговязый* и временами *ворчун*... В официальных бумагах не употребляйте слов *шишь, всласть, восвояси*..." (Цит по: Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи / учебник для вузов. М., 1998).

Разговорно-просторечная лексика не обязательно грубая. Так, стилистически "сниженную" речь характеризует чрезмерное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов: дайте *справочку*, получить *денежки*, новая *моделька*. В официальной ситуации нежелательно говорить: "В ликвидации аварии участвовали *пожарники*", потому что не грубое, но все-таки разговорное слово *пожарник* как синоним слова **пожарный** здесь неуместно. Так же и в публичном официальном общении следует избегать слов и выражений, которые не соответствуют нормам литературного языка. Например, глагол *задействовать* как переходный употребляется только с неодушевленными объектами: *задействовать резервы, методы диагностики*. Его употребление с одушевленным объектом (*задействовать сотрудников*) противоречит норме литературного языка.

Употребление глагола *озвучить* в значении "назвать, сообщить" (*озвучить позицию министерства*) тоже не соответствует норме литературного языка: в толковых словарях он зафиксирован лишь в значении "произвести запись фонограммы к кинофильму" и квалифицируется как профессионализм.

Неуместно, пожалуй, и такое неблагозвучное новообразование, появившееся в профессиональной среде книгоиздателей и работников

образования, как "ссузы" (средние специальные учебные заведения): "Крупное столичное издательство ищет литературного агента, имеющего опыт работы в области: учебная литература для вузов, *ссузов*, профтехобразования".

Анализируя речевое поведение лидеров революции 1917 г., чиновников и простых граждан в период послереволюционных событий, А.М. Селищев отмечал активное употребление ими слов *зачистка, нагрузка, проработка, увязка, увязать, углубить, заострить*. Вот где "источники и составные части" политико-бюрократического жаргона! И вот в чем, по мнению А.М. Селищева, причина его заразительности: "В социальной жизни огромное значение принадлежит процессу подражания... Процесс воздействия – подражания бывает тем значительнее, чем сильнее испытывают отдельные лица или группы влияние ...идущее от других лиц или групп, которым принадлежит преимущественное значение в социальной жизни" (Селищев А.М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917–1926). М., 2003. С. 9–10).

Примеры ошибок: "Задолженность по выплатам зарплат учителям в регионах выросла. Мы хотели этого избежать, но не смогли *покрыть все территории*"; "Проблема не нова, но особых *подвижек* в ее решении не происходит"; "Существуют серьезные *подвижки* в шкале жизненных ценностей населения, в том числе государственных служащих, в сторону прагматизма и сугубо меркантильных ценностей"; "Мы готовы *поучаствовать* в слушаниях"; "Нам надо *застолбить* свое место на Дальнем Востоке"; "Организационная культура госслужбы меняется, но *пока что* этот процесс интуитивно-стихийный"; "Сообщение о встрече в Курске *озвучил* сам губернатор"; "Мы должны *обсчитать ситуацию*, чтобы закон не *заволокитили* в комитете".

2. С другой стороны, "положение обязывает" госслужащих выглядеть солидно, и нередко это проявляется в необоснованном использовании канцелярских штампов (*сделать звонок* вместо **позвонить**), иноязычных слов (*аттрактивные условия* вместо **привлекательные**), модных слов-сорняков (*на самом деле, скажем так* и особенно *как бы* – любимого слова "как бы" образованных людей).

Примеры ошибок: "Некоторые выпускники кафедры *трудятся* в коммерческих структурах"; "выявить *преференции* данной категории населения", "расположиться в министерских *билдингах*".

То же относится и к употреблению в речи иностранных слов. Лексические заимствования как неотъемлемая часть лексикона любого человека являются естественным результатом политической и экономической интеграции государств, следствием установления экономических, политических и культурных связей с другими странами. К некоторым иноязычным словам довольно трудно подобрать точное русское соответствие, часто толкование значения на русском языке

будет многословным. Да и слова эти уже прижились в языке и активно употребляются в речи: *обструкция, патриот, лирический, абстрактный*. Многие из них стали терминами и не нуждаются в замене русским аналогом: *статус, прерогатива, конъюнктура*.

Однако языковая мода распространяет слова, часто неблагозвучные или коммуникативно неоправданные: *бранч* (второй завтрак); *яппи* (молодые профессионалы); *лейбл* (*лэйбл*) – этикетка, ярлык; *бренд* (*брэнд*) – торговая марка, *слоган* (лозунг), *симпатизант* (сторонник, сочувствующий), *креатор* (создатель, творческий человек, генератор идей). Такими словами пестрит речь тех публичных людей, которые считают "шикарным" вставлять в свою речь понравившиеся им заимствования.

Примеры: "Обсуждались *деструктивные* последствия наводнения" (от англ. destructing – разрушительный); "Они добились *перфектных* результатов" (от англ. perfect – совершенный); «Гостиница "Аэростар" по воскресеньям приглашает на семейный *бранч*» (гибрид образован от англ. breakfast – завтрак и lunch – обед).

В последнее время в СМИ активно употребляется слово "клининговый" (от англ. clean – чистый): "Как навести порядок, сделать чистыми и ухоженными все уголки столицы? Эту проблему обсуждают депутаты Московской городской Думы, представители фирм и предприятий, занимающихся благоустройством и *клининговым бизнесом*"; "*Клининговые компании* убирают лучше, но берут дороже".

Как видно из приведенных примеров, речь идет о работе дворников и уборщиц. По мнению многих слушателей Академии, такое название общественно важной деятельности работников коммунального хозяйства звучит красиво, необидно, к тому же социально престижно. Они говорят, что в этой сфере уже используется выражение "менеджер клинингового бизнеса".

Важно понять: вряд ли нужно говорить о засорении речи иностранными словами как о глобальной проблеме и призывать к "организации кампании по борьбе с ними". Надо только помнить о том, что лексические заимствования не должны нарушать стилевое единство высказывания, поэтому употреблять их следует уместно, обоснованно, при необходимости пользоваться словарями иностранных слов – только в этом случае использование в речи заимствований будет показателем высокой речевой культуры.

Наивно думать, что по завершении корректировочного мини-курса русского языка наши слушатели перестанут допускать ошибки в своей профессиональной речи. Но, как показывает опыт, многие из них начинают внимательнее относиться к своей и чужой речи, чаще обращаются к словарям русского языка.

Предлагаем и вам, уважаемые читатели, выполнить следующие задания.

Задание 1. Объясните значение слов, подобрав русские синонимы (слова или словосочетания) к следующим иностранным существительным и прилагательным:

1. вердикт
2. дилемма
3. инсинуация
4. обструкция
5. прерогатива
6. одиозный
7. ординарный
8. помпезный
9. сакральный
10. тривиальный.

Задание 2. Составьте словосочетания, подобрав к паронимам-прилагательным существительные, приведенные ниже:

1. федеральный – федеративный
2. документальный – документационный
3. исполнительный – исполнительский
4. представительный – представительский
5. информативный – информационный

Существительные: 1. программа, отношения, органы власти, закон, устройство государства; 2. спор, фильм, данные, обеспечение управления; 3. сотрудник, талант, дисциплина, власть; 4. расходы, внешность, класс лимузина, органы власти; 5. схема, бюллетень, общество, выступление.

Задание 3. Выберите из скобок существительные, составьте с ними словосочетания:

1. замещать (вакантная должность, директор, рабочее место)
2. выносить (точка зрения, инсинуация, вердикт, определение)
3. удешевить (расценки, продукция, расходы, цены, себестоимость)
4. объявить (отпуск, выговор, объявление, благодарность)
5. оказать (заслуга, обслуживание, услуга, содействие)

Ответы см. на с. 127

Ответы на задания (см. с. 47)

Задание 1.

1. Решение присяжных заседателей; *перен.*: мнение, суждение по какому-л. вопросу;

2. выбор из двух взаимоисключающих вариантов, возможностей (обычно о трудном выборе);

3. клеветническое измышление, цель которого – опорочить кого-л.; злостный вымысел;

4. действия, демонстративно направленные на срыв чего-л. (как правило, заседания, собрания) с помощью шума, пустых речей и др. приемов борьбы;

5. исключительное право, принадлежащее какому-л. государственному органу или должностному лицу;

6. крайне неприятный, вызывающий отрицательное отношение;

7. обыкновенный, заурядный;

8. пышный, эффектно-торжественный;

9. священный, обрядовый, ритуальный, относящийся к вере, к религиозному культу;

10. избитый, банальный, пошлый.

Задание 2.

1. федеральные органы власти, федеральная программа, федеральный закон; федеративные отношения, федеративное устройство государства;

2. документальный фильм, документальные данные; документационный спор, документационное обеспечение управления;

3. исполнительный сотрудник, исполнительная власть; исполнительский талант, исполнительская дисциплина;

4. представительная внешность, представительные органы власти; представительские расходы, лимузин представительского класса;

5. информативная схема, информативное выступление; информационный бюллетень, информационное общество.

Задание 3.

1. замещать вакантную должность, директора;

2. выносить определение, вердикт;

3. удешевить продукцию;

4. объявить выговор, благодарность;

5. оказать услугу, содействие.

ОБ ОДНОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ, КОТОРОМУ НЕ ПОВЕЗЛО В СЛОВАРЯХ

© *Эр. ХАН-ПИРА,*
кандидат филологических наук

Когда год назад в парламенте обсуждалось намерение использовать латинский алфавит (латиницу) вместо кириллицы в Татарстане и Карелии, то кое-кто называл предложение о такой замене "лингвистическим сепаратизмом".

Что значит *лингвистический* в сочетании с *сепаратизмом*? Если заглянем в Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (далее ТСУ), то увидим, что слово *лингвистический* двузначно: "1. *Прил.* к лингвистика. *Л. метод. Лингвистические исследования.* 2. Языковой, относящийся к языку. *Лингвистические явления*". И семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка (далее БАС) согласен с этим: "1. Относящийся к лингвистике. *Лингвистические данные. Языки деканские, несмотря на примесь санскритских слов, принадлежат к другой группе, еще недостаточно определенной лингвистическими исследованиями.* Гран. Учебн. всеобщей истории. 2. Относящийся к языку; языковой. *Целью опыта толкования стихотворений является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений.* Щерба. Опыты лингвистических толкований стихотворений".

Попутно замечу, что *лингвистические данные* вполне могут быть истолкованы и как языковедческие данные, и как языковые данные (языковые факты): *лингвистический* тут в слабом положении, его значение диффузно. Чтобы выяснить, в каком из двух значений употреблено здесь прилагательное, нужен контекст, нейтрализующий одно из возможных значений. Например, такой: "Лингвистические данные, полученные при изучении языковой картины мира, сложившейся в том или ином языке, помогают понять (считают некоторые исследователи) особенности менталитета его носителей". Здесь *лингвистический* – языковедческий. Или, например, такой: "Лингвистические данные, содержащиеся в публицистических и художественных текстах второй половины XIX в., свидетельствуют: то значение слова *интеллигенция*, в котором его употребляли в начале XIX в., стало устарелым". Тут *лингвистический* – языковой.

Иное дело – *Казанская лингвистическая школа, Женевская лингвистическая школа, лингвистический метод, лингвистические толкования*. В этих словосочетаниях прилагательное в сильном положении, в самодостаточном контексте. Здесь *лингвистический* несомненно – языковедческий.

В словосочетании *лингвистический сепаратизм* прилагательное в слабом положении, а потому возможны два толкования: "языковедческий сепаратизм, сепаратистские настроения языковедов" и "языковой сепаратизм". Если при первом понимании соединение этих двух слов еще имеет смысл, то при втором оно бессмысленно. Ведь от смены системы письма язык не становится другим (в СССР, например, тюркоязычные народы заменили арабское письмо латиницей, а ее потом кириллицей). К тому же всякий этнический язык самобытен, самостоятелен, отличен от всех прочих (даже от близкородственных) и в этом смысле сепаратен.

Однако вернемся к показу интересующего нас прилагательного в толковых словарях. Удивительная открывается картина. Начиная со Словаря русского языка в четырех томах исчезает у нашего прилагательного второе значение: "**Лингвистический** *прил.* к лингвистика. *Лингвистические исследования. Лингвистический анализ*". В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1997) статьи **Лингвистический** нет, а в статье **Лингвистика** читаем: "Наука о языке (в 1 и 2 знач.), языкознание. // *прил.* **Лингвистический**, -ая, -ое". Большой толковый словарь русского языка (1998) повторяет Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. За тем же словарем следует и Толковый словарь иноязычных слов Л.П. Крысина (1998) с той лишь разницей, что прямо говорит об однозначности: "**Лингвистический** – относящийся к лингвистике". Может быть, составители этих словарей полагали, что *лингвистический* не имеет второго значения? Однако оно было и есть. К приведенным примерам из ТСУ и БАС можно добавить известное высказывание профессора А.А. Реформатского: "Престиж языка зависит не от его лингвистических свойств, а от его историко-культурной судьбы". Бытует термин *экстралингвистические факторы* (т.е. внеязыковые факторы) эволюции языка. Или вспомним гипотезу "лингвистической относительности" американских языковедов Э. Сепира и Б. Уорфа, т.е. гипотезу об относительности языковых картин мира. Или вот цитата из книга профессора В.А. Звегинцева "Язык и лингвистическая теория": "...лингвистическая модель мира, составляемая из совокупности лингвистических значений, служит основой общения людей...". "Лингвистическая модель мира" – это языковая картина мира, а "лингвистические значения" – это языковые значения. Профессор Н.М. Шанский пишет в книге "Русский язык: Лексика. Словообразование": "В омонимических образованиях как лингвистических единицах... заложены большие изо-

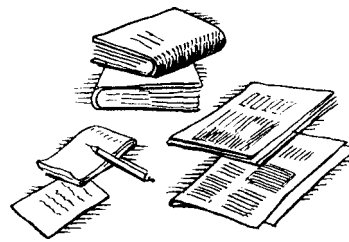
бразительно-выразительные возможности...". "Лингвистические единицы" – это языковые единицы. Н.М. Шанский называет басню К. Пруткова "Помощник и садовник" "лингвистической басней", где "основное содержание целиком определяется сопоставлением и противопоставлением омонимов *прозябать* – произрастать и *прозябать* – замерзать". Здесь *лингвистическая* = языковая: комизм ситуации создан с помощью языкового явления. Вслед за примером из Пруткова Н.М. Шанский приводит эпиграмму Д. Минаева, в которой сарказм выражен противопоставлением *доносить* (от *носить*) и *доносить* (писать доносы). Эту эпиграмму тоже можно назвать лингвистической.

Итак, у *лингвистического* есть второе значение, но пишущим и говорящим, чтобы избегать непонимания и не тратить времени на создание контекста, гасящего двусмысленность, лучше пользоваться прилагательным *языковой*.

А составителям словарей, если они согласны с тем, что второе значение было, но, по их мнению, ныне вышло из употребления, может быть, все же показывать его, предваряя пометой *устар.*?

Сами слова *лингвистика* и *лингвистический* пришли в русский язык из французского (linguistique), в котором прилагательное имеет два значения: "относящийся к лингвистике, языкознанию" и "языковой, относящийся к языку".

Язык прессы



Язык публицистики: константы и переменные

© Н. И. КЛУШИНА,
кандидат филологических наук

В языке публицистики можно выделить некоторые инвариантные черты, те константы, которые в том или ином виде обязательно присутствуют в любой исторический период. К таким публицистическим универсалиям относятся *шкала ценностей, оценочность, идеологема* и *образ автора*.

Шкала ценностей (термин был предложен Ю.В. Рождественским) основывается на семантической оппозиции "свое" / "чужое". Эта шкала играет решающую роль в выборе и распределении оценочных средств в текстах массовой коммуникации. С ее помощью в языке публицистики складываются оппозиции, включающие в себя слова, близкие по значению, но резко противоположные по вызываемому ими стилистическому впечатлению: "наши" союзники / "их" приспешники, "наша" убежденность / "их" фанатизм и т.п.

Шкала ценностей подвижна. И в определенные моменты развития общества под воздействием экстралингвистических факторов (одним из которых становится и общественная переоценка прежних реалий) происходит "перезагрузка" семантических областей "свое" / "чужое" в зависимости от типа оценочности (общесоциальной, классовой, групповой, индивидуальной).

Например, после Октябрьской революции в СМИ укоренилась двухполюсная шкала ценностей, в основу которой была положена классовая оценка: все "чужое", капиталистическое, имело знак "минус", а "свое", социалистическое, – "плюс". Это свидетельствовало об упрощении картины мира, ее деформации из-за идеологических фильтров.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов произошел резкий слом старой, устоявшейся шкалы ценностей. Ранее негативно описываемая се-

мантическая область "чужого" меняет стилистическую маркировку на положительную. Напротив, область "своего" приобретает не свойственную ей отрицательную оценку. В языке массовой коммуникации складываются новые оппозиции: "их" цивилизованные страны (+)/ "наша" сверхмилитаризованная страна (–); "их" развитая демократия (+) / "наш" тоталитаризм (–) и т.п.

На современном этапе шкала ценностей опять претерпевает изменения: область "своего" (= "российского") снова наполняется позитивным смыслом. Критерием социальной оценки слов становится новая дифференциация "своего" и "чужого", осуществляемая теперь на основе более частных признаков (социальная группа, партийная принадлежность, исповедуемое мировоззрение и др.). Таким образом, шкала ценностей становится более многомерной. И если рассматривать в целом современную "публицистическую картину мира" (Г.Я. Солганик), то можно увидеть, что она усложнилась по сравнению с предшествующим периодом, т.к. стала включать в себя все виды оценки: общесоциальную (например цивилизованный мир/террористы), классовую (демократы/коммунисты), групповую (правительство/оппозиция и т.п.), индивидуальную (нравится/не нравится). Причем в языке массовой коммуникации знаки оценки находятся в полной зависимости от позиции издания, в каждом конкретном издании сегодня существует собственная шкала ценностей.

Таким образом, шкала ценностей в языке публицистики представляется универсальным способом отбора и создания речевых средств для выражения авторской мировоззренческой позиции.

Тесно связана со шкалой ценности и такая публицистическая универсалия, как *оценочность*. Она не ограничивается пределами лексической системы данного стиля, а пронизывает все ярусы публицистических текстов.

Оценочность как основной стилеобразующий фактор публицистических материалов начинает играть свою роль на начальной стадии создания текста. Она проявляется в отборе и классификации фактов, в их описании под определенным углом зрения, в соотношении негативных и позитивных деталей, в специфических лингвистических средствах.

Оценочность бывает открытой и скрытой. Отличительной чертой новейшей журналистики стал отказ от открытой пропаганды. На смену ей пришло умело завуалированное манипулирование массовым сознанием. Образцы открытой пропаганды можно найти, в основном, в оппозиционных изданиях, ориентирующихся на консервацию советской риторической традиции. Большинство же современных средств массовой коммуникации отошли от прямого идеологического давления на адресата, используя скрытые языковые механизмы формирования оценки.

Скрытая оценка может быть имплицитной, т.е. заложенной в значение слова (это оценочные метафоры, эвфемизмы), и эксплицитной, присущей не конкретному слову, а его употреблению, когда оценка закладывается в контекст, в квазисинонимическую ситуацию, в квазицитату.

Еще одна константа языка публицистики – это *идеологема*. Идеологема предполагает целенаправленное воздействие со стороны адресанта, или отправителя речи, на сознание адресата с помощью заранее заданной идеи. Такая идея носит обобщенный характер и ориентирует массовое сознание в заданном направлении с помощью стереотипных номинаций.

Идеологемы носят личностный или социальный характер. Личностные идеологемы складываются, например, вокруг руководителя государства, начиная с образа "царя-батюшки" и заканчивая образом президента. Подобные идеологемы укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов, тиражируемых СМИ, например: "вождь мирового пролетариата" (о Ленине), "верный ленинец" (о Брежневе) и т.д. Знаки оценки данных стереотипных номинаций зависят от шкалы ценностей, принятой в каждом конкретном издании.

Социальные идеологемы отражают установки и ориентиры общества на конкретном отрезке его развития. Так, советские социально-политические стереотипы задавались лозунгами: "Мы придем к победе коммунизма", "бескризисная плановая экономика" и др.

Среди множества заданных номинаций, являющихся проводниками определенной политики, можно выделить группу концептуальных, независимых от периодов социального развития публицистических идеологем, формирующих, например, "образ врага" (внешнего/внутреннего: террористы, боевики); "образ друга" (ранее – страны СЭВ, теперь – цивилизованные страны); "светлое будущее" (социализм/капитализм), "светлое прошлое"; "образ политического лидера". Поскольку нет строя, который мог бы обходиться без идеологии, постольку идеологемы представляются константами, универсалиями публицистического стиля.

Образ автора – также неотъемлемая черта публицистической речи, ее организующее начало. Несмотря на то, что образ автора – категория универсальная, очень разнообразная в своих проявлениях и присущая текстам разных типов, тем не менее наиболее отчетливо она проявляется только в художественных и публицистических текстах. Причем образ автора не совпадает в этих двух стилевых разновидностях языка. Если в языке художественной литературы образ автора принципиально не тождественен создателю художественного произведения, то в публицистике наблюдается изоморфизм творца и творимого.

Категория автора в публицистике подробно разработана Г.Я. Солгаником, который выделяет автора как коллективного ритора и как

частное лицо. Каждой эпохе соответствует определенный образ автора. В постсоветский период сформировался свой тип адресанта: не носителя бюрократического авторитета, а творческой индивидуальности. Следовательно, решающее значение приобретают культурный и профессиональный уровень журналиста, его мировоззренческая и нравственная позиция.

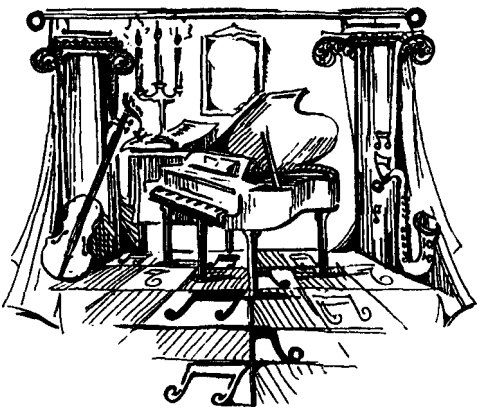
Таковы константы публицистического стиля. Но есть и переменные, т.к. в конкретный исторический период на первый план выдвигаются одни характерные особенности, в то время как другие остаются в тени.

Ведущими "переменными" современного языка публицистики стали интертекстуальность, ирония, языковая игра, выступающие в роли стилеобразующих черт публицистического дискурса, а не просто стилистических приемов. Выдвижение на первый план именно этих "переменных" свидетельствует о возросшей в целом экспрессивности данного дискурса, в котором реализуется установка современного автора-публициста на творчество, а не на стереотип.

Следует отметить, что эти "переменные" в современном языке публицистики выполняют две текстовые функции. Во-первых, они могут быть стилистическим приемом (например, интертекстуальность проявляется в аллюзиях, реминисценциях, намеках; языковая игра – в каламбурах, графических окказионализмах; ирония – в различных тропах, таких, как антифразис и др.).

А во-вторых, пронизывая весь публицистический дискурс (начиная с рубрик, заголовков), эти "переменные" создают вертикальный контекст, усложняющий речевое произведение журналиста, порождая двуплановость или многоплановость текста.

Таковы константы и переменные современного языка публицистики, именно они определяют его развитие и оказывают непосредственное воздействие на развитие литературного языка в целом.



М.Ф. Гнесин

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАТЬЕ А.А. РЕФОРМАТСКОГО "РЕЧЬ И МУЗЫКА В ПЕНИИ"

Публикуемая заметка известного композитора, педагога и общественного деятеля М.Ф. Гнесина представляет собой рецензию на рукопись А.А. Реформатского[1]. Машинописная копия этой работы была обнаружена нами в личном фонде М.Ф. Гнесина в РГАЛИ (ф. 2954, оп. 1, ед. хр. № 257, лл. 1–4) и имеет следующий заголовок: «Письмо Гнесина М.Ф. Ильиной Наталье Иосифовне[2] с замечаниями на статью А.А. Реформатского "Речь и музыка в пении"». В машинописный текст внесены незначительные вставки простым карандашом, специально нами не оговариваемые.

Эта архивная находка весьма интересна как факт научной биографии А.А. Реформатского, чьи труды по языкознанию стали уже классикой. В нашем случае необычной статьей А.А. Реформатского заинтересовался крупный музыковед М.Ф. Гнесин. И это дало толчок дискуссии, развернувшейся между ними. Но если имя филолога А.А. Реформатского хорошо знакомо нашим читателям, то личность М.Ф. Гнесина почти неизвестна.

Михаил Фабианович Гнесин (1883–1957) родился в Ростове-на-Дону в семье еврейского общественного раввина. Его сестры Елена, Евгения и Мария основали в 1895 году музыкальную школу, которая позднее, в 1930-е годы получила название училища имени Гнесиных (ныне это знаменитая "Гнесинка"), где была директором Елена Фабиановна. По

воспоминаниям коллег, на этом поприще она "отличалась большой энергией и инициативой" (Музыкальная энциклопедия. М., 1973. Т. 1). Музыкальностью семья Гнесиных обязана матери, которая унаследовала это дарование от своего отца – известного еврейского певца-импровизатора Шайки Файфера. Миша Гнесин уже в семилетнем возрасте начал сочинять музыку и выучился нотной грамоте, но серьезно заниматься не смог из-за тяжелого положения семьи после смерти отца.

С 1892 по 1899 год он учился в Ростовском реальном училище. В 1901 году М.Ф. Гнесин переехал в Санкт-Петербург и поступил в консерваторию, где был учеником Н.А. Римского-Корсакова и А.К. Лядова. За время обучения он написал романсы и симфоническое произведение "Из Шелли". За цикл романсов "Из современной поэзии" ему присудили премию им. М.И. Глинки.

В 1912–1913 годах М.Ф. Гнесин работал в Санкт-Петербурге в Студии В.Э. Мейерхольда над теорией "музыкального чтения в драме".

С 1918 года был профессором, а с 1920 года – ректором Донской консерватории. Одновременно преподавал в Историко-археологическом институте, где вел курс истории музыки.

В конце 1921 года М.Ф. Гнесин совершил поездку в Палестину, интересуясь музыкальной этнографией. Затем он отправился в Германию, где изучал в берлинской музыкальной библиотеке музыку средневековых миннезингеров. В 1923 году он вернулся в Россию и поселился в Москве.

В 1925 году М.Ф. Гнесина избрали профессором Московской консерватории, где он вел классы композиции, гармонии и полифонии. В 1935 году М.Ф. Гнесин перевелся в Ленинградскую консерваторию и работал там до 1944 года. Во время войны уехал в эвакуацию сначала в Йошкар-Олу, а потом в Ташкент. С весны 1944 по 1951 год заведовал кафедрой композиции в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных.

М.Ф. Гнесин часто выступал как писатель-музыковед. Его исследования о Н.А. Римском-Корсакове опубликованы в книге "Мысли и воспоминания о Н.А. Римском-Корсакове". В 1941 году был издан его учебник "Начальный курс практической композиции". Умер М.Ф. Гнесин в Москве 5 мая 1957 года.

В личном собрании М.Ф. Гнесина в РГАЛИ хранятся интересные материалы: воспоминания, письма, многие из которых до сих пор не опубликованы и не исследованы. Будучи широко образованным человеком, М.Ф. Гнесин всегда живо откликался на новые оригинальные мысли не только в области музыки, но и гуманитарного знания вообще. Публикуемая в нашем журнале заметка – яркое тому подтверждение.

* * *

В заключительном разделе своей статьи автор подытоживает ее содержание, сводя его к семи положениям, не вызывающим никакого возражения, а, наоборот, вполне убедительным и явно полезным для молодежи, совершенствующейся в пении.

Самый текст статьи обосновывает данные положения анализом различных случаев словопроизнесения, детальным и авторитетным.

Помочь в отношении произнесения предназначенных для музыки текстов – в этом и есть задача и вполне почтенная задача. Но вопросы, связанные с содержанием данной статьи, проблемы вокальности вообще гораздо шире и не находят здесь какого-либо убедительного разрешения.

Автор статьи на стр. 2 совершенно справедливо утверждает, что различный текст, хотя бы в той же самой музыке у Мусоргского в "Саламбо" и в "Борисе Годунове" обязывает исполнителя-певца "подать" по-разному слова в каждом случае[3]. Но то, что одинаковая музыка оказалась пригодной у композитора для разных текстов, заставляет предполагать, что музыка связывается даже у данного композитора не со словами, а с известным комплексом переживаний, более или менее удачно выраженным теми или иными словами. А из этого следует, что показ *слова* в пении (при всей неоспоримости его важности и при всей вредности *плохого* показа слова) является не *самым* главным качеством в пении. Автор там же признает, что "между словесно-языковой и музыкальной линиями больше противоречий и притом принципиальных, чем совпадений".

К стр. 2–3. Совершенно верно то, что поиски "примирения"[4] обеих линий характеризуют в общем русскую вокальную школу. Но эти поиски примирения на самом деле характеризуют не только *русскую*, а и всякую вокальную музыку.

Стр. 3–5. По мнению Мусоргского, "немецкие музыкальные гении не были композиторами-вокалистами"[5]. Автор статьи отметил, что Мусоргский "не сумел оценить такие факты, как (особенно яркое) соответствие музыкальных и словесных интонаций" в целом ряде случаев. Однако автор признает принцип "несоответствия речи и мелодии вообще характерным для немецкой вокальной музыки, вплоть до Вагнера".

На самом же деле ни Шуман, ни Шуберт не уступят никому из величайших русских композиторов в их вокальной музыке. Но не всегда они строили музыкально-вокальные произведения на основе экспрессии отдельных слов или словесных построений. В лучших своих произведениях им удавалось сохранить всю силу художественных дости-

жений даже в посредственных переводах на русский и все прочие языки.

То же можно сказать о вокальных сочинениях Грига и Чайковского и о многих сочинениях Римского-Корсакова и Бородина, и Даргомыжского, да и того же Мусоргского – в тех из сочинений, где целью не было, как в "Женитьбе", строить музыку *на основе слов*, не переживаний и мыслей. Не знаю, насколько стоило в данном случае основываться на сообщениях Мусоргского по поводу "Женитьбы". Сам ведь он отказался от продолжения работы, считая свою "Женитьбу" лишь рядом ценных эскизов к другим его сочинениям. На стр. 16 приведен отрывок из письма Мусоргского к Л.И. Шестаковой: "Женитьба" – это клетка, в которую я засажен, пока не приучусь, а там ... на волю"[6]. Я обращаю внимание на то, что автор работы переоценивает "Женитьбу" как *образец вокальной музыки*. Между тем, это лишь замечательные экспериментальные попытки, в которых отсутствуют некоторые элементы подлинной музыки (все равно – вокальной или инструментальной): сколько-нибудь плавное течение мелодической мысли; если где и есть очень выразительные обрывки образов, то целое представляет собою натуралистическое нагромождение деталей, не способных увлечь слушателя.

Просто замечательно, как необыкновенно точная зарисовка гениальных диалогов устранила здесь всю свою увлекательность. Невольно начинаешь думать, самое замечательное в вокальной музыке находится в чем-то другом. Плохо здесь еще то, что темп музыки растянулся по неизбежности, по крайней мере, чуть не втрое. Этим уничтожается комедийная веселость произведения.

К стр. 13–14. Обращаю внимание, что рассуждениям в статье А.А. Реформатского о роли восьмых и шестнадцатых нот в музыкальных произведениях отводится слишком много места в смысле их значения. Автор сам удивлен, что сходственные места выражены у композитора то четвертными, то восьмыми. А ведь стоит увеличить темп исполнения, четверть и превратится в восьмую. Кроме того, в зависимости от ситуации все эти доли могут принимать разную значимость[7].

Конечно, исполнитель должен быть внимателен к указаниям автора в интонации или ритмике и должен уметь разбираться в их особенностях.

В той мере, в какой автор статьи может сколько-нибудь помочь на этих путях певцам и учащимся, как уже сказано, – статья очень полезная.

Возвращаясь на момент к спорным здесь и, точнее, неразрешенным и неразрешимым в рамках данной работы вопросам, обращаю внимание на пункт 4-й заключения, где говорится о том, что, исходя из заветов Мусоргского, "речь берется не **вообще** (выделено М.Ф. Гнесиным. – *О.Н.*)..., а принадлежащая данному языку"[8].

Замечательные достижения в музыке, хотя бы и вокальной, не могут существовать лишь в пределах одного данного языка. В частности, музыка к "Борису Годунову" сумела завоевать слушателей во всем мире, хотя она исполняется на любом из языков. Попытки ограничить вокальную музыку языком данного народа, к счастью, не приводят к цели, а если бы это было иначе, то музыковедческие идеи Мусоргского надо было бы признать заведомо вредными.

Как известно, Шелли считал поэзию непереводимой на другие языки; однако его же поэзия, хотя и многое теряет, будучи переведенной на другие языки, но, по счастью, существует на всех языках.

Все вышесказанное просто не вмещается в рамки данной статьи и даже является лишним в комментариях к ней. Если все же мои с Галиной размышления смогут Вам, Наташа, чем-нибудь быть полезными, то шлем их Вам с приветом.

Михаил и Галина Гнесины
(Форт и Зон)

Москва, 29 ноября 1954 года.

Примечания

1. Статья А.А. Реформатского "Речь и музыка в пении" была впервые опубликована в издававшемся С.И. Ожеговым сборнике "Вопросы культуры речи" (Вып. 1. М., 1955. С. 172–199).
2. Имеется в виду жена А.А. Реформатского.
3. См. в изданном тексте А.А. Реформатского: «И сколько бы Мусоргский ни переносил мелодии из "Ливийца" и "Саламбо" в "Бориса Годунова", из "Ночи на Лысой горе" в "Сорочинскую ярмарку", совсем не безразлично слышать в пении Шаляпина, что́ он произносит: "Скорбит душа..." или "Я царь еще". Это разные слова, и их надо "подать" по-разному» (Реформатский А.А. Речь и музыка в пении // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 173).
4. См. указ. изд. С. 175.
5. См. указ. изд. С. 175.
6. См. указ. изд. С. 182.
7. См. указ. изд. С. 180–181.
8. См. указ. изд. С. 199.

Предисловие, подготовка текста
и примечания
© **О.В. Никитина**

ЗОЛОТО АРАВИНСКОЕ, МАННА НЕБЕСНАЯ, РЕКА ДРАГОЦЕННАЯ

Интерпретация образа в "Слове о некоем старце"

© *А. А. РЕШЕТОВА,*
кандидат филологических наук

Анализ малоизученного паломнического текста XVII века "Слово о некоем старце" (далее – "Слово") раскрыл самые неожиданные параллели с сочинениями древнерусской словесности, созданными одновременно или в традициях одного жанра. Это образ *золота аравинского*, упомянутый в контексте, весьма богатом на интерпретации разного рода: "А от черных арапов до Аравинския горы, до царства Аравинского, 4 версты. Ис тое горы идет золото Аравинское, в солнычной день, аки вино, течет, и емлют его всего два дни или три дни" (Текст издан Х.М. Лопаревым в Сборнике ОРЯС АН. 1890. Т. 51. № 2. В данной статье сочинение цитируется по рукописи РНБ, собр. ОЛДП, № 234, перв. пол. XVII в.). В этом фрагменте "Слова" книжник использовал распространенный в средневековых повестях и сказках сюжет о горном золоте.

Образ *золота аравинского* не раз упоминался в различных источниках, причем чаще всего он приписывался восточным государствам и неизменно становился олицетворением благоденствия и процветания страны, его породившей, или богатства человека, им обладавшего. Он встречается и в славянском фольклоре; по крайней мере, в старинной русской "Сказке о некоем молодце, попе и сабле". В ней свободно, как нечто само собой разумеющееся и хорошо знакомое, упоминается *красное золото аравитцкое*: "И колиде себе оликой дородн молодец оседлает своего добра коня и вскинет на него свое седло черкаское и подстегает двенатцать подпруг белого шелку шемахинского, у всакие подпруги прашьки красьного золота аравитцкого ⟨...⟩ А всякая стрела морьская трость. На трое колото и на четверо строгано, и наливано в них красного золота аравитцкого; и оная шел на себя свою молодецткую вострую саблю ⟨...⟩ а у ножен оконьца красного золота арвитьцкого" (Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Кушелев-Безбородко. СПб., 1860. Вып. II). *Золото аравийское* встречается и в Псалтыри: "Будет милосерд (царь) к нищему и убогому, и души убогих спасет; от коварства и насилия избавит души

их, и драгоценна будет кровь их пред очами его; и будет жить, и будут давать ему от золота Аравии, и будут молиться о нем непрестанно, всякий день благословлять его...” (Пс. 71, 15).

Об Аравии, *царстве Арапском*, и о *золотых*, идущих оттуда по всей земле, говорилось в переводных древнерусских Космографиях: “Царство Арапское черное, вера ж и нравы ефиопския, служат солнцу и звездочетию. Идут от них золотыя по всей земли, что добро и красно” (Книга, глаголемая Козмография. СПб., 1878–1881). Возможно, знание того, что *идут золотыя* от *царства Арапского*, могло быть почерпнуто составителем “Слова” из своеобразных энциклопедических справочников (Космографии, Луцидариусы, Азбуковники и под.), занимавших особое место в ряду русских географических сочинений XVII века.

Согласно средневековым еврейским преданиям, *золотое* роскошество также относилось к Аравии, правда, при этом уточнялось, что его месторасположение – около мифической реки *Саббатион*, в области поселения некоторых иудейских колен. О местонахождении реки *Саббатион*, напоминающей вечно волнующееся “песчаное море”, встречаются разные сведения: это могли быть как Африка, так и Азия – Фригия, Лидия, Сирия, Ливан, Курдистан, Персия, Индия и даже Палестина (Три еврейских путешественника XI и XII столетий. Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский, р. Петахия Регенсбургский [еврейский текст с русским переводом]. СПб., 1881; Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. СПб., 1886. Вып. 1).

Нередко реку *Саббатион* отождествляли или с Гангом, или с Гозаном, упомянутым неоднократно в Библии. Странствователь по Азии и Африке XII века раввин Петахия Регенсбургский в своем “Путешествии” ссылался на следующую легенду: “В стране измаильтян (Аравии) золото растет, как трава; ночью находят его по блеску и обозначают место землею или известью, а на другой день приходят и собирают траву с золотом. Поэтому золотые монеты там не редкость, и у жителей вообще много золота” (Три еврейских путешественника...).

Он же писал еще об одном, очень похожем, чудесном явлении, – возникновении *манны*, правда, приписывая его к *Араратским горам*: “Горы эти все покрыты терновником и другими травами и когда на них нисходит роса, то вместе с нею падает нечто вроде манны, которая тает на солнце. Собирают эту манну ночью и спешат окончить работу до утра, чтобы манна не растаяла, обыкновенно же ее берут вместе с терновником и травами...” (Там же). Оба сказания: об *аравинском золоте* и *манне* – местного происхождения, и в ряде деталей напоминают аналогичный образ из “Слова о некоем старце”, где *аравинское золото* “идет” с гор только в солнечный день, течет, как вино, и “сбор” его ограничен во времени (исключительно в течение двух или трех дней).

Пересечение легенд неслучайно, поскольку символически *золото* нередко ассоциировалось и сближалось именно с *манной*. По народной этимологии, слово, ее обозначающее, происходит от выражения *что это*? (Исх. 16, 15). В Ветхом Завете *манна* упоминалась как пища, которую "сыны Израилевы" получали с неба во время своего сорокалетнего странствования по пустыне на пути в "обетованную землю".

Все упомянутые сказания – и библейские, и местные семитские – очень напоминают рассказ древнерусского паломника XII века игумена Даниила о появлении ладана на острове Кипр. Его описания почти дословно повторил в своем сочинении путешественник XV века дьякон Зосима: "Гора же бяше высока велми, а другая гора възле ту гору, на неи же родится ладан черный, испадает с небеси месяца июля и августа росою. Суть бо по горам тем древца мала много ниска с травою равна, и на тех древцах емлють ладан тои" (Хожение Зосимы // Православный палестинский сборник. 1889. Т. 8). Скорее всего, в зависимости от описания Зосимы находятся указания одного из рукописных списков хожения, созданного паломником XVI века Трифоном Коробейниковым: "В Кипре же острове сказывают, что родится ладон росный; падает с небеси росою годом в два месяца – июля, августа, а иногда не падает николи ж; и правоверныя человецы емлют его и продают купцем в весь и у себя держат" (Хожение по святым местам Востока купца Трифона Коробейникова // Там же. Т. 9. Вып. 27).

Отчасти эти описания в путевых записках древнерусских авторов-паломников также сближаются с легендой "Слова", хотя в них речь идет не о *золоте*, а о *ладане*, более похожем на *манну* из средневекового еврейского предания, но сходство отдельных деталей существует: например, упоминание *солнца*, сопровождающего появление *аравинского золота* и *манны* (правда, последнюю стремятся до восхода солнца собрать), и числа 2 – два (или три) дня "емлют" *золото*, в течение двух месяцев собирают *ладан*. Неслучайно, в "Слове" *золото* "идет" с гор только "в солнычной день" – параллель между этими фактами можно проследить на мифологическом уровне.

Известно, что издавна блеск солнечных лучей и металлов производил одинаковое впечатление, роднило их несомненное сходство света с золотом и серебром: "Как золото и серебро были принимаемы для означения света, так, с другой стороны, металлам этим были придаваемы свойства света и даже огня, по связи последнего с первым" (Мифическая связь понятий: света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи // Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996). Вероятно, все упомянутые образы книжнику XVII века были знакомыми и понятными, – хотя и легендарными, но "реалиями", о которых он мог прочитать в хожениях, в Космографиях, узнать из устных пересказов легенд и сказаний. Един-

ственное, историям о *манне* и *росном ладане* не хватает только колоритного сравнения с вином: *золото* в "Слове" течет *аки вино*.

Вместе с тем имеются основания сравнить *золото аравинских гор* из "Слова" с *драгоценными реками* в "Сказании об Индийском царстве". Это переводное греческое повествование, которое в своем основном варианте (по мнению большинства исследователей, это была его вторая редакция) появилось на Руси в конце XIV или начале XV века. Его пересечение со "Словом" не является чем-то необычным, на русской почве "Сказание" взаимодействовало с другими произведениями разных жанровых характеристик. В исследовательской литературе не раз поднимался вопрос о влиянии "Сказания" на ряд древнерусских текстов, например, "Александрию Хронографическую", переведенную с латинского источника на Руси не позднее середины XIII века, "Сказание о Вавилонском царстве" (текст рубежа XIV–XV веков), рассказ о пирах князя Владимира в Летописце Переяславля Суздальского XV века, "Повесть о двух монахах в Новеграде", сложенную в конце XVII или начале XVIII века – и сочинения устного творчества: былину о Дюке Степановиче, духовные стихи "Голубиной книги". В русской письменности XVII века происходило своего рода возрождение повествования "об Индии богатой", как заметил М.Н. Сперанский, "оно вошло опять в круг четьих памятников" (Сперанский М.Н. Сказание об Индийском царстве // Известия ОРЯС АН. 1930. Т. 3. Кн. 2). Предположительно, и автор "Слова" был знаком с ним, как можно судить по тексту, и не раз к нему обращался, плененный чудесным сплетением экзотических легенд и фантастики, свойственной средневековым "утопиям". Говоря в данном случае о связи двух сочинений, нужно учитывать, что, скорее всего, речь идет о воплощении средневекового бродячего сюжета и образа, с ним связанного, в текстах, различных по содержанию и времени создания.

В "Сказании об Индийском царстве" интересен *источник текущего богатства*. К людям его приносят две реки – подземная и великая, воды которых, в свою очередь, нисходят с пустынных высоких гор: "А посреди моего царства идет река Едем из рая, в той реце емлют драгий камень акинф и самфир, и памфир, и измарагд, сардик и аспид, тверд же и аки угль горящь"; "Близ тоя рекы едино днище есть горы пусты высокы, их же верха человеку не мощно дозрети, и с тех гор течет река под землею невелика; но во едино время разступается земля над рекою тою, и кто узрев до борзо воскочит в реку ту, того ради да бы ся о нем земля не соступи, а что похватить и вынесеть борзо, оже камень, той драгий камень видится, а яже песок похватить, то великы женчюг возмется. Та же река течеть в великую реку, люди же тоя земли ходят на устье рекы, а емлют драгый камень четьи и женчюг, а кормят свои дети сырыми рыбами; и понирають в реку ту иныя на 3 месяци, а иныя на четыре месяци, ищут камения драгаго" (Сказание

об Индийском царстве // Библиотека литературы Древней Руси. XIII в. СПб., 2000. Т. 5). Вновь можно отметить пересечения образов и деталей из "Слова", в "Сказании" отборные драгоценные камни и жемчуг *текут с гор реками*, их следует отыскивать и собирать очень быстро – *борзо*, время, отведенное для этого, также ограничено – на сей раз 3–4 месяца.

С одной стороны, о реке, происходящей из Едема, речь шла еще в Библии (Быт. 2, 10–13), с другой – полная драгоценностями река, протекающая под землей или под высочайшими горами, неоднократно встречается в восточных сказаниях. В.М. Истрин указывал, что данный сюжет был, к примеру, "предложен Синдбадом в его путешествии" (Истрин В.М. Сказание об Индийском царстве // Древности. Труды славянской комиссии Московского императорского Археологического общества. М., 1895. Т. 1). По крайней мере, для "Сказания об Индийском царстве" эти восточные легенды были весьма значимы. Они входили в один из тех многочисленных элементов, которые присутствовали в "Сказании", а их автор нередко приписывал Индии самые невероятные чудеса.

Примечательно само указание на реку под названием *Едем*, выходящую из рая и влекущую с собою множество драгоценных камней. В "Сказании" она протекает в пределах "пресвитеровой" Индии, таким образом, владения царя-священника Иоанна предстают как граничащие с земным раем. Подобное восприятие "Индии богатой" ведет свое начало с древних пор.

"Сказание" уже достаточно уверенно распространяет область владений индийского царя на местность, занимаемую земным раем, в подтверждение чему называет само существование райской реки, текущей в его пределах. В "Слове", однако, это не отразилось, *драгоценная река* стекает не с гор, имеющих отношение к райским кущам, а с *аравинских*, на которые перешли представления о чудесной *Индии богатой*. В такой замене Индии Аравией, впрочем, нет ничего удивительного. В древности сведения о малоизвестных восточных землях ограничивались сферой чудесного, ценные и достоверные знания о них были переплетены с произвольными, фантастическими. В результате этого зачастую обнаруживалось большое сходство, а значит, и смешение этих далеких, смутно вырисовывавшихся стран (например, *Индиею* называлась и *Эфиопия*, и, по определению Марко Поло, *Абиссиния*). Для средневекового мировосприятия они представлялись не как реальное географическое пространство, а как полумифический образ дальнего и едва доступного земного предела – почти края света, вследствие чего их общей чертой становилось "пограничное" с "иным" миром положение.

В "Слове" географо-топографические зарисовки лишены правдивости и точности, к которым, как правило, склонялись авторы древ-

нерусских хожений. Аравия, чье описание возникает в повествовании о пути к палестинским землям, вполне напоминает сказочную Индию, какой она была знакома читателю той эпохи по Космографиям, Луцидариусам, "Сказанию об Индийском царстве", "Александрии" и другим переводным древнерусским текстам.

Очевидно также, что рассказ о *золоте аравинском* в "Слове" взаимосвязан с эпизодом, в котором речь идет о некой птице *нагуй*: "А из гор Аравинских летает нагуи пьтица, а емлет по лошаде с человека на всяк день". Объяснение в данном случае находим следующее: благородные металлы занимают одно из видных мест в системе мифологических верований, следовательно, с ними чаще всего связывается множество легенд, в частности, клады нередко сберегаются нечистой силой, которая отпугивала от них страшным явлением (в образе собак, птиц, чудовищ и пр.). Не исключено, что и в "Слове" подобные представления сыграли свою роль в выборе и логике расположения фрагментов: сначала о чудесной птице, пребывающей на горах, а далее – о золоте, с тех горных вершин стекающем.

В указанном сюжете важно то, что легендарная, огромной силы и гигантских размеров, птица есть вариант известной в народной поэзии и древнерусских повестях птицы *нога*, а та, в свою очередь, постоянно уподоблялась небезызвестному в мифологии *грифу / грифону*. Их сходство не раз утверждалось в сочинениях Древней Руси, причем достаточно уверенно средневековые "энциклопедические" книги (Азбуковники, Толковая Палея, Златая Цепь, Книга естествословная) приравнивали их друг к другу: "Грифъ – ногъ, ногпатка" (Белова О.В. Славянский бестиарий. М., 2001; Истрин В.М. Сказание об Индийском царстве // Древности. Труды славянской комиссии Московского императорского Археологического общества. М., 1895. Т. 1). В мифологии *нагуй/гриф* нередко являлся не простым представителем пернатых, а мифическим существом, сочетающим в своем облике черты птицы и льва. Также нередко многочисленные легенды рассказывали о *грифах/грифонах*, что живут они на горах, полных золота, подобно *нагую* в "Слове".

Появление в "Слове" образа птицы *нагуй*, живущей в горах, "изобильных" богатством, не является чем-то необычным. Легендарный источник таких утверждений корнями уходит в древние времена, а текст вобрал в себя эти сказания, заимствуя образ мифической птицы. В связи с этим во многом становится понятна связь фрагментов "Слова о некоем старце", следующих один за другим: сначала о птице *нагуй*, а далее о *золотых аравинских горах*. Авторская логика в данном случае руководствовалась легендами (устного и книжного происхождения), соединившимися в памяти создателя текста в единое целое.

О возникновении и изменении значения термина *англомания*

© *С. В. ЛИТВИНОВ,*
кандидат культурологии

На протяжении долгого времени складывался определенный стереотип такого явления, как англомания – "бездумное подражание английским нравам, обычаям, образу жизни", причем сами термины *англомания* и *англоман* употреблялись в отрицательном смысле. Отчасти это происходило из-за стремления определенных общественных сил критиковать любые проявления увлечения иностранным вообще, отчасти из-за отсутствия понимания необходимости и полезности многого, что могло быть заимствовано из английской культуры и принято на пользу России.

Основной упор делался на внешнюю, наиболее очевидную сторону заимствований – бытовые привычки, моды и т.д. Многое же из того, что было воспринято лучшими представителями русского дворянства, выдающимися государственными деятелями в области государственного устройства, экономической мысли, английской философии, совершенно игнорировалось.

Таким образом, складывался искаженный образ "англомана" как человека, интересующегося только теми сторонами английской жизни, которые были связаны лишь с развлечениями и приятным препровождением времени. Образы таких англоманов, выведенные в произведениях А.С. Пушкина и И.С. Тургенева, формировали общественное мнение по отношению и к конкретным англоманам, и к явлению англомании вообще.

Для того, чтобы объективно оценить такое сложное и неоднородное явление, каким была англомания в России в указанный период, прежде всего, необходимо определить время и историко-культурные обстоятельства появления термина *англомания*, рассмотреть, как на разных исторических отрезках времени изменялся тот смысл, который вкладывался в это понятие.

Этимология слова *англомания* не вызывает затруднения. Оно является сочетанием *англо-* (*anglo-*) и греческого *mania*. Греческое слово *мания* во втором своем значении – состояние сильного, почти болезненного пристрастия, влечения к чему-либо (Словарь иностранных слов. М., 1988). Это слово стало составной частью сложных слов, обозначающих любовь, сильное пристрастие, болезненное влечение к тому, что выражено в первой их части.

Примечательно, что термин *англомания* фиксируется словарями почти одновременно во французском, английском и русском языках.

Впервые слово *англомания* появляется во французском языке в 1764 году (Palissot. La Dunciade. P., 1781. P. 50). Возникновение англомании и появление первых англоманов во Франции относится к началу 60-х годов XVIII века, когда после окончания Семилетней войны и заключения мира 1762 года всё английское стало чрезвычайно популярным. Современник свидетельствует: "Это чувство восхищения всем английским захватило многих англоманов... После заключения мира 1762 года фраки, английские кареты, английские лошади, скачки, пари, пунш, ростбиф, пудинг... наводнили Францию" (Trésor de la Langue Française. P., 1974. T. 3. P. 20). Из приведенного высказывания видно, что в начале 60-х годов XVIII века во Франции распространяется мода на английское, что было связано с победой Англии в Семилетней войне.

Примерно в это же время похожее явление возникает и в России, что было сразу же отмечено современниками. Об англомании пишут князь М.М. Щербатов в своем известном публицистическом произведении "О повреждении нравов в России" (СПб., 1870) и Н.М. Карамзин "О российском посольстве в Японии" (Соч. СПб., 1814. Т. 9). "Словарь русского языка XVIII в." относит первое появление слова *англоман* к 1776 году (Л., 1984. Вып. 1). В то время англомания представлялась как неумеренная любовь ко всему английскому.

Первым словарем, который зафиксировал термин *англоман*, был словарь Н. Яновского: *англоман* "кто удивляется и подражает с излишеством, смеха достойным, всему тому, что делается в Англии" (Новый словотолкователь. СПб., 1803. Вып. 1). С 1825 года его фиксируют почти все значительные словари. "Энциклопедический словарь Селивановского" определяет *англомана* как человека, "который, любя все английское страстно, удивляется, подражает оному с излишеством" (СПб., 1823–1825. Ч. 1); "Энциклопедический лексикон Плюшара" дает следующее определение *англомании* – "предпочтительное и исключительное уважение англичан и всего английского, английских законов, нравов, обычаев, мод и проч." (СПб., 1835. Т. 2); "Справочный энциклопедический словарь К. Крайа" – "подражание идеям, обычаям и манерам англичан" (СПб., 1847. Т. 1); "Настольный словарь для справок для всех отраслей знаний Ф. Толля" – "страсть к подражанию английским нравам и обычаям", *англоман* "человек, пристрастный ко всему английскому" (СПб., 1863. Т. 1); "Полный филологический словарь русского языка" – "пристрастие ко всему английскому", *англоман* "кто имеет пристрастие ко всему английскому", *англофил* "кто отдает преимущество перед всеми нациями англичанам" (Сост. А.И. Орлов. СПб., 1884. Т. 1); "Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона" – "стремление возвеличивать и перенимать английские учреждения,

нравы, обычаи, моды и проч". (СПб., 1890. Т. 1а); "Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук" – "пристрастие ко всему английскому" (СПб., 1895. Т. 1); "Русский энциклопедический словарь" – "любовь ко всему английскому" (Под ред. Н.И. Березина. СПб., 1898. Вып. 1); "Энциклопедический словарь Ф. Павленкова" – "страсть ко всему английскому" (СПб., 1899. Т. 1); "Большая энциклопедия" – "стремление подражать английским нравам и обычаям" (СПб., 1903); "Малый толковый словарь русского языка" – "поклонник всего английского" (Сост. П.Е. Стоянов. Пг., 1916); "Большая Советская Энциклопедия" – "стремление подражать всему английскому" (1-е изд. М., 1926); "Словарь русского языка" – "пристрастие ко всему английскому, увлечение всем английским" (М., 1936); "Словарь современного русского литературного языка" (ССРЛЯ) – "пристрастие к английскому образу жизни, обычаям и т.п.; англофильство", *англоман* "тот, кто имеет пристрастие к английскому образу жизни, обычаям и т.п.; англофил" (М., 1991. Т. 1).

Мы привели такой значительный по объему словарный материал для того, чтобы показать, как с течением времени в русском языке менялось значение понятий "англомания", "англоман" от резко отрицательного в XVIII веке до нейтрального в наши дни.

Причем, интересно отметить, что в английском и французском языках, откуда это понятие пришло в русский язык, "англомания" и "англофильство", а соответственно "англоман" и "англофил" различаются по значению. Первое рассматривается как "сильное или преувеличенное восхищение Англией и ее учреждениями", "мания по отношению к тому, что является английским", "образ жизни, который предполагает преувеличенное и систематическое подражание всему, что связано с Англией", второе же – как "любовь к английскому".

В современном русском языке понятия "англомания" и "англофильство" определяются как "пристрастие к английскому образу жизни, обычаям и т.п.", причем они объединены в одну словарную статью (ССРЛЯ).

Из анализа эволюции понятия "англомания" на протяжении почти двух столетий, с начала XIX века и до наших дней, можно утверждать, что значение его претерпело достаточные изменения, из отрицательно-насмешливого оно трансформировалось в нейтральное, определяющее его как "пристрастие", что не несет на себе оттенка болезненности, того, что обычно понимается под "манией".

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РОССИЙСКИХ ФАМИЛИЙ

© *В. О. МАКСИМОВ,*
директор Исследовательского центра
"История фамилии"

Вряд ли современный российский читатель может посетовать на недостаток публикаций, рассказывающих о российских именах и фамилиях. За последние годы на эту тему вышло большое число книг, от маленьких брошюр до толстых энциклопедий, в периодических изданиях напечатаны десятки статей и заметок.

Особенно легко это увидеть тому, кто знаком с Интернетом. За пять последних лет появилось множество сайтов, объявивших себя энциклопедиями российских фамилий. Некоторые из них действительно представляют собою значительные по объему собрания фамилий и толкования их основ. Но чаще всего являются компиляциями уже изданных книг других авторов.

Даже в известных печатных изданиях, к которым авторы, казалось бы, подходят с большей ответственностью, довольно часто случаются недоразумения. Например, таблицу частотности русских фамилий, составленную на основе адресной книги "Весь Петербург" за 1918 год (!), нередко выдают как отражающую реальную частотность русских фамилий, проецируя ее на всю современную Россию.

Значительная часть фамилий, основу которых можно трактовать как прозвище, именно к прозвищу родоначальника и возводится. А то, что многие имена, даваемые новорожденному, никаких качеств ребенка не отражали и выбирались родителями в согласии с какими-либо семейными традициями, вообще игнорируется.

Но даже и в более добросовестных работах мы часто сталкиваемся с тем, что различные исследования дают и различные толкования основы одной и той же фамилии, например: один исследователь утверждает, что фамилия *Малюков* образована от нецерковного имени *Малюк*, которое восходит к русской основе *маленький*. Другой подозревает, что основой этой фамилии может быть и церковное имя *Мал*, которое в переводе с латинского языка означает "злой". Действительно, фамилий с основой *мал* множество. Логично предположить, что все они восходят к слову *маленький*. Ведь совершенно "прозрачно" и имя *Малец*, ставшее основой фамилии *Мальцев*. Однако стоит вспомнить, что существовали и имена *Антонец, Макарец, Иванец*. А в тамбовских, рязанских, воронежских землях сегодня нередки фамилии

Васюков, Павлюков. Поэтому правы оба автора. Так же, как и те, кто утверждает, что фамилия *Юренев* образована от глагола *юрить*, т.е. "суетиться", а *Юрков* от прозвища *Юркой*, т.е. "ловкий, шустрый". Так же, как и те, кто считает, что обе эти фамилии образованы от имений *Юрий – Егор, Георгий.*

Точность и достоверность такого исследования зависят от того, насколько исчерпывающий материал был собран для анализа. Тем более, что в России действительно есть огромное число фамилий, основы которых нужно искать не в языках и диалектах российских народов, а, например, в немецком, голландском, французском, английском, не говоря уже о древнееврейском, арабском, греческом и латыни. Для их расшифровки одними лишь словарями говоров и святцами не обойдешься. А это значит, что до составления окончательного варианта "Толкового словаря российских фамилий", который создает Исследовательский центр "История фамилии", еще очень далеко.

Впрочем, значительное число статей о происхождении российских фамилий этим центром уже подготовлено к публикации. Часть из них мы и хотим предложить вниманию наших читателей.

Именно на страницах "Русской речи" в течение многих лет печатал материалы из своего "Словаря русских фамилий" В.А. Никонов. И нам бы очень хотелось, чтобы "фамильный" раздел, начатый Владимиром Андреевичем и продолженный его коллегами и последователями, снова стал явлением регулярным.

"История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество", – писал Н.М. Карамзин. И рост у россиян интереса к своим корням, несомненно, – замечательная и обнадеживающая тенденция. Но нельзя не видеть и того, что десятилетие яростных споров об оценке различных периодов в российской истории сменяется злом, пожалуй, более опасным. На смену спорщикам приходят "фантасты", которым, при столь разном описании и трактовке событий, спорить, собственно, не о чем.

Сегодня, пожалуй, как никогда, требуется сделать упор на освещение другой стороны нашей истории. Дать желающим возможность узнать о том, как и чем жили их предки "в перерывах" между очередными "изгибами русской истории".

Разумеется, мы не утверждаем, что изучение фамилий является источником, дающим эти знания. Но многие исторические события и культурные традиции народов России нашли отражение (порою – неожиданное) в современных фамилиях, и их изучение – занятие не только полезное, но и увлекательное.

Для первой публикации нами были выбраны наиболее интересные фамилии из числа тех, о происхождении которых неоднократно спрашивали посетители Центра "История фамилии". В дальнейшем, надеемся, выбор публикуемых фамилий будет зависеть, в первую очередь, от писем читателей журнала "Русская речь".

Влазнев. *Влазень, Влазня, Волазень* и т.п. (в старину не существовало единых правил письма) – так во многих русских говорах называли зятя, который после женитьбы переезжал в дом своего тестя. *Влазнем* могли назвать и просто новосела. В основе этого имени – слово *влезать*, а *влазины* в говорах означает "переселение в новое жилище, празднование по случаю переселения; новоселье". В Писцовых книгах Новгородских Пятин упоминаются крестьяне: в 1495 году – *Сидко Влазень, Тимоха Влазень, Оксенко Влазень, Сенко Влазень*, в 1500 году – *Грихно Влазень*. В тех же "Писцовых книгах..." в 1495 году записан *Игнатко Влазнев*, крестьянин. А в Тверской области до настоящего времени сохранилась деревня *Влазнево*.

Водяников, Водянников. Даже в XIX–XX веках в различных русских говорах сохранялось множество значений слова *водяник*: "водяной, дух, обитающий в воде", "некоторые виды растений", "водяной жук или его личинка", "плетень, устанавливаемый на воде", "отгороженная часть озера", "огород на берегу", "сырой луг", "чайник", "посудина для воды", "рабочий, управляющий насосом, подающим воду". Любое из этих значений могло стать основой имени или прозвища *Водяник* (об этом напоминает существование "родственных" фамилий: *Плетнев, Жердев, Озеров, Сараев, Кувшинов, Ковшов, Водовозов* и др.). Во времена Богдана Хмельницкого (1649 г.) в "Реестре Войска Запорожского" упоминаются: *Гришко Водяник*, казак Черкасского полка; *Васко Водяник*, казак Белоцерковского полка. В старину, когда единых правил русской и вообще восточнославянской грамматики не существовало, эти названия и, соответственно, имя-прозвище *Водяник*, могли быть записаны с удвоенной *-н-* – *Водянник*. Кроме того, существовала секта водяников, одна из ветвей распространенного в прошлом движения беспоповцев. Это старообрядческое общество отличалось от других течений тем, что согласно обряду в случае болезни они причащались "богоявленской", т.е. крещенской, водой (богоявленская вода, в отличие от обычной освященной, почитается православными как особая святыня, ее хранили на протяжении всего года). В середине XIX века крупная община водяников была, например, в Саратовской губернии. Поскольку процесс оформления российских фамилий продолжался вплоть до первого десятилетия XX века, то в фамилиях приверженцев этого учения могло быть и указание на их сектантство.

Грубников. Основа *груб-* обычно рождает ассоциации с эпитетом *грубый*. Но это не так. *Грубник* – распространенное в старину в украинских и южнорусских говорах прозвание печника, т.е. мастера по кладке и ремонту печей. Оно образовано от популярного в этих говорах названия печи – *груба, грубка*.

Дядин. *Дядиным* могли прозвать сироту, воспитанного в семье дяди. Но следует помнить и о том, что *Дядя* – уважительное обращение к

человеку (и, соответственно, его прозвище), который пользовался большим авторитетом у окружающих. Так, в летописях упоминаются: *Ортемко Дядя*, крестьянин Березайского погоста, 1495 год; *Ондрей Григорьев сын Дядя*, в Белозерском уезде, 1526 год. А в документе XVI века сохранилась такая запись: "...выдано мастерам портным по 7 рублей с полтиной, да им жа пол 7 алтын на иглы: Грише Бестужеву, Мите Ракову, Максиму Фефилову .., Дяде". Видимо, личность последнего мастера, упомянутого в списке, была настолько известна, что дополнительных уточнений не требовалось. Всем было понятно, о ком идет речь.

Жемчужников. Не стоит думать, будто бы жемчуг в Древней Руси был диковинным камнем. *Жемчужниками* издревле называли не только купцов, торговцев жемчугом, но и искателей жемчуга, людей, зарабатывающих себе на жизнь собиранием жемчужных раковин. Старинные летописи донесли до нас такую запись за 1684 год: "Посылал де он на Китай и на Белую реки и в Тункинской острог иркуцкого казака Онашку Нестерова, да с ним жемчюжника Ивана Федорова, для приску в озерах и по рекам раковин жемчюжных". А в Писцовых книгах Новгородских Пятин в 1495 году упоминается *Прокошко Жемчужник*, крестьянин. В документах XV–XVII веков записано множество представителей этой фамилии: *Яков Григорьев сын Жемчужников*, тиун Каширский, 1543 год; *Иван Жемчужников*, дворянин, пристав у черкасских князей, 1584 год; *Василий Терентьевич Жемчужников*, новгородский дьяк, 1602 год, в 1614 году – он воевода в Вятке. Популярна фамилия *Жемчужников* и среди потомков донского казачества; в XVIII–XIX веках фамилия *Жемчужников* встречалась в метрических книгах станицы Голубинской (Щетинин Л.М. Имена и названия. Ростов-на-Дону. 1968). А в Тульской и Липецкой областях до настоящего времени сохранились населенные пункты с названием *Жемчужниково*.

Измоденов. Существовало и имя *Измоден*. Значение слова восходит к диалектному глаголу *измодеть*, т.е. "утомиться, истомить, исхудать". *Измоденом* в уральских говорах называли худого мужчину. А в говорах уральского казачества *Измоден* – "гордец" и "упрямец". Именно здесь (в Свердловской области) до наших дней сохранилась и деревня *Измоденово*.

Левенцов, Ливенцов, Ливенцев. Фамилия *Левенцов* довольно редкая, но вот причин ее появления несколько. Слово *левенец* во многих славянских говорах в старину означало "оглобля, дубина". Оно могло употребляться и в качестве обычного мирского имени. *Левенецом* могли прозвать человека очень высокого роста, верзилу. В 1646 году в переписной книге города Вятки упоминается *Тимофей Юрьев сын Левенцов* с сыновьями "Ивашкой, Мишкой и Володькой". В украин-

ских говорах *левенцом* называли высокого, дюжего молодца. А в землях Правобережной Украины в XVIII веке *левенцами* называли еще и участников народно-освободительной борьбы против польско-шляхетского гнета. В "Сборнике Летописей, изданном Киевской Археографической Экспедицией" в 1724 году, упоминается полтавский полковник, прозванный *Левенцом*. Возможно, это прозвище указывает на тот факт, что он был из правобережных казаков, многие из которых, не имея возможности сопротивляться регулярным польским войскам, перешли в состав левобережного казачества и приняли российское подданство.

Но не стоит исключать и того, что во многих случаях *Левенцовы* появлением своей фамилии обязаны другому прозвищу. *Ливенцами* называют выходцев из основанного в 1586 году города Ливны, расположенного в Орловской области на реке Сосна. Потомки *Ливенца* именуются сегодня *Ливенцовыми* или *Ливенцевыми* (эти две фамилии встречаются значительно чаще). Но безударная буква *и* могла быть записана писарем и как *е*. Таким образом, *Ливенцовы* тоже могли стать *Левенцовыми*.

Машистов. Слово *машистый* в старину имело значение – "живущий на широкую ногу", буквально – "живущий размашисто". Такое имя родители могли дать новорожденному сыну в качестве пожелания прожить счастливую и обеспеченную жизнь. Но, разумеется, имя *Машистый* могло быть и прозвищем действительно зажиточного, живущего "на широкую ногу" человека. В 1910 году исследователями русских диалектов это прозвание было отмечено лишь в Боровском уезде Калужской губернии. Но не исключено, что в более древние времена оно бытовало и в других русских говорах.

Незванов. Имя *Незван* в старину было довольно популярным. Его обычно трактуют как "неожиданный", "незваный". Почему бы и нет? Обычный крестьянин мог обеспечить более или менее нормальный уход лишь трем-четырем детям. Нежелательному же ребенку родители могли в сердцах дать имя *Незван, Неждан, Нечай* и т.п. Но следует помнить о том, что, как и у большинства народов мира, у славян существовал обычай присваивать детям "охранительные" имена (*Зло, Злоба, Некрас, Нелюб, Немил* и др.). Популярны были и имена, указывающие на тот факт, что ребенок якобы вообще не имеет к этой семье никакого отношения. Просто потому, что суеверные родители подозревали, что беды их старших детей (а детская смертность была очень высокой) могут быть связаны с тем, что некий человек или злые духи имеют "претензии" к предыдущему ребенку или ко всему семейству и именно поэтому могут наслать при помощи колдовства порчу на очередного ребенка. Именно в этом случае давались такие имена, как *Незван, Найден, Ненаш, Ненад, Чужой, Подкидыш* и т.п. Интереснейш-

шее упоминание сохранилось в летописи 1608 года, где записан *Незван Нечаев сын Апушкин*, землевладелец в Галичском уезде. Имя его отца *Нечай*, а это наводит на мысль не о том, что в данном семействе рождение очередного ребенка всегда было неприятной неожиданностью, а скорее о том, что именно такая "профилактика" считалась более надежной гарантией благополучного выживания новорожденного.

Пережогин. Слово *жога* в старину имело несколько значений: "суматоха", "ссора", "спор" и др. Вероятно, и не сохранившееся до XIX–XX веков (т.е. до времени, когда началось активное изучение русских диалектов) в говорах слово *пережога* имело то же значение: так же, как из слова *полох* ("испуг, страх") возникло слово *переполох*. Разумеется, прозвищем *Пережога* могли прозвать известного спорщика и упрямца, несговорчивого человека, обладателя сложного характера. Это подтверждается существованием других прозвищ с той же основой: *Наджога, Наджига, Наджега, Зажога, Зажига, Выжига, Жига* и др. – все они имели значения "бойкий", "хитрый", "находчивый", "тот, кто подстрекает начать что-либо", "зачинщик" и т.п. О том, где встречалось это прозвище, возможно, напоминает сохранившаяся до наших дней в Ивановской области деревня *Пережогино*. А в летописи 1621 года упоминаются: *Алексей Пережогин и Афанасий*.

Пивсаев. Значение древнего имени *Пивсай* восходит к мордовскому слову *пивсэмс* – "молотить, обмолачивать пшеницу". Такие формы вообще характерны для древних угро-финских имен: *Видяй* или *Видяпа* (*видемс* – "сеять": т.е. само имя означает буквально "сеятель"); *Ледяй* (*Ледяпа, Ледяйка* и т.п.) восхóдит к глаголу *ледемс* – "косить" (буквально – "косарь"); *Учай* ("долгожданный") образовано от глагола *учемс* – "ждать". Подобные имена были издревле популярны у всех народов-земледельцев (канонизированное христианской религией греческое имя *Георгий* имеет значение "земледелец"). Не исключено, что в некоторых случаях в основе этого имени лежит другое значение: "бить, колотить".

Писанов, Писаный, Писанко, Писанка др. Имена-прозвища *Писаный* или *Писанка* на Руси в старину означали "красивый", "пригожий", "видный" человек. Другое значение этих имен – "милый, любимый, дорогой". Разумеется, такое имя родители могли дать своему ребенку и в младенчестве: имена, указывающие на тот факт, что родители гордятся своим долгожданным новорожденным красавцем и не могут на него налюбоваться, были в старину очень распространены (*Милый, Любим, Бажен, Ждан, Желанный, Красавец, Баской* и др.). Так, во времена Богдана Хмельницкого (1649 г.) в "Реестре Войска Запорожского" упоминается *Гаврило Писаный*, казак Переяславского полка (в этом же Реестре упоминаются и шесть казаков с именем *Писанка*).

Попугаев. В некоторых древнерусских говорах *попугай* – это "чучело, пугало" (а слово *попуга* означало – "испуг, страх"). Возможно, родители нарекали своего ребенка именем *Попугай*, надеясь, что он вырастет храбрым и смелым. Кроме того, злых духов должно было отпугнуть и само имя *Попугай*: не всякий представитель нечистой силы рискнет "связываться" с человеком, носящим такое опасное имя. В северо-западных русских говорах *попугай* – это птица филин, который своим уханьем пугает людей (в южных землях его называли *пугачом*, поэтому *Пугачевы* также являются "однофамильцами" *Попугаевых*). В летописях упоминаются: в 1638 году – *Василий Попугай*, москвич; в 1642 году – Савка *Попугай*, Новгородский монастырский крестьянин.

Кроме того, в XVIII–XIX веках фамилию *Попугаев* мог получить ученик духовной семинарии. Среди семинарских фамилий нередкими были и фамилии, образованные от названий "заморских" птиц: *Пеликанов, Павлинов, Павлинский, Кенарский, Попугаев, Колибрин*. Так, в конце XIX века фамилия *Попугаев* упоминается в списках выпускников Суздальской духовной семинарии (Шереметевский В.В. Фамильные прозвища великорусского духовенства. СПб., 1908).

Проходцев. Слово *проходец* в прошлом имело несколько значений. *Проходцами* называли путников, странников, а также связных, посыльных, проходящих через занятую врагом территорию. В грамоте XVII века сохранилась "...отписка воеводы Семена Змеева о посылке ис-под Быхова проходца в Аршаву для проведыванья вестей, и тот проходец принес королевскую грамоту". В древнерусских летописях упоминаются: в XV веке – *Илейка Проходец*, тяглый человек; в 1495 году – *Филка Проходец*, новгородец. Но, вероятнее всего, в большинстве случаев основой этой фамилии стало более позднее значение прозвища *Проходец*: хитрый, находчивый и умудренный жизнью, много повидавший, побывавший во многих землях человек.

Рыцарев. Слово *рыцарь* возникло в древние времена. Например, уже в русской летописи 1489 года записано: "Приехал до нас посол вашие светлости Николай Поплев, рицар двора вашего, и говорил нам от тебя". В грамоте 1627 года упоминается некий "Аглинсково Карлуса короля посланник рыцер Сфифт". Это слово пришло к славянам из немецкого, где оно произносилось как *Ritter*. В европейских языках это слово звучало по-разному. Например, в английском – *Knight*, во французском – *Chevalier*. Но везде имело одно значение: "лицо, принадлежащее к военно-земледельческому сословию". На Руси таких воинов-феодалов называли *дворянами*. Особенной популярностью слово *рыцарь* стало пользоваться после знаменитых крестовых походов, когда слава о них прогремела по всей Европе. С началом крестовых походов в рыцарское достоинство были произведены не только феодалы, но и

выходцы из других сословий: пополнение войска рыцарей-крестоносцев требовало от организаторов крестовых походов отступать от канонов. Тем более, что рыцарский авторитет поддержала и католическая церковь. Возникли даже своеобразные военно-церковные общины, получившие названия рыцарских орденов: *тевтоны, иезуиты, кармелиты* и др.

В Московской Руси рыцари считались хотя и христианами, но вероотступниками, исповедующими "латинство". В западных же областях Украины и Белоруссии, где было много католиков, рыцари – не диковинка, а вполне обычное явление. Нередким было и прозвище *Рыцарь*. Но вот как его трактовали современники, нам сегодня судить сложно (так же, как и в современной России любого торговца могут и в шутку, и всерьез назвать *бизнесменом*). Даже среди запорожских казаков встречалось это прозвание. В уже упоминавшемся "Реестре Войска Запорожского" записаны: *Андрей Рыцер*, казак Каневского полка и *Васко Рыцер*, казак Кропивнянского полка.

Семичастнов, Семичастный. Прозвище *Семичастный* обычно толкуют как "обладающий несколькими земельными наделами", т.е. буквально "обладающий несколькими частями земли". Компонент *семь* в русских словах и прозвищах раньше служил для выражения значения большого количества, неограниченной величины и т.п. Поэтому такое толкование прозвища *Семичастный* вполне возможно, но оно подкрепляется более всего современным представлением о словообразовании в русском языке. Более достоверной кажется другая основа имени или прозвища *Семичастный*. Первоначальное его звучание, вероятнее всего, было – *Семисчастный*. Это подтверждается, например, существованием и фамилии *Семисчастнов*, сохранившей это древнее звучание. Прозвание же *Семисчастный* следует толковать скорее как "счастливчик", "везунчик". Известная поговорка *Семь бед – один ответ* предполагает и ситуацию "тотального везения", когда уместнее было бы сказать "семь раз счастье привалило". Вероятно, имя-прозвище *Семисчастный* было довольно редким и рано вышло из употребления: именно по этой причине значение его "ускользнуло" от исследователей русского языка XIX века. А случаев, когда неудобно произносимое имя или прозвище со временем было переосмыслено и именно в такой форме вошло в состав фамилии, – множество.

Форостов, Форостяный. *Форостяный* – характерное для украинских и южнорусских говоров произношение современного слова *хворостяный*. Варианты слов и имен с *ф* вместо *хв* и наоборот – широко известное явление: *хворост – форост, хвощ – фощ, фартук – хвартук* и др. "Произрастаить лес... толщиною в соху, ключину, кол и форост", – говорили на Дону даже в XX веке. Прозвание *Форостяный* мог получить выходец из селений, носящих название *Хворост, Хво-*

ростяное, Хворостянка, Хворостянь и т.п. В настоящее время селения с такими названиями встречаются на территории России и Украины. Их названия в прошлом также могли записываться через букву *ф*. Так, например, село *Старая Хворостань*, расположенное в Воронежской области на реке *Хворостань*, в начале XVII века называлось *Форосанский ухожей*, затем село *Хворостань, Форостань* или *Форосань*. В основе названия речки *Хворостань* слово *хворост* – "кустарник семейства ивовых", который растет по ее берегам. Кроме того, прозвание *Форостяный* мог получить высокий и худощавый человек. В Курской таможенной книге 1647–1648 годов упоминается *Форостов Максим*, крестьянин.

Фурлетов. Слово *фурлет* – народный вариант произношения слова *фурлейт*, которое в переводе с немецкого (*Fuhrleute*) означает буквально "возчик". Так в прошлом в русской армии называли солдат *фуршмата* (*Fuhrstaat* – "обоз"), т.е. служащих частей, которые обеспечивали снабжение армии. Начало этой традиции было положено Петром I, который, как известно, перестраивая русскую армию по западному образцу, заимствовал и названия европейских чинов и должностей.

Шкелёв, Шкель. Имя-прозвище *Шкель* в белорусско-украинских говорах означает "насмешник" и восходит к диалектному глаголу *шкелити*, т.е. "насмешничать, шутить, трунить; отпускать колкости". В "Реестре Войска Запорожского" упоминаются: *Васко Шкель*, казак Переяславского полка; *Иван Шкель*, казак Кропивнянского полка; *Иван Шкель*, казак Нежинского полка.

Продолжение следует

Желающие задать вопрос или предложить свои дополнения к материалам, опубликованным в этом разделе, могут воспользоваться адресом редакции: **121019, Москва Г-19, ул. Волхонка. Редакция журнала "Русская речь";** *или электронной почтой:* **dialog@familii.ru** *(письма отправлять с пометкой "Толковый словарь российских фамилий"); или посетить сайт Исследовательского центра "История фамилии":* **www.familii.ru**.

Топонимика

Московская Болвановка

© *А. Л. ШИЛОВ*

"Какая еще Болвановка, нет такой в Москве", – может сказать современный читатель. И он будет прав, опираясь на современные справочники по названиям улиц Москвы. Из более же ранних изданий читатель узнает, что Болвановка в Москве не только была, но их было целых две: в Замоскворечье и на Таганке. Положение замоскворецкой Болвановки сейчас фиксируют переулки 6-й Монетчиковский (до 1930 г. – *Малый Болвановский*), 1-й и 2-й Новокузнецкие (до 1954 г. – *Большой* и *Малый Спасоболвановские*) переулки. До сих пор во 2-м Новокузнецком переулке стоит церковь *Спаса Преображения на Болвановке* (иногда называемая *Спас на Новой Болвановке*), известная с 1465 года.

Местность *Болваново (Болвановье)* была в Москве хорошо известна. Так, под 1490 годом Никоновская летопись сообщает о жизни Мистра Леона – лекаря, неудачно лечившего сына Ивана III, "всенародно на Болванове за Москвою рекою". О дороге на Рязань через *Болвановье* говорится в документе 1521 года. Часто указывалось, что при Иване IV Болвановка была местом поселения иноземных служилых людей. Во всяком случае, английский посланник Горсей сообщал: "Войско царя [во время Ливонской войны. – *А.Ш.*] продвинулось вглубь страны ... захватывая многих пленных... Царь отослал большую часть их к Москве, поселив отдельно вне города [этим, кстати, было положено начало Немецкой слободе на Кукуе. – *А.Ш.*]... Среди плен-

ных было 85 шотландских солдат... а также трое англичан. Я добился разрешения разместить их у *Болвановки* [в оригинале *Bulvan*] около Москвы" (Джером Горсей. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. Курсив в цитатах наш).

Таганская же *Болвановка* находилась примерно там, где теперь проходят Верхняя и Нижняя Радищевские улицы, до 1919 года называвшиеся *Верхняя* и *Нижняя Болвановская* улицы. *Верхняя* (и бóльшая из них) улица называлась подчас просто *Болванка* или *Николоболвановская*, а *Нижняя – Николо-Болвановский* пер.: по церкви *Николая Чудотворца на Болвановке* (стоит на углу Верхней и Нижней Радищевских улиц). Церковь документально известна с 1632 года. Но уже под 1547 годом Никоновская летопись сообщает о пожаре, который начался "за Яузою на Болвановье" (Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. XIII. Далее – ПСРЛ).

А что вообще означает название *Болвановка?* Для него в литературе предлагалось несколько объяснений. Наиболее ранняя версия (в отношении названия как замоскворецкой, так и таганской Болвановки) такова: «На этих местах во времена татарщины перед привезенными из Орды "басмами", или войлочными изображениями ханов, – "болванами", московские князья давали присягу, подписывали договоры и приносили дань. По свержении татарского ига, на этих местах всегда строились храмы в благодарность Богу за избавление от татарского ига» (Московские церковные ведомости. 1902. № 32). Возможно, своим появлением эта версия обязана Н.М. Карамзину, сообщавшему: "Пишут еще, что София [жена Ивана III. – *А.Ш.*] убедила Иоанна не встречать послов Ординских, которые обыкновенно привозили с собою *басму*, образ или *болван* Хана; что древние Князья Московские всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим и, для слушания Царских грамот, подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена. На месте, где бывала сия встреча, создали в Иоанново время церковь, именуемую доныне Спасом на *Болвановке*" (История государства российского. М., 1998. Т. VI).

Безусловно, ордынские посланники приезжали в Москву многократно: привозя ярлыки на княжение от хана (это случай довольно редкий, обычно князья за ярлыками сами ездили в Орду), в качестве баскаков – для переписи податного населения ("числа") и сбора дани (но это ранний период; позже князья собирали дань ("выход") сами и уже в XIV в. баскаков на Москве не бывало); в качестве послов для самых разных целей: требования военной помощи или военной акции против других русских княжеств, требования денег сверх регулярной дани, вызова князя в Орду.

Но никаких достоверных данных об унизительных для князя церемониях при приеме (встрече) ордынских послов не существует. Всё

упомянутое цитируется Карамзиным по иностранным источникам XVI–XVII веков (Герберштейн и др.). Летописи же под 1261, 1283 годами говорят (имея в виду не Москву, а иные русские города) о выходе "с питьем и з дары" навстречу хану или представляющему его военачальнику (темнику Бурундаю), но отнюдь не к ханским послам. В отношении последних характерно известие Тверского сборника (ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV) под 1408 годом: "князь великий повеле царева посла сретити на Володимерском мосту честно".

Так что упомянутая версия есть не более чем поздняя легенда иностранного происхождения, малоправдоподобная исторически. Кроме того, русское слово *болван* никогда не было синонимом слова *басма* "оттиск, клеймо" (тюркского происхождения), а означало "идол; деревянный обрубок" (подробнее см. далее).

Внешне более реалистично выглядит другая версия, согласно которой в районе Болвановских улиц на Таганке в XVII веке находилась ремесленная слобода, жители которой делали из дерева болванки, для пошива на них головных уборов (Сытин П.В. Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959). Предлагался и такой вариант занятий жителей гипотетических Болвановских слобод: "обе Болвановки соседят с кузнечными слободами – что означает, что в них были *болванки*, нужные в кузнечном деле" (цит. по: Паламарчук П.Г. Сорок сороков. М., 1994. Т. 2).

Но никаких данных о существовании подобной слободы (слобод) не выявлено (см. Богоявленский С.К. Московские слободы и сотни XVII века // Московский край в его прошлом. М., 1930. Ч. II). Более того, названия *Никола на Болвановке, Спас на Болвановке* выпадают из ряда именований церквей по ремесленным слободам, в которых они находились, например таких: *Никола в Толмачах, Рождества Христова в Палашах, Николая Чудотворца в Плотниках, Троицы в Котельниках, Успения в Кожевниках, Воскресения в Бронниках, Георгия в Лучниках, Николы во Псарях, Успения в Гончарах, Харитония что в Огородниках* и т.д. Из этих примеров видно, что обозначение слободского места в названиях церквей всегда имело форму множественного числа местного (предложного) падежа, т.е. давалось по людям, которые там работали. Поэтому в нашем случае (принимая гипотезу о *Болвановке*, как ремесленной слободе) следовало бы ожидать *Никола* (или *Спас*) в *Болванниках* (*Болванщиках*), а не *на Болвановке*.

Подобного типа (с предлогом *на*) уточняющие определения давались церквам исключительно по положению в какой-то местности, урочище, учреждении, например: *Покровский собор что на Рву, церкви Спаса на Бору, Покрова что на Лыщиковой горе, Антипия на Колымажном дворе, Девяти Мучеников на Кочерыжках, Алексея Митрополита на Глинищах, Благовещения на Бережках, Власия что*

на Козьем Болоте, Троицы на Грязях, Параскевы Пятницы на Кулижках, Георгия на Красной горке, Успения на Вражке, Николы на Песку, Николы на Ямах, Николы на Щепах и т.д. Таким образом, определение *на Болвановке* (если под *Болвановкой* понимать слободу) не совпадало с моделью, которая отвечала этой грамматической форме, и относилось к местности, урочищу.

Для правильного решения вопроса следует, очевидно, вернуться к тому значению слова *болван*, которое оно имело в древнерусском языке. Кстати, слово *болван* имеется и в других славянских языках, а из древнерусского оно было заимствовано в балтские (лит. *bulvonas*, лтш. *bulvans*) и в германские (шведск. *bulvan*, нем. диал. *Bulbahn*) языки. Впервые встречается в "Слове о полку Игореве": "Див кличет връху древа велит послушати земли незнаеме Влъзе и Поморию и Посулию и Сурожу и Корсуню и тебе *Тьмутораканьскый блъван*". Комментаторы отмечали, что на Таманском полуострове близ древней Тмуторокани, еще в XVIII веке стояли огромные статуи, посвященные божествам Санергу и Астарте. Спектр значения русского *болван* и древнерусского *бълванъ*, приводимый в различных словарях (В.И. Даля, А. Преображенского, М. Фасмера), достаточно широк: "идол, изваяние, истукан; грубо обтесанный кусок дерева или камня; деревянный столб, бревно, обрубок дерева; большой камень, глыба; деревянная или глиняная форма для отливки тех или иных металлических изделий; глупец, невежа, дурак". Большинство этих значений вторично, как и совсем позднее диалектное (северное) *болван* "объект, неудобный для преодоления; угодье (покос), находящееся отдельно от других" (Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000).

В первую же очередь (и изначально), древнерусское *болванъ/бълванъ* подразумевало статую, изваяние (зачастую условное) языческих божеств, идолов: "Михаило князь Черниговский со внуком своим Борисом поехаша в Татары и бывшим им в станех посла Батыи к Михаилу князю веля ему поклонитися огневи и *болваном* их Михаило же князь не повинуся веленью их но укори и глухыя его *кумиры*" (ПСРЛ. М., 1997. Т. I; 1246 г.; в ряде летописей здесь вместо *болваны* и *кумиры* стоит *идолы*).

Это же значение "идол, кумир; изваяние" имели болгарское *балванъ* (с XIII в.) и венгерское *balvany* (с начала XII в., в топонимии – с начала XI в.). Полагают, что венгерские и славянские слова были независимо заимствованы из древнетюркского *balban/*balvan "ритуальный камень, символизирующий человека".

Соответственно этому, исходному, значению слова и в топонимии названия типа *Болванский Нос* (на Печоре и на о. Вайгач), *Болвано-Из* (гора на Северном Урале), *Болван* (гора в Пермской обл.), *Болванский городок* (Кировская обл.), дер. *Болванцы* (Вологодск. обл.),

Бальванке, Бальванёш (горы в Венгрии) отмечали либо каменные столбы, скалы-останцы, либо наличие языческих идолов (Матвеев А.К. Нёройки караулят Урал. Свердловск, 1976; Кузнецов А.В. Болванцы на Лысой горе. Вологда, 1999).

Поэтому логично предположить, что и на московских Болванках некогда располагались капища языческого населения – славянского или более раннего (в условиях московского рельефа говорить о скалах-останцах не приходится). Подобная мысль в той или иной форме высказывалась и раньше: "По преданию, здесь [на таганской Болвановке. – *А.Ш.*] стоял идол, которому поклонялись татары" (Путеводитель по Москве и ее окрестностям. М., 1918). Критики этой версии указывают на то, что статуи-болваны здесь не были обнаружены (Смолицкая Г.П. Названия московских улиц. М., 1996). Но иначе и быть не могло, если мы вспомним о давней и устойчивой традиции ставить церкви именно на местах языческих святилищ, при которой языческие изваяния уничтожались: "... и се рек [Владимир Святославович. – *А.Ш.*] повеле рубити церкъви и поставляти по местом идеже стояху кумири" (ПСРЛ. Т. I; 988 г.). Возможно, это высказывание было вложено в уста князя летописцем. Но в "Слове о законе и благодати" митрополита Иллариона (середина XI в.) мы прямо читаем: "Уже не сотонинские капища сограждаем, но Христовы церкви зиждем ... капища разрушишась и церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святых являются".

Но этим "болванская" проблема московской топонимии не исчерпывается, ибо в ряде документов (например, в Никоновской и Вологодско-Пермской летописях под 1380 г.) в числе трех дорог, которыми выходили из Москвы полки против Мамая, названа *Болвановская* (Повести о Куликовской битве. М., 1959).

Почему дорога называлась *Болвановской?* Многие исходят из того, что она начиналась от Болвановки на Таганке: "Болвановская дорога начиналась от восточной оконечности города, где до нашего времени существовала церковь Николы на Болвановке, в районе Таганской площади. Дальнейшее направление дороги неясно. Она, по-видимому, вела на Коломну по левому берегу Москвы-реки" (Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1947).

Если же отталкиваться от московских названий и исторических свидетельств, начальный участок дороги следует скорее вести через замоскворецкую Болвановку. Известно ведь, что через нее заведомо шла одна из дорог на Коломну и Рязань.

Впрочем, и на этом варианте не стоит категорически настаивать, ибо получается (как в том, так и в другом случае), что Болвановская дорога получила название по ближнему к городу объекту. Но тогда ее название было бы уникальным по мотиву образования, так как московские дороги получали названия по достаточно удаленным населен-

ным пунктам или местностям: *Владимирка, Стромынка* (с. Стромынь), *Брашевская* (бывш. с. Брашево Коломенского уезда), *Ордынка, Тверская, Волоцкая* (на Волок Ламский), *Можайская, Боровская, Калужская, Серпуховская* и т.д. Правда, следует отметить, что в 1380 году Болвановка замоскворецкая отчетливо лежала не просто вне города, но и довольно далеко от него, так что потенциально могла, все же, дать имя дороге.

Но есть и еще одна возможность, которую подсказывает летописное сообщение 1497 года: "...прииде великая княгиня Анна рязаньская на Москву, сестра великого князя Ивана Васильевича. Князь же великыи срете ея велми честно на *Спольи за Болвановем*... и по Крещении отпустил ее... и проводил ея князь Юрьи з бояры до *Угреши* [т.е. до Николо-Угрешского монастыря за Москвой-рекой. – *А.Ш.*]" (ПСРЛ. М., 1994. Т. 39). Так вот, на "плане местности между землей села Петровского, дорогой из Москвы в Мячково, Николо-Угрешским монастырем и Москвой рекой" XVII века показан луг *Болвановка* (Кусов В.С. Чертежи земли Русской XVI–XVII вв. М., 1993. № 219). Так, может быть, здесь и была та местность *Болвановка* (а монастырь был воздвигнут Дмитрием Донским на месте древнего святилища с идолами-болванами), по которой и названа древняя дорога, предположительно частично совпадающая с позднейшим Николо-Угрешским (Перервинским) шоссе? И, следовательно, *Болвановка* замоскворецкая могла быть названа просто по прилеганию к Болвановской дороге.

Увы, этого мы, вероятнее всего, не узнаем, если только на помощь *лингвистам не придут археологи.*

ВОЛОГОДСКИЙ КРЕСТЬЯНИН В ЗЕРКАЛЕ РОДНОГО ГОВОРА

© *Г. В. СУДАКОВ,*
доктор филологических наук

Сидят два свояка в гостях, едят тещину кашу.
– Каша-то с маслом лучше, – говорит один.
– Неправда, без масла намного хуже, – возражает другой.
– Нет, с маслом лучше.
– Да ты что? Хуже она без масла, любого спроси.

Писатель Василий Белов о народном слове своих земляков говорит так: "...слово приравнивалось нашими предками к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь. Оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего. Вместе с этим (и может быть, как раз поэтому) оно утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло... Умение хорошо, то есть образно, умно и тактично, говорить в какой-то степени было мерилом даже социально-общественного положения, причиной уважения и почтительности" (Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1989). По его мнению, культ слова сохраняется в вологодской деревне до сих пор.

Может быть, этим вниманием вологодского мужика к такому "невещественному" предмету, как слово, объясняется тот факт, что первым известным в России стал "Словарь областных слов, употребляемых в городе Устюге Великом" (1757 г., 301 слово), опубликованный П.К. Симони (Живая старина. 1898. Вып. 3).

До появления первого сводного диалектного словаря "Опыта областного великорусского словаря" (1852, 1858 гг.) вологодскими ценителями образного слова было составлено более двадцати списков диалектных слов. К концу же XIX века были накоплены горы записей

лингвистического, фольклорного и этнографического материала – энциклопедия сведений о быте, культуре и мировоззрении вологодского крестьянина. Проблему обобщения, проверки и систематизации словарных материалов выполнил служащий Кадниковского земства Прокопий Александрович Дилакторский.

П.А. Дилакторский (15.10.1868, г. Кадников Вологодской губ. 10.12.1910, С.-Петербург) закончил составление своего словаря в 1903 году. Его полное название – "Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил Прокопий Дилакторский" – точно указывает на те образцы, которым он стремился следовать: А.О. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении (СПб., 1885), Г.И. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении (СПб., 1898).

Словарь П.А. Дилакторского до сих пор не издан, его рукопись хранится в словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург. Шифр № 35; далее в тексте ссылки на рукопись – *Дил.*; иллюстрации приводим в орфографии автора, заменяя лишь отдельные литеры на современные, сохраняем ударение и фонетико-морфологические особенности).

Словарь П.А. Дилакторского является первым самым крупным опытом систематического описания лексики говоров Вологодской губернии XIX века.

Интерес к народному слову проявился уже в самых ранних работах П.А. Дилакторского, посвященных особенностям крестьянского быта и культуры Кадниковского уезда Вологодской губернии: свадебному обряду, пастушьим заговорам, народным суевериям, традиционным промыслам и занятиям.

Прокопий Александрович Дилакторский как краевед развивался под влиянием Н.А. Иваницкого, известного прежде всего своими этнографическими работами. Изучение местных говоров Дилакторский вел под наблюдением А.А. Шахматова, который помогал ему советами, присылал книги и картотечные материалы из Академии наук, принял участие в устройстве Дилакторского после переезда последнего в Санкт-Петербург.

История того, как проходила работа над словарем, раскрывается по письмам начинающего филолога академику А.А. Шахматову (Вологда: краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда, 1997). В своем первом письме от 7.03.1899 года Прокопий Александрович отмечал: "Словаря народных говоров Вологодской губернии нет, между тем соседние губернии Архангельская и Олонецкая имеют. Мне и хотелось пополнить пробел". Прежде всего Шахматов помог ему составить обращение к учителям и священникам о сборе и присылке ему данных о

местных языковых особенностях. Исследователем были обработаны собственные записи по Кадниковскому уезду, затем сделаны выборки из публикаций вологодского фольклора, из словаря В.И. Даля. Были выписаны слова из изданий словарных и этнографических материалов в газете "Вологодские губернские ведомости" и в журнале "Живая старина".

Первая тетрадь обработанных материалов (36 стр.) была отправлена в Академию наук в 1900 году. В 1901–1902 годах интенсивная работа продолжалась: "все дни вожусь со словарем". 2 декабря 1902 года П.А. Дилакторский отправляет материалы на буквы *И – Н*. В феврале 1903 года был закончен фрагмент на буквы *О – Р*, а 13 марта автор сообщал А.А. Шахматову: "По расчетам кончу всю работу в первой половине апреля". Составитель предполагал, что в словарь войдет более 20000 слов. В целом получились четыре большие тетради следующего объема: 138 страниц (*А–З*); 98 (*И–Н*); 111 (*О–Р*); 103 (*С–Я*). Кроме того, имеется лист с оглавлением, вступление на двух страницах, список источников – на четырех, список сокращений – на одной. За свою работу благодаря хлопотам Шахматова составитель получил скромное вознаграждение, а опубликовать словарь не удалось, и он надолго остался лежать в архиве Академии наук.

Приведем впервые публикуемые вступительные замечания П.А. Дилакторского к своему словарю, где объясняются принципы сбора материала и правила указания источников.

"Я несколько лет записывал в Вологодской губернии слова, выражения, а также песни, причеты, сказки и т.п. народное творчество. Моих записей было, конечно, далеко не достаточно, чтобы взяться за составление словаря народного говора всей губернии, и поэтому я просил сообщать мне народные слова Вологодской губернии и примеры употребления слов.

Вот список лиц, откликнувшихся на мою просьбу присылать материалов [следует список из 25 фамилий. – *Г.С.*], которым и приношу мою благодарность.

Слова, которые записаны мною или которые слыхал, при составлении словаря я оставлял без ссылок на лиц, их записывавших; слова же, которые я не слыхал и потому за правильность их записи и объяснений не могу ручаться – везде отмечал кто сообщил слово или из какого сочинения оно взято, и, наконец, слова, где привожу примеры употребления, я счел за лишнее сообщать, кем они были записаны, так как приведением примеров ясно доказывается, что действительно они употребляются. Не мои примеры отмечены указанием источника или автора.

В печатных материалах, к сожалению, часто не указаны уезды, где записаны слова, и поэтому я такие слова принужден оставлять без ссылок на уезд, где они употребляются.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить мою искреннюю благодарность Отделению русского языка и словесности императорской Академии наук за советы, указания и помощь, а также В.Я. Масленникову и Н.А. Артемьеву, благодаря которым я имел возможность получать в Вологде рукописи из Академии наук через Вологодское Александровское реальное училище".

Остановимся на списке источников, ориентируясь на рукопись Дилакторского. Источники можно разделить на пять групп: 1) рукописи, хранящиеся в императорской Академии наук – семь сборников местных слов, составленных жителями Вологодской губернии или иными лицами; 2) ответы семнадцати корреспондентов по "Программе для собирания особенностей народных говоров. 1. Программа для собирания особенностей северно-великорусского наречия" (изд. ОРЯС имп. АН СПб., 1896); 3) опубликованные работы лингвистического этнографического и фольклорного содержания более двадцати наименований; 4) "Словарь народных слов и выражений, собранных в Вологодском и Грязовецком уездах" П.А. Обнорского (рукопись, принадлежавшая Шахматову), карточки академика Шахматова, "которые отмечены фамилиями: *Буслаев, В. Попов, Срезневский*; 5) собственные записи автора и письменные свидетельства его корреспондентов.

Список источников позволяет говорить об охвате всей территории Вологодской губернии конца XIX века (всего десять уездов: *Вельский, Вологодский, Великоустюжский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегодский, Тотемский, Устьсысольский, Яренский* – в этих границах губерния существовала с декабря 1796 года до марта 1918). Учтенный Дилакторским материал неодинаков по качеству, но безусловно положительным является использование ответов на программу ОРЯС. Учтены разнообразные речевые ситуации обыденного разговора и фольклорные тексты.

Главный объект словаря П.А. Дилакторского – "областные" или диалектные слова, употребляющиеся на всей территории Вологодской губернии ("повсеместно, т.е. во всех уездах Вологодской губернии") или в отдельных ее уездах.

Диалектные слова по своему значению чрезвычайно разнообразны: *бытовая лексика* (названия построек, утвари, посуды, пищи, одежды, домашних животных, транспортных средств, сельскохозяйственных орудий), *географическая лексика, названия зверей, птиц, растений* и *грибов, лексика различных промыслов* и *ремесел* (прядения, ткачества, сапожного, лесного, рыбацкого и т.д.), *наименования лиц по родству, по различным качествам, названия болезней, игр, лексика обрядов* и *верований*. Как и в словарях современников (Подвысоцкого, Куликовского, Васнецова, Добровольского), у Дилакторского сделан упор на показ бытового, этнографического и художественного использования слова.

Приведем выборочно несколько примеров:

“Ва́реги, ва́ряги (Вол., Гр., Ник., Тот., Кадн.). Чулки или рукавицы, связанные из толстой квашеной овечьей шерсти. Вареги (рукавицы) одне не носятся, а вкладываются в кожаны (Дил. 1. Л. 36 об.);

Ватру́шка (Тот., Вел., Кадн., Вол.). Рогулька, пирог, налитый сверху чем-нибудь. *Напеки-ко мне ватрушек на дорогу* (Дил. 1. Л. 37 об.);

Вахлаки́ (Тот.). Морошка (ягода). Rubus Chamaemo rus (Шадрин. Дил. 1. Л. 37 об.);

Вахла́к (Вол., Тот.). Опухоль, волдырь, вал (Иваницкий – рук. Даль) (Дил. 1. Л. 37 об.);

Вахлы́ш (Вол., Тот.). То же, что вахлак, вал. *У него на руке какой вахлыш вскочил* (Дил. 1. Л. 37 об.);

Вежа́й (Устьс., Яр.). Божат. Крестный отец (Дил. 1. Л. 38 об.);

Вербни́к (Вол.). Рыболовная снасть, похожая на невод. Ячеи больше, чем у невода, без поплавков, и оканчивается кошелем. Прикрепляют вербник к двум лодкам и плывут по течению воды. Попадает только крупная рыба: язи, лещи, сиги и т.п. (Костылев, Иваницкий – рук.) (Дил. 1. Л. 39);

Верхозём (Сольв., Ник., Тот., В.-Уст.). Верхний слой земли, преимущественно на пашне. *Вишь, какой у нас верхозем-то хороший* (Дил. 1. Л. 41);

Ве́рша, Вёрша (Вол., Гряз., Кадн., Вел.). Рыбный самолов: конусовидный сплетенный из ивовых или березовых виц, прутьев и ставится в воротах заездка. Отличается от ванды или ванны тем, что верша состоит как бы из двух ванд: одной бо́льшой и другой меньшой, но в которой есть небольшой проход, и эта вторая прикрепляется внутри первой бо́льшой. Рыба, пройдя в проход маленькой ванды, не может выйти обратно [приведен рисунок. – *Г.С.*]. Верши делаются и из нитяных сетей, натянутых на деревян(ные) кольца. *В верши ныне плохо ловится, почитай, совсем ничего не попадает*” (Дил. 1. Л. 41).

Широко представлена лексика народных обрядов и верований: *богоданная матушка, большой барин, вывод, подружье. Поезжана, грибок* – из свадебного обряда. Большое место отводится названиям народных игр (*вотакалка, гнилая, горюн, грудки, груня, столбушка*); описаны условия игры, роли игроков, время и место их проведения, например: «**Пшону сеять** (Сольв.). Игра на носиденках. Девки становятся в линию, парни также в линию напротив девок. Те и другие поют поочередно. Когда девки пропоют свой стих, то берутся за руки и наступают на парней. Которые тогда подаются назад; когда парни запоют, то они наступают на девок, и те отступают. Начинают петь девки. После каждого стиха припев: “Ой рядила ладу”, последнее слово стиха. Поют: “Коней выпустим. – Коней взымаем. – Коней выкупим. – На выкуп не дадим. – Мы дадим сто рублей. – Нам сто не надобе. – Мы дадим тысячу. – Нам тысячу не надобе. – Что же вам надобе? – Нам

надобе девица. – Вам которая девица? – Нам надо крайняя. – У нас крайняя в золоте. – Нам надо в жемчуге. – У нас нет такой. – Давайте ворота найдем". Девки, не разъединяя рук, подымают их вверху, образуя ворота, в которые и проходят парни. Они направляются к избранной девушке и поют: "Наша играла да выиграла, ваша играла да проиграла". После этого поют девки: "Благо бесова урода со двора сволокли. Не ткаха была, не шелковица. Испечет – сожгет, сварит – прольёт, принесёт на стол – не поклонится. Не по воду хожайка, не щей варея, не хлеба печея. Не поклониться – отворотиться". После этого поют парни...» (Дил. 3. Л. 97). Как видим из приведенного описания, даже в игре формируется идеал домовитой, прилежной хозяйки в противовес нерасторопной неумехе.

Принадлежность слова к диалектному словарному составу определяется путем сопоставления данных местных говоров со словарями, где зафиксировано общерусское лексическое богатство. Для П.А. Дилакторского таковыми были "Толковый словарь живого великорусского языка" В.И. Даля (СПб., 1882. Т. I–IV) и вышедшие к тому времени выпуски "Словаря русского языка Составленного Вторым отделением имп. Академии наук" (1891–1916), первые восемь выпусков (тетрадей) которого редактировал Я.К. Грот, а с 1897 года – А.А. Шахматов. При отборе слов учтены разные типы лексических диалектных отличий: *диалектизмы словарные* – их большинство, *диалектизмы семантические, диалектные фразеологизмы*. Включено в словарь небольшое количество собственных имен (*Вань*), приводятся местные варианты некоторых географических названий: **"Вéльско, Вéльское** (Вел.). Вельск, уездный город. *Не воротится мой миленький/Из Вельского домой...* (песня)" (Дил. 1. Л. 38 об.).

Общий объем лексики в словаре Дилакторского составляет, на наш взгляд, около десяти тысяч слов (ср.: у Подвысоцкого их около пяти тысяч). Это достаточно много и в сравнении с современным "Словарем вологодских говоров", где на букву *А* 28 слов, а у Дилакторского – 74 и т.д.

Порядок расположения слов в словаре последовательно алфавитный в отличие от словаря А.О. Подвысоцкого, который совмещал алфавитный и гнездовой принципы. Все производные слова, образованные от одного корня, но относящиеся к различным частям речи, сопровождаются самостоятельными словарными статьями и помещаются на своем алфавитном месте. Формы совершенного и несовершенного вида глагола отдельно не выделяются, в заголовке ставится более употребительная форма вида. Фиксируются раздельно глаголы одного вида, образованные посредством разных суффиксов: *валáндаться, валандéриться, валя́ндать* "медлить, волочить, мешкать" (Дил. 1. Лл. 35, 36). И в других случаях, как правило, однокоренные слова с различными словообразовательными показателями составляют самостоятель-

ные словарные статьи, но при каждом из них даются ссылки на другие соответствующие слова. Прилагательные превосходной степени, причастия и деепричастия самостоятельными статьями не сопровождаются, иногда выделяется сравнительная степень.

Слово в заголовке статьи дается в орфографической форме, последовательно указывается ударение. Однако фиксируются в качестве отдельной словарной статьи и фонетические варианты слов как лексикализованные, так и произносительные: *валто́житься, волто́житься* "часто с кем беседовать, болтать, часто бывать вместе с кем, ухаживать за кем, уговаривать" (Дил. 1. Л. 35 об., 37). В случае, когда имеется несколько таких вариантов, в словарных статьях приводятся соответствующие ссылочные указания: "**Варето́к.** То же, что варато́к, варото́к" (Дил. 1. Л. 36 об.). Иногда варианты включаются в одну статью: **"Ва́лек, Ва́лёг** (Кадн., Вел., Устьс, В.-Уст.). Лентяй, лежебок, обманщик, мошенник, плут" (Дил. 1. Л. 35).

Словарная статья обычно имеет следующее построение: 1) заголовок – толкуемое слово; 2) географические сведения (отмечается география слова или значения); 3) грамматическая характеристика слова (часть речи, род, наклонение и т.д.) – редко; 4) пометы; 5) толкование значения (или значений) слова (фиксируются географически документированные значения многозначного слова); 6) примеры употребления слова; 7) указание на источник; 8) этимологические справки о заимствованных словах.

Устойчивые и терминологические сочетания, а также идиомы оформляются самостоятельными словарными статьями: **"Валки́жечь.** Рубить, валить лес и сжигать его для расчистки под пашню (Даль)" (Дил. 1. Л. 35 об.); "**В густую ехать** (Кадн.). Сильно задеть кого или нешуточному делу завязаться. *С тобой нельзя и говорить-то: ты как раз в густую и поедешь... Мы думали, что у них тем и кончилось, что побранились. Ан нет! У них дело-то поехало в густую: Ефимто, говорят, пошел в Кадников просьбу в суд подавать* (свящ. Попов)" (Дил. 1. Л. 55 об.); **армяк скроить** "отказать жениху или невесте в сватании"; **в горячем часу** "сгоряча"; **губу натянуть** "рассердиться"; **гусиная дорога** "Млечный путь".

Грамматическая характеристика слов, как уже отмечено, дается очень неравномерно, иногда она отсутствует. Составителя больше привлекало отражение местных словообразовательных особенностей.

В словаре применяются следующие виды помет: 1) *грамматические* (часть речи, грамматические значения и формы); 2) пометы и замечания *о сфере употребления* слова, *о месте*, занимаемом словом в диалектном лексиконе.

Определение значения слова – основная часть статьи в словаре Дилакторского. Значения диалектных слов, совпадающие со значениями соответствующих слов литературного языка, определяются посредст-

вом этих литературных слов (одним словом или группой синонимов): **"Ваган́** (Вол.). Лентяй, домосед" (Дил. 1. Л. 35). Часть слов истолкована с помощью филологических толкований: "**Ва́дега** (В.-Уст., Ник., Сол.). Глубокое место в реке, плесо, яма" (Дил. 1. Л. 35); "**Вере́тье** (Кадн.). Рваная старая одежда, простыня, рогожа, холстина, которой покрывают товар в дороге (Иваницкий). 11 (Сол., Яр., Устьс.). Сухое возвышенное место. *По веретьям ростет больше ягод* (Куклин). См. *веретея, веретья*" (Дил. 1. Л. 38).

Применяются и энциклопедические толкования, в частности, для объяснения этнографизмов и терминов: "**Ва́нда** (Кадн., Вол., Ник., В.-Уст.). Рыболовная снасть, связанный из ниток или из ивовых виц мешок, имеющий конусообразную форму, ставится на дно реки на быстрых местах в заездках, отверстием против течения (см. *ванна, верша*)" (Дил. 1. Л. 35 об.); "**Вершёные дома** (Кадн., Вол., Ник., В.-Уст.). Дома, имеющие крышу на два ската с князьком посередине [рисунок. – *Г.С.*] и дома невершеные – это те, у которых крыша на один скат [рисунок. – *Г.С.*]. Невершенными строятся холодные постройки, строятся и избы, но крайне редко. *Там хоромы-то невершёные* (Свад. Прич.)" (Дил. 1. Л. 41).

В одной статье иногда сводится значение слова, характерное для различных говоров: "**Ва́дья. Вадья́** (Яр., Устьс, Ник., Тот.). Небольшое озерко, окошко среди болота, трясина [зырянское *вад*]. *Иди осторожнее, в вадью не попади.* 11. (Сол.). Кадка, кадушка под скоромное масло (Баженов)" (Дил. 1. Л. 35).

В словаре устанавливается, где записано слово (его значение), кем или в каком источнике оно засвидетельствовано. Отсутствие сведений об источнике означает, что слово зафиксировал сам П.А. Дилакторский.

Справочный отдел не имеет в словарной статье постоянного места и используется редко. Сюда относятся этимологические справки о заимствованных словах, стилистические оценки или указания на сферу использования: *бранное слово; говорят преимущественно о ком-либо, о чем-либо.* Например: "**Воздýшистый** (Кадн). Грудастый, с сильно развитыми дыхательными органами, не задыхающийся на бегу (говорят преимущественно про лошадей). (Иваницкий – рук.)" (Дил. 1. Л. 43 об.)"; **"Взмыва́ть** (о воде). (Вол., Тот., Кадн., В.-Уст.). Подниматься выше уровня, прибывать. *Поди скоро и Шарегу взмывать начнет*?" (Дил. 1. Л. 44).

Приведем одну любопытную словарную статью – справку о прозвищах жителей города Вологды: «**Вологжа́не.** Жители города Вологды и ее уезда. Существуют следующие прозвища вологжанам: "телятники, теленка с подковой съели" (будто вологжане при встрече царя Иоанна IV поднесли на большом блюде зажаренного теленка с серебряными подковами. Царю не понравился подарок, и он велел вологжанам тут же съесть. По другим преданиям царь Иоанн IV велел наказать тех вологжан, которые по случаю дороговизны мяса ели телятину); "то-

локонники, толокном Волгу замесили" (см.: Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1885, часть 1, стран. 2/7), "заспихи, царя проспали" (будто бы когда Александр II приехал в Вологду, то не только нигде не было народу, но даже и собор оказался запертым. Из статьи В. Чевского (Истор. вестн. Т. 53. 1889. № 8) как очевидца встречи узнаем, что это сказка; "На словах как на масле, а на деле как в Вологде", т.е. вологжане много обещают, да мало делают. Река Вологда крайне тихая: если бросите щепку, то ее понесет по ветру, хотя б даже и против течения; "лягушечники" – город на низком, болотистом месте. Масса лягушек, и лягушечьи концерты можно летом слышать почти всюду» (Дил. 1. Л. 49).

"Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении" – не простая историческая реликвия, он до сих пор имеет свою самостоятельную научную и практическую ценность. Для составителей современного "Словаря вологодских говоров" его подробные этнографические толкования позволяют более точно определять значения диалектного слова. Он помогает прогнозировать поиск местных слов при современном изучении говоров, а в случае отсутствия в говорах слова, зафиксированного когда-то Дилакторским, делать выводы о динамике лексического состава севернорусских говоров в XX веке.

В заключение отметим, что с точки зрения современной диалектной лексикографии в словаре Дилакторского не всегда различается диалектное и общенародное, преувеличивается самостоятельность фонетических вариантов одного слова, омонимичные слова квалифицируются как одно многозначное слово, нет системы в описании значений слов, отсутствуют их грамматические характеристики. Всё это объясняется уровнем лексикографии эпохи и непрофессионализмом составителя.

"Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении" П.А. Дилакторского – первый большой словарь, включающий диалектную лексику Вологодской губернии второй половины XIX века. Составленный одним автором по определенной схеме, скорректированной по советам А.А. Шахматова, словарь отличается богатством лексических данных. Существенную основу словаря составили записи живой речи, этнографические сведения и фольклорные материалы. Вместе с тем словарь является, хотя и в меньшей мере, источником для изучения фонетических и морфологических особенностей говоров, а также содержит разнообразные сведения по этнографии губернии.

Вологда

Работа выполнена при содействии РГНФ (проект 03-04-00479 а).

"Душ изначальный огонь..."

Легенды о невидимом граде Китеже

© *Н. А. КРИНИЧНАЯ,*
доктор филологических наук

Так дух пылает. Так пылают мысли.
Путь жизни – он ведет к земле родимой.
В.Я. Пропп. "Осень"

Внутреннее зрение, созерцающее невидимый град духовными очами, может, по народным рассказам, удостоиться видения огня и света на озере Светлояр, метафорой которых чаще всего служит свеча: «Как-то раз на озере было большое моление и присутствовали беглопоповцы из Балахны. И я уж отмолилась-ту и пошла, а те из Балахны остались, еще молились. Гляжу-от – была у нас одна така с Городца, вдова, Настасья – от она идет: "Что б тобе, – мне она, – было остаться: там пока еще балахонски-те молились, *столь свечей зажглось*, своим глазам видела, *так ярко горели* (курсив наш. – *Н.К.*), я так и обревелась вся"» ("Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...": Старообрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. О.А. Савельева, Л.Н. Новикова. Новосибирск, 2001. № 31). Причем, по утверждению рассказчицы, свечи вспыхнули прямо-таки в воде, что служит некими знаками-символами запредельного мира.

Подобные же свидетельства обнаруживаются и в других легендах. Зажженные свечи поднимаются со дна Светлояра в сакральное время: в полночь, накануне больших праздников. Это происходит, к примеру, на Вознесение Господне, отмечаемое на сороковой день после Пасхи, в четверг, и замыкающее пасхальный цикл, в течение которого души умерших могут посещать родных. Вознесение или его канун почитали праздником мертвых и сопровождали поминальными обрядами (Агапкина Т.А., Кабакова Г.И. Вознесение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1).

Поднимаясь в это самое время из глубин Светлояра, горящие уже под водой свечи отнюдь не случайно мерцают на его поверхности: "А по озеру свечи с огнем ягают и ягают. Пылом не пылают, а ягают" (Савушкина Н.И. Легенда о граде Китеже в старых и новых записях // Русский фольклор: Русская народная проза. Л., 1972. Вып. XIII). Они концентрируются на самой середине Светлояра, где, согласно много-

численным легендам, сосредоточен некий духовный центр, соотнесенный со всем мирозданием.

По другой версии, свечи горят на "горах" в Пасхальную ночь. Это время, когда, по народным верованиям, на земле появлялись умершие (Агапкина Т.А. Пасха // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995). Светящиеся на кладбищах огоньки – это и есть вышедшие из могил души. Если свеча (свечной огонь) символизирует человеческую жизнь (ср. фразеологизм "жизнь погасла как свеча"), то огонь – человеческую душу, чистую либо очищенную от грехов. Отождествление пылающей свечи с человеческой жизнью устойчиво в народных верованиях. В одной из легенд Богородица, показывая попавшему в потусторонний мир крестьянину в разной степени горящие свечи, поясняет: "Эти свечи горят – это люди живут, что зажигаются – нарождаются, а догорают и гаснут – умирают" (Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. № 3).

В античной традиции душа изначально наделена огненной силой, однако ее жар гасится земной плотью; освободившись от бренного тела, душа восстанавливает свою огненную природу:

Время круг свой замкнет, минуют долгие сроки, –
Вновь обретет чистоту, от земной избавленный порчи
Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем зажженный.
(Вергилий. Энеида.)

Соотнесенность значений "душа" и "огонь, божественный огонь", выявляется и на лингвистическом уровне: ср. русск. *дух* и индоевропейское *dheg* "гореть", латыш. *gars* "душа" и русское "гореть" (Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996).

В этом свете можно утверждать, что в виде мерцающих огней к живущим на земле людям в урочный день и час устремляются из потустороннего мира души умерших. Та же семантика образа горящих свечей, поднимающихся из глубин, подчас из самой середины Светлояра, выявляется и посредством соотнесения с поверьем, которое зафиксировал в Полесье Н.И. Толстой: "покойные родители идут со свечечками в поминальные дни ("на деды") с "мòгилок" (кладбища) в родные хаты на угощение" (Толстой Н.И. Оползание и опоясывание храма // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995).

Вместе с тем на берегу Светлояра совершается обряд, имеющий, по сути, встречную направленность – из "здешнего" мира в запредельный Китеж, панораму которого, по словам рассказчиков, определяют златоверхие соборы, церкви, колокольни. Там, в сокровенном невидимом граде, по легендам, справа расположился собор Воздвижения Честного Креста, рядом с ним – Благовещения Пресвятой Богороди-

цы, слева – Успения Божией Матери (они якобы имеют такой же абрис, как и одноименные соборы в Москве, Ростове, Владимире, Муроме, Городце).

Вот каким запечатлел обряд пускания свечей к невидимым храмам М.М. Пришвин, посетивший заповедное озеро в 1908 г. и вместе с богомольцами опустивший в трещину между корнями березы, растущей на берегу Светлояра, милостыню китежским праведникам: «Рада бабушка, что я опустил свою лепту в город невидимый. Делится со мной свечкой: – "Поставь, – говорит, – поставь". – "Куда же поставить?" – "Куда хочешь. Хоть к Знаменью, хоть к Здвиженью или к Успению...". Берет щепку, прилепляет восковую свечу и пускает по озеру. Я делаю то же. Огонек старушки плывет к Знаменью. Мой тоже туда. Проходит по берегу еще кто-то со свечой, и еще, и еще. Праведники невидимого града выходят из темного леса с огнями. Сотни и сотни свечей. Идут безмолвленно вокруг Святого озера, перебирают лестовки, молитву творят» (Пришвин М.М. У стен града невидимого (Светлое озеро) // Собр. соч.: В 8 т. М., 1982. Т. I).

Разыгрывающаяся здесь мистерия таит в себе определенный смысл. Согласно идущей из глубин веков традиции, обряд пускания свечей на воду предварялся троекратным оползанием на коленях или обходом озера Светлояр "посолонь", т.е. в соответствии с круговым движением солнца, суточным и годовым ("время круг свой замкнет"). Совершенно очевидно, что этот обряд связан с кругом. Круг же как фигура, образуемая правильной кривой линией без начала и конца, в любой своей точке сориентирован на некий центр, в данном случае – на сакральный духовный центр, находящийся посередине Светлояра, в его "бездонных" глубинах. Будучи одним из наиболее распространенных элементов мифопоэтической символики, круг чаще всего выражает идею сопряженности цикличности времени с цикличностью пространства, идею единства бесконечности и законченности, высшего совершенства (Топоров В.Н., Мейлах М.Б. Круг // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2).

Кроме того, в обряде оползания или обхода озера содержатся элементы поминального ритуала и культа предков. Не случайно на пути следования участников обрядового обхода вокруг Светлояра есть точки, где они молятся "за родителей", "над родителями", "за упокой". В качестве непременного атрибута этого ритуального действа фигурируют и *лестовки*, т.е. кожаные четки. Само слово "лестовка", по данным древнерусского языка, означает то же, что *лествица*, т.е. лестница. Перебирание лестовок в подобном контексте символизирует восхождение участников обхода вокруг Светлояра, определяемое в соответствии со шкалой духовных ценностей. Вместе с тем лестовка, по представлениям старообрядцев, знаменует и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной молитвы. Она облегчает подсчет молитв и поклонов, позволяя сосредоточить внимание на последних.

Как уже говорилось, обход совершался с молитвами и теплящимися свечами. По его окончании эти же свечи или их огарки укрепляли на щепках, палочках, деревяшках – и маленькие зажженные светящиеся кораблики тихо уплывали, отражаясь в прозрачной глубине Светлояра. Сведений о том, что представляли собой такие деревяшки, в русских источниках не имеется. Однако они в известном смысле реконструируются на основе сербской этнокультурной традиции, которая в данном аспекте была проанализирована Н.И. Толстым.

Выясняется, что это легкие прямоугольные дощечки, изготовленные в определенное время (за день до отправления самого обряда, причем на рассвете) конкретным лицом (отцом покойного или кем-нибудь из его старших родственников-мужчин) с соблюдением санкционированных традицией предписаний (натощак, с непокрытой головой, молча). Характерно, что такие дощечки в сербской традиции – непременный атрибут поминального обряда: эту дощечку с укрепленной на ней зажженной свечой женщины трижды возносят к восходу солнца (к востоку) и к заходу (к западу), что опять-таки соответствует круговому движению солнца, и затем осторожно опускают ее на воду, что имеет аналог в русской традиции.

Обусловленный культом предков обряд пускания зажженных свечей, укрепленных на дощечках или щепках, на воду служит одной из форм общения с душами умерших. Поэтому в сербской традиции это действо приурочивается ко времени вторых поминок, которые справляются в первую субботу после погребения. Причем значение дощечки с горящей свечой в достаточной степени определено: ей предстоит уплыть по течению, т.е. "отправиться на тот свет" (Толстой Н.И. Указ. соч.).

Если поднимающаяся из глубин озера пылающая свеча символизировала способность ушедших к общению с живыми, то аналогичная свеча, пущенная на воду, – поминовение усопших живыми. Подобная интерпретация соотнесенных между собой мифологем, устойчивых в структуре легенды, подтверждается, в частности, духовной грамотой великого князя Симеона Гордого, датированной 1353 г.: "А пишу вам ее слово того деля, *чтобы не перестала память роди(те)лии наших и наша, и свеча бы не угасла*" (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. – Л., 1950. Курсив наш. – *Н.К.*).

Этому суждению древнерусского князя не противоречит объяснение назначения светлоярских огней, которое дал в 1904 г. "один ветхий старик": огни зажженных свечей заметят, дескать, в Китеже, живущем на дне озера, и «"возрадуются зело", что правоверные еще сохранились и не забыли китежан». По его словам, в старину огоньки плавали по всему озеру от края до края: "столь много их бывало, как божьих звездочек на небе..." (Оглоблин Н. На озере Светлояре // Русское богатство. 1905. № 6). Интенсивность таких огней символизирует

прочность связей живых с ушедшими. Идея единения поминающих с поминаемыми, так же как и миров – посюстороннего с потусторонним, особенно отчетлива в следующей легенде: когда женщинам, читающим в праздничный день на Светлояре каноны, не хватило свечей, над озером появился "ковер, а на нем свечек видимо-невидимо – и стало тогда светло" ("Взойду ли я на гору высокую...". № 34).

В легендах же, повествующих не о подводном, а о подземном либо находящемся внутри горы Китеже, содержится, естественно, иная версия этого мотива: свечи ("много свеч-то") доставляются "к образáм невидимых храмов" уже не водой, а обозами, которые входят в ворота горы, распахнувшейся, а затем вновь сомкнувшейся.

Несколько иную семантику имеет изображение "прекрасного света" и сияния, время от времени исходящих в ночной темноте от озера Светлояр либо прилегающих к нему гор (холмов): "Бывало, в овине летом кто-нито заночует, ночью-то выйдет, оборотится к Горам – ан Горы-ти и сияют" (Комарович В.Л. Китежская легенда: опыт изучения местных легенд. М. – Л., 1936). Согласно же иной легенде, многие верующие видели, как "что-то сияло и горело" на сосне, выросшей на том месте, где некогда стояла ушедшая в землю церковь.

Излучение света, сияния, горения – все это знаки-символы сакрального центра и исходящей из него духовной энергии, которая призвана утвердить власть света над тьмой, жизни над смертью, вечности над сиюминутным, преходящим и бренным.

Петрозаводск

ШКАП ДЛЯ ГАРДЕРОБА

© *Н. С. АРАПОВА,*
кандидат филологических наук

"Ученые записки имп. Казанского университета" в 1859 году так описали палату в офицерском отделении Кронштадтского госпиталя: "В каждой комнате одно окно, кровать с самою удобною постелью, кроватный столик с ящиком и шкафиком, умывальница с шкафиком, *большой шкап для гардероба*, письменный стол, волтеровское кресло и два стула" (Т. 26. Кн. I. Курсив в цитатах наш. – *Н.А.*).

В *кроватном столике с ящиком и шкафиком* мы узнаем современную тумбочку; *шкап для гардероба* – попытаемся выяснить, что это такое, через историю слова *гардероб*.

Это существительное было заимствовано из французского языка в самом начале XVIII века. В "Записках" сподвижника Петра I дипломата А.А. Матвеева (1706 г.) находим: "О чине *гранд метр де ля гардероб*, или великого оберегателя платья королевскаго". Однако выражение *гранд метр де ля гардероб* еще нельзя считать заимствованием: это обычное для текста "Записок" включение французского выражения, транслитерированного кириллицей. (Позже – с 40-х гг. XVIII в. – сложное слово *метр-де-гардероб* как название придворной должности на какое-то время войдет в русский язык. Словарь русского языка XVIII в.)

В Архиве князя Б.И. Куракина в записи 1711 года интересующее нас слово зафиксировано как существительное женского рода: "*Гардероба* своя: 12 башмаков пар..; париков 3..; 4 пары чулков..." (Архив князя Б.И. Куракина. СПб., 1890–1892). Здесь *гардероба* имеет значение "совокупность предметов одежды и обуви, принадлежащая какому-либо лицу (или его семейству)". Почти одновременно с этим слово *гардероба* употреблялось и в значении "помещение для хранения одежды": "Камар [комнат. – *Н.А.*] в доме считать: вам апартамент, камара секретарю, камара канцеляристу, камару валедешамбре [слуге. – *Н.А.*] и тут же *гардероба*" (Там же). На первом этапе заимствования (в течение полувека) сохраняется грамматический род французского прототипа: *garde-robe* – женского рода. В Архиве князя Воронцова под 1749 годом сообщается: "...королева-мать дочери своей подарила складень бриллиантовый во 100 ефимков и всю свою *гардеробу*..."; там же под 1764 годом находим: "...мне хочется купить в сем городе [Париже. – *Н.А.*] карету для себя тысячи в полторы, потом завести себе хорошую библиотеку, поновить свою *гардеробу*, наделать себе достаточное число всякого белья...".

Ближе к середине XVIII века встречаем уже форму *гардероб*, соответствующую французскому произношению, но в русском языке требующую изменения грамматического рода слова. "Словарь русского языка XVIII в." датирует эту трансформацию 1741 годом. Французско-русский "Новый лексикон" С. Волчкова (1764 г.) тоже дает форму без конечного *-а*: "**Гардероб**, палата, где платье лежит". Эту же форму встречаем во французском Целлариусе Ф. Гелтергофа 1769 года. Существительное *гардероб* включено и в "Российский с немецким и французским переводами словарь" Ивана Нордстета (СПб., 1780–1782. Ч. 1–2).

Итак, *гардероба* и *гардероб* широко представлены как в текстах, так и в лексикографических источниках XVIII века, что говорит о полностью освоенном слове к этому времени, но нормативные словари русского языка, составлявшиеся Академией Российской, с их пуристической ориентировкой, не включают этого слова в свои словники.

И тексты, и словари XVIII века дают два основных значения слова *гардероб*: 1. совокупность одежды того или иного лица; 2. помещение для хранения одежды. "Словарь русского языка XVIII в." при втором значении уточняет, приводя цитату из "Почты духов" И.А. Крылова: "Шкаф для одежды (?): Увидят, что платье или не в пору, или дурно сшито; и...вешают его в *гардероб*". Знак вопроса здесь не случаен. Из текста цитаты неясно, о чем идет речь – о комнате или шкафе. Для 1789 года, когда была опубликована "Почта духов", как нам кажется, в данном случае скорее всего речь идет о чулане.

Словари первой половины и середины XIX века также еще не дают значения "шкаф для одежды": "**Гардероб**, а, м. Комната или кладовая, где хранится платье" (Соколов П.И. Общий церковно-славянско-российский словарь. СПб., 1834); "**Гардероб.** Комната или кладовая, где хранится платье. Говорится и о самом платье" (Ренофанц И. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов. СПб., 1837), "**Garde-robe**, s.f. гардероб, платяная, комната для хранения платья; также и все платье, которое человек у себя имеет" (Татищев И.И. Всеобщий французско-русский словарь. Изд. 3-е. СПб., 1839–1841. Т. 1–2); "**Гардероб**. 1) Комната для хранения платья. 2) Собрание разных одежд одного лица" (Словарь Академии наук. 1847. Т. 1); "**Гардероб** фр. 1) Комната, в которой хранится платье. 2) Вообще *разные одежды одного лица*" (Углов В.Н. Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке. СПб., 1859); "**Гардероб** (от garder – беречь, robe – платье), фр. 1) Комната для хранения платья; 2) Собирательное название платья" (Полный словарь иностранных слов. СПб., 1861).

Особую комнату для хранения платья имели только богатые люди. Публика попроще довольствовалась платяными шкафами: "...барон, дрожа от внутреннего волнения, поспешил укрыться за большим де-

ревянным шкафом с платьем" (Ап. Григорьев. Воспоминания); "Огромный платяной шкаф орехового дерева" (И.А. Гончаров. «Фрегат "Паллада"»).

В связи с этим встает вопрос, справедливо ли семнадцатитомный "Словарь современного русского литературного языка" (Т. 3) цитатой из пьесы А.Н. Островского "Волки и овцы" (1875 г.) иллюстрирует существительное *гардероб* в значении "шкаф". Купавина говорит Глафире: "Вот тебе ключ от *гардероба*, выбирай, что хочешь. Там много нового, ненадеванного; я нашила пропасть, да после траура все еще не решаюсь щеголять-то". Вряд ли туалеты франтихи Евлампии Николаевны Купавиной, владелицы богатой усадьбы, могли поместиться в одном шкафу: скорее речь идет о комнате. Другое дело цитата из "Попрыгуньи" А.П. Чехова (1892 г.): "Возьми, мой дорогой, ключи, поезжай домой и возьми там в *гардеробе* мое розовое платье. Ты его помнишь, оно висит первое...". В начале рассказа описывается квартира Дымовых: гостиная, столовая, спальня; далее из текста ясно, что у Дымова был кабинет. Но никакой гардеробной и быть не могло у этой не бедной, но и не богатой супружеской пары; надо полагать, речь идет о платяном шкафе (и стоял он, по всей вероятности, в спальне). В подтверждение этого приведем слова из письма А.П. Чехова к сестре от 9 января 1899 года, где речь идет о продаже Мелихова: "Продавать нужно со всем инвентарем; взять только содержимое флигеля, картины, белье, ковры, постели, седло, ружье и все вещи, принадлежащие тебе и мамаше, исключая такие громады как мамашин *гардероб*".

Значение "шкаф" у слова *гардероб* мы находим уже в первой половине XIX века. "Шкаф, назначаемый для сохранения платья, называется платяным шкафом, *гардеробом*, а тот, в котором ставят кушанье, шкафом для кушанья" ("Метода Эртеля, для обучения иностранным языкам, примененная им к обучению русскому языку, с содействием Александра Глебова". СПб., 1837) и там же: "Место, где берегут свое платье, называется *гардеробом*, а то, где надевают платье – *уборною* комнатой". В словарях значение "шкаф" отмечается в первом издании 1863 года Словаря В.И. Даля: "**Гардероб** м. фрнц. комната, шкаф, место для хранения одежды, платья", там же отмечено еще одно значение слова *гардероб* – "каретные сундуки" (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863–1866. Т. I).

Это были емкости, функционально соответствующие современным багажникам. Обычно они назывались *важи*. В упомянутой словарной статье Даля есть фрагмент, совершенно непонятный современному читателю: "*Гардероб*, каретные сундуки, особ[енно] ваш". *Ваш* здесь не притяжательное местоимение, а существительное *важ*. В том же томе Словаря Даля находим: "**Ваш** м. фрн. большой плоский чемодан, или дорожный сундук, баул, который ставится на верх, на

крышу кареты". Во французском языке *vache* – 1. корова; 2. большой чемодан, обычно из коровьей кожи, водружаемый на дилижанс. Даль привел написание *ваш* в соответствии с фонетикой французского слова. То же самое в Словаре Бурнашева 1843 года: "**Гардероб**. Под сим названием каретники разумеют все кожаные ящики, помещаемые сверху, иногда сзади и спереди дорожного экипажа, в которых укладываются одежда и прочие вещи, необходимые в пути. У господ верхние ящики называются ваши". Но в текстах XIX века преобладает форма *важ*, обычно мн. *важи* – то ли для расподобления с местоимением *ваш*, то ли под влиянием глагола *важить* "весить" (реалия, о которой идет речь, была-таки увесиста). Это слово этимологизируется в "Словаре Академии наук 1891" года, а М. Фасмер в "Этимологическом словаре русского языка" указывает на "Русско-немецкий словарь" И.Я. Павловского 1900 года, где он обнаружил слово *важ*, очевидно, не заметив его у Даля из-за непривычного написания. В художественной литературе это слово встречается у Л.Н. Толстого: "*Блестящий, обмытый кузов кареты с важами и чемоданами покачивается* перед нами..." ("Отрочество", 1854 г.).

Значение "шкаф" для слова *гардероб* не так-то просто входило в русский язык. В романе Н.С. Лескова "Островитяне" (1866 г.) читаем: "Этот привязчивый человек <...> сам тщательно запирал его [старый халат. – *Н.А.*] в *гардеробный шкаф* и всячески охранял его от рук давно покушавшейся на него супруги. Но, несмотря на все это, драгоценный халат все-таки в один прекрасный день исчез из гардероба и на его месте висел новый". В этом фрагменте *гардероб* можно понимать и как "шкаф", и как "совокупность одежды". Так, в его же хронике "Соборяне" (1872 г.): "Озабоченная хозяйка <...> открыла большой ореховый шкаф с нарядами и, пересмотрев весь свой *гардероб*, выбрала, что там нашлось худшего" или "...отец протопоп спокойно подошел к углу, где стояла знаменитая трость Ахиллы, взял ее и запер ключом в свой *гардеробный шкаф*".

В современном русском языке слово *гардероб* имеет еще одно значение: помещение в общественном здании (школе, институте, театре, музее и т.п.), где посетители оставляют верхнюю одежду (как правило получая взамен номерок). У слова *гардероб* в этом значении имеются синонимы *вешалка* и *раздевалка*. Знаменитая фраза *Театр начинается с вешалки* или *Во Дворце съездов удобная раздевалка и много гардеробщиков* – это о *гардеробе* с номерками. "Словарь русского языка", составленный С.И. Ожеговым (девятое изд., 1972 г.), в качестве заглавного слова дает *раздевальня*, но оно не очень употребительно; *раздевалка* – чаще (но она в этом словаре дается с пометой *разг*[оворное]); толкование этих синонимов такое: "То же, что **гардероб** (во 2 знач[ении])" (т.е. вешалка для верхней одежды в общественном здании).

Берем на себя смелость заметить, что уже в 1972 году *раздевалка* имела не только (и не столько) это значение. Раздевалки бывают разные: в одних снимают только верхнюю одежду, в других переодеваются в спортивные костюмы, а после занятий снова надевают обычную одежду. Можно услышать такую фразу: "Мы оставили пальто на вешалке, в раздевалке разделись – и в душ, а уж из душа тренер повел нас в бассейн". Или: "В школе есть гимнастический зал, но нет раздевалки, ребята переодеваются в спортивную форму прямо в классе, а это не дело".

Однажды автор сих строк, сдавая в Консерватории пальто в гардероб, хотела присоединить к нему и толстую вязаную кофту, чтобы остаться налегке. Гардеробщица возмутилась: "У меня вешалка, а не раздевалка!"

В XIX веке студентами разных учебных заведений долго могли быть только мужчины. Они не могли приходить на лекции в партикулярном платье, а имели специальную форму. Верхней одеждой была шинель. Поэтому помещение в университете, где студенты оставляли свои шинели, называлось *шинельной*: "...налево двое дверей: одни в студенческую *шинельную*, другие на лестницу в аудитории" (П.Д. Боборыкин. В путь-дорогу); "Из *шинельной*, помещающейся в нижнем этаже, лестница ведет в верхний этаж, в аудиторию" (Л.З. Мороховец. Физико-химические основы биологических и врачебных методов исследования с физиологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентов).

Слово *шинельная* стало обозначать *гардероб* в общественном месте, где снимают всякую верхнюю одежду: «И швейцар, и остальная прислуга у Капитона Феофилактовича одета по-русски, как прислуживающие при *шинельной* "Славянского базара"» (П.Д. Боборыкин. Китай-город). Это название держалось более полувека. Мы находим его в "Дьяволиаде" М.А. Булгакова (1924 г.): "Коротков вихрем сбежал с лестницы, ворвался в *шинельную*, схватил пальто и кепку и выбежал на улицу".

Но слово *гардероб* уже вытесняло *шинельную*: «... накануне открытия Музея Александра III... Май, но Д.И. Иловайский в огромной бобровой шубе. "А *гардероб* – будет? <...> *Гардероб*, говорю, будет? Под расписку, спрашиваю, сдают? <...> А кто его знает – служитель или грабитель переодетый? На лбу ведь не написано <...> Нет, нумер нужен, нумер"» (М.И. Цветаева, Дом у старого Пимена).

Поверим языковой памяти М.И. Цветаевой, воспроизводящей в 1933 году слова Д.И. Иловайского, сказанные в 1912 году. Но даже если это позднейшая проекция, то ошибемся мы ненамного. Цветаева покинула Россию в 1922 году.

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ПОСЧИТАТЬ КОЛИЧЕСТВО МОРФЕМ В СЛОВЕ

© *О. М. ЧУПАШЕВА,*
кандидат филологических наук

Напомним важнейшие понятия словообразования: морфема, производящее слово (производящая основа), формант. Слова состоят из морфем, **морфема** – наименьшая значимая часть слова, наименьшая значимая единица языка. Значимая, то есть имеющая значение. Морфема имеет и звучание (на письме это графическая запись). Например, в слове *зимушка* три морфемы: *зим* – корень, его значение – самое холодное время года, наступающее за ноябрем; *-ушк-* – суффикс с уменьшительно-ласкательным значением; *-а* – окончание, оно имеет грамматические значения: существительное женского рода, единственного числа, именительного падежа. Существуют нулевые морфемы (нулевые – значит, выраженные нулем звука), они узнаются на фоне выраженных морфем, как, скажем, в слове *роллер*. При изменении слова в нем появляются звуковые окончания: *роллер[а], роллер[ы]* и т.п. Нулевые окончания и у существительных *ролик, стоимость, контакт*. Нулевое окончание, а также нулевой суффикс прошедшего времени имеют некоторые глаголы в прошедшем времени: *нёс* (ср.: *нес-л-а, нес-л-и*); *вёз* (ср.: *вез-л-а, вез-л-и*). Заметим, что нулевыми бывают морфемы, образующие формы слов – прежде всего.

Производящее слово (производящая основа) – это слово (основа), от которого (от которой) образовано анализируемое слово. Производящее слово – самое близкое из родственных слов, от него **непосредственно** образовано анализируемое. Так, существительное *зимушка*

имеет родственные слова: *зима, зимовье, зимний, зимой* (наречие) и др., но производящее, самое близкое из них, – *зима*, следовательно, существительное *зимушка* образовано от основы этого существительного *зим-*.

Подбирая производящие основы, надо учитывать живые, а не исторические связи между словами, причем связи в русском *литературном* языке. Так, в истории языка существительное *окно* было связано с существительным *око*, которое было для него производящим; сейчас же эти связи утрачены – слово *окно* стало непроизводным. Нельзя считать для слова *варежка* производящим диалектное *варега*. *Варежка* также слово непроизводное.

Формант – это словообразовательное средство, то есть средство, с помощью которого образовано анализируемое слово от производящего. По типу форманта определяется и способ словообразования. *Зимушка* образовано от *зим(а)* путем присоединения суффикса *-ушк-*, который и является формантом, а отсюда способ образования – **суффиксальный.**

Выполняя словообразовательный анализ, то есть определяя способ словообразования, отвечают на вопрос: *как* образовано слово? Работаем по такому плану: 1) назовите часть речи, 2) определите лексическое значение слова, 3) найдите окончание, если оно есть, и основу анализируемого слова, 4) подберите производящее слово (производящую основу), 5) определите формант, а по форманту – способ словообразования.

Обратите внимание на следующее. 1) Не смешивайте омонимичные части речи: они обычно различаются способом словообразования и морфемным составом. Ср.: *глубоко* – краткое прилагательное (*Озеро глубоко*) и *глубоко* – наречие (*Нырнул глубоко*). 2) Лексическое значение слова лучше определять через производящее: это поможет правильно найти производящую основу. 3) Определяя окончание, различайте нулевое окончание и отсутствие окончания. Отсутствует окончание у всех неизменяемых слов: *клише* (существительное), *хаки* (прилагательное), *читать* (инфинитив; правда, некоторые ученые считают *-ть* окончанием), *читая* (деепричастие), *вскачь*, *глубоко* (наречия), *сильнее* (сравнительная степень прилагательного и наречия).

Будьте особенно внимательны при определении окончания в словах, оканчивающихся на *-е, -ё, -ю, -я* после гласных и *ь*. Указанные буквы в таких случаях обозначают два звука: [йэ], [йо], [йу], [йа], и не оба они являются окончаниями. Вот пример. При склонении существительного *течение* изменяется только последний звук: *течени[й-э]*, *течени[й-а]*, *течени[й-у]* и т.п., значит, окончание слова – [э], основа оканчивается на [й] – *течени[й]-*. Аналогично, при изменении притяжательного прилагательного *лисья* изменяется только последний звук: *лись[й-а]*, *лись[й-эй]*, *лиси[й]*, значит, окончание – [а], основа –

ли[с'й]. И еще замечание. В задачи словообразовательного анализа не входит определение того, какие морфемы, кроме форманта, имеются в слове и каков корень слова.

Определим способ образования ряда слов. *Лисий* – это притяжательное прилагательное, обозначающее "принадлежащий лисе"; окончание нулевое, основа *лисий-*; производящее слово (производящая основа) *лис(а)*, формант – суффикс *-ий-*; способ словообразования суффиксальный.

Задушевный – прилагательное, его значение – глубоко искренний, душевный; окончание *-ый*, основа *задушевн-*; производящее слово (производящая основа) *душевн(ый)*; формант *за-*, это приставка, или префикс, как его называют в науке; отсюда, способ образования приставочный, или **префиксальный.**

Подлокотник – существительное; его значение – ручка у сидения, на которую опираются локтем; окончание нулевое, основа *подлокотник-*; производящее слово (производящая основа) – *локоть*; формант – приставка *под-* и суффикс *-ник-*; способ образования приставочно-суффиксальный, или **префиксально-суффиксальный.**

Плащ-палатка – существительное; его значение – длинный плащ, который можно использовать и как палатку; окончание *-а*, основа *плащ-палатк-*; производящие слова (основы): *плащ, палатк(а)*; формантом является сложение двух слов; отсюда и способ образования – **сложение.**

Еще одно сложное слово *дисковод*. Это существительное, его значение – то, что водит, ведет диск; окончание нулевое, основа *дисковод-*; производящие слова *диск, вод(ить)*; формант – сложение целого слова и части другого слова с помощью соединительного гласного *-о-*, который в науке называют интерфиксом; способ образования – сложение.

Интересно, что не все сложные слова образованы путем сложения. Ср.: *железнодорожный* и *железобетонный*. Оба – прилагательные, однако они имеют производящие слова (основы) разного типа. Первое прилагательное (его значение – относящийся к железной дороге) – *железн(ая) дорог(а)*; формант – сложение основ с помощью соединительной гласной *-о-* и суффикса *-н-*; отсюда способ образования – сложение и суффиксация. Второе прилагательное (его значение – относящийся к железобетону) имеет производящую основу *железобетон-*; формант – суффикс *-н-*; способ образования – суффиксальный.

Морфемный анализ, или **разбор слова по составу** – это, по существу, продолжение словообразовательного анализа до тех пор, пока не будут установлены все входящие в слово морфемы, в том числе и корень. Выполняя морфемный анализ слова, отвечаем на вопросы: из каких морфем состоит слово и сколько этих морфем. Работаем так же, как при словообразовательном анализе. Вот план: 1) – 4) см. план

словообразовательного анализа, 5) определите формант, не называя способа словообразования, 6) определите следующую производящую основу и следующий формант и т.д. – до выделения корня. Обратите внимание: корень обнаруживается в последнюю очередь. Неслучайно этот принцип называют принципом ореха или принципом матрешки: как ядро ореха или самую маленькую матрешку можно извлечь, убрав скорлупу или другие матрешки, так и корень слова можно найти, лишь "освободив" его от "окружающих" морфем.

Проведем морфемный анализ и посчитаем, из скольких морфем состоят рассмотренные ранее слова.

Зимушка. Как уже установлено, существительное имеет окончание *-а*, суффикс *-ушк-*; для *зим(а)* производящего слова (производящей основы) нет, значит, *зим* – корень; слово состоит из трех морфем.

Задушевный. Как выяснили ранее, прилагательное имеет окончание *-ый*, префикс *за-*. Для *душевн(ый)* производящим словом (производящей основой) является *душ(а)* – можно выделить суффикс *-евн-*; для *душ(а)* производящего слова (производящей основы) нет, следовательно, *-душ-* – корень; слово состоит из четырех морфем.

Подлокотник. Уже установлено, что существительное имеет нулевое окончание, префикс *под-*, суффикс *-ник-*; для *локоть* производящего слова (производящей основы) нет, значит, *локот-* – корень; в слове четыре морфемы.

Плащ-палатка. Ранее определено окончание *-а*; для *плащ* и *палатк(а)* производящих слов (производящих основ) нет, следовательно, это корни; в слове три морфемы.

Дисковод. Нулевое окончание, *-о-* – соединительная гласная; *диск-* и *вод-* – корни слова; в слове четыре морфемы.

Железнодорожный. Установлено окончание *-ый*, суффикс *-н-*, соединительная гласная *-о-*. Анализируем первую основу *железн(ый)*: производящее слово (производящая основа) *желез(о)* – выделяем суффикс *-н-*; для *желез(о)* производящей основы нет – это корень; основа *дорож-* производящей не имеет, значит, это корень; слово состоит из шести морфем.

Железобетонный. Установили ранее, что слово имеет окончание *-ый*, суффикс *-н-*; для первой основы *желез-* производящей нет, это корень; для *бетон-* производящей основы также нет – это корень; слово состоит из пяти морфем.

Проведем словообразовательный и морфемный анализ других слов. *Уравнивать.* Словообразовательный анализ. Это глагол, его значение – несовершенный вид к глаголу *уравнять*; окончания нет, формообразующий суффикс, суффикс инфинитива, *-ть* (или окончание); основа *уравнива-*. Производящее слово (производящая основа) *уравн* (*ять*) (*-я-*, глагольный суффикс, не участвует в образовании слов), формант – суффикс *-ива-*; способ словообразования суффиксальный.

Морфемный анализ. Установили, что глагол *уравнивать* имеет суффикс (или окончание) *-ть*, суффикс *-ива*; для *уравн(ять)* производящее слово (производящая основа) *равн(ять)*, выделяется приставка *у-*; следующее производящее слово (производящая основа) – *равн(ый)*, корень *равн-*; глагол состоит из четырех морфем.

Перемещение. Словообразовательный анализ. Существительное, его значение – действие, обозначенное глаголом *переместить*; окончание [э], основа *перемещени[й]-*; производящая основа *перемест(ить)* (глагольный суффикс *-и-* также не участвует в образовании слова); формант – суффикс *-ени[й]-*, чередуются звуки [ст] и [щ]; способ образования суффиксальный.

Морфемный анализ. Установлено наличие у существительного окончания [э], суффикса *-ени[й]-*; для *перемест(ить)* производящее слово (производящая основа) *мест(о)* – выделяем приставку *пере-*; для *мест(о)* производящего слова (производящей основы) нет, *мест-* – корень слова; в слове четыре морфемы.

Неразрывно (в сочетании *неразрывно связать*). Словообразовательный анализ. Это наречие, его значение определяется прилагательным *неразрывный*; окончания нет, основа *неразрывно*; производящее слово (производящая основа) – *неразрывный*, формант – суффикс *-о-*; способ образования суффиксальный.

Морфемный анализ. Установили наличие в наречии суффикса *-о*; следующая производящая основа – *разрыв(ать)* – выделяется приставка *не-* и суффикс *-н-*; следующая производящая основа *рв(ать)* – выделяем префикс *раз-*; других производящих основ нет, значит, *рыв* – корень, наблюдается чередование [ы] и нуля звука; анализируемое слово состоит из пяти морфем.

Мурманск

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.

В издательстве Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) в 2003 году вышел из печати пробный выпуск "Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв." (далее СОРЯ), осуществленный коллективом ученых-лексикографов, историков русского языка филологического факультета СПбГУ и Института лингвистических исследований РАН под редакцией О.С. Мжельской. Реализации этого долгожданного проекта предшествовал большой и трудоемкий период, в течение которого формировались научные принципы нового словаря исторического типа, отбирались источники, определялись хронологические границы и объем словника. Инициатором подготовки такого ценного издания выступил еще в 1960-е годы профессор Б.А. Ларин, методологическими разработками которого до сих пор пользуется нынешнее поколение исследователей.

Над Словарем трудится сейчас обновленный коллектив: С.Н. Варина, О.В. Васильева, С.Св. Волков, Е.В. Генералова, Е.И. Зиновьева, Я.Ю. Коваленко, Е.В. Колосько, О.С. Мжельская, М.Н. Приемышева, Р.Х. Тугушева. В расписывании источников картотеки СОРЯ принимали участие также Л.С. Ковтун, В.П. Фелицына, Д.М. Поцепня, А.С. Герд, Л.В. Капорулина, научные сотрудники, преподаватели, лаборанты и студенты. Важно, что этот проект осуществляется в рамках работы межкафедрального словарного кабинета им. Б.А. Ларина СПбГУ, имеющего большой опыт по подготовке лексикографических изданий разных типов, хранящий архив самого ученого, его картотеку.

Стоит сказать, что со времени опубликования проекта до издания пробного выпуска СОРЯ прошло три года, в течение которых проходило широкое обсуждение Обиходного словаря на страницах научной печати, в стенах академических и учебных заведений. Оно подсказало авторам некоторые практические идеи и помогло уточнить отдельные критерии издания. В обсуждении принимали участие не только словарники, но и диалектологи (к слову сказать, северо-западная школа – Петербург, Псков, Новгород, Петрозаводск – имеет давние традиции и по выпуску региональных диалектных словарей, и по исследованию архивных источников прошлого).

Словник СОРЯ, представленный в рецензируемом издании, предваряется статьями: "Из истории создания словаря. Концепция Б.А. Ларина", "Источники и картотека", "Задачи Словаря. Хронологические границы", "Словник. Проблема тождества слова", "Структура сло-

варной статьи", "Источники", "Этимологические словари и специальные работы, использованные при составлении этимологических справок". Говоря о проблемах тождества слова, авторы замечают: «"Словарь обиходного русского языка" – полный словарь, он ориентирован на описание в с е х (разрядка в цитируемом источнике. – *О.Н.*) знаменательных и служебных слов, употребленных в его источниках и зарегистрированных в картотеке. Среди них представлены как слова, сохранившиеся в языке до наших дней, так и слова, утраченные им». На наш взгляд, это принципиальное замечание: исторический словарь должен отражать реалии прошлого, историзмы, архаизмы, некодифицированную лексику и единичные лексемы. Лишь тогда может создаться объективная картина эволюции языка, его форм и ориентиров. Еще одной особенностью СОРЯ, в отличие от других словарей, является включение в состав лексических групп названий народов и племен, лиц по месту их жительства и службы, прилагательных, образованных от этнонимов, названий жителей и топонимов, например, *англинский, амстердамский* и т.п. В Словарь также вошли и прозвища людей, клички животных, наименования мелких географических объектов: *Васька Малые Глазки, Исачко Косой; Долгой Берег* и др.

СОРЯ как исторический словарь дает краткие этимологические ссылки, указывает на языковые эквиваленты слов, например:

АГАРИК, *м.* (1) [лат. agaricus] *Древесный гриб, употребляемый как лечебное средство.* Агарикъ купятъ фунтъ въ 5 алтынъ, а коли дорогъ въ 14 алтынъ ...

БАНКЕТ, *м.* (4) [нем. Bankett (из итал. Banchetto или фр., англ. banquet] 1. *Скамья.* Принеси банкетъ. *Разг. Хеймера, 8 об., к XVII в. 2. Праздничный пир* <...> И Фрол Скобеев приехал в дом свои, весма рад быть и делал банкеты, веселился и с протчею своею братию дворянами. *Пов. о Фроле Скоб.*, 158, XVII в.

СОРЯ фиксирует максимально полный семантический ряд, причем значения слова указываются в пределах XVI – начала XVIII веков. Так, у лексемы *бить* авторы отмечают 10 значений, а словарная статья разрослась почти на 10 страниц. Такая педантичность в известной мере определяется источниками словаря и желанием его составителей представить даже редко встречающиеся сочетания и фразеологизмы, а также оттенки смысла, выраженные в памятниках *разных* жанров (былины, деловые документы, публицистика и др.). В данной статье, например, кроме традиционной формулы *бить челом*, приводятся такие выражения, как *бить по рукам, бить жилу* и др. Чрезвычайно характерным для памятников приказной письменности является "обрастание" привычного делового формуляра новыми элементами, что особенно заметно в подьяческой культуре XVI–XVII веков. СОРЯ, наряду с *бить челом*, отмечает такие сочетания: *много (премного) челом бить, бить челом и плакаться, бить челом и являть, бить челом и извещать.*

При этом авторы очень подробно расписывают лексические пласты, указывая и на те существенные перемены в языке, которые проявились в характере использования словесного орнамента в текстах неоднородных литературных и деловых традиций указанного периода.

В качестве приложений к СОРЯ даются "Дополнения из региональных исторических словарей" и "Метрология Московского государства XVI–XVII веков", в которой объясняются меры длины, веса, поверхности (площади), объема, а также приводится таблица с изображением денежной системы Московской Руси того времени с краткими комментариями и историческими справками.

Все обозначенные достоинства этого издания, тщательная подготовка самих текстов к печати и несомненная источниковедческая новизна позволяют говорить о значительном лексикографическом (и шире – историко-культурном) вкладе филологов-словарников СПбГУ, последователей и продолжателей дела Б.А. Ларина, в развитие отечественной словесности. Важно и то, что СОРЯ восполняет заметный пробел в исторических лексиконах, где, как правило, неравномерно представлены лексические пласты – как в терминологическом, так и во временном значениях. И здесь, пожалуй, самый прогрессивный период развития древнерусского государства, время расцвета жанров и переплетения разных письменных традиций – остается подчас недостаточно освещенным в наших лексикографических изданиях. Так что и в этом отношении СОРЯ вносит существенный вклад как собрание *новых* материалов. Причем, особо отметим, что авторы намеренно сделали акцент на исследовании памятников литературно-письменного языка на *народной* основе, деловых рукописей, посадской литературы в целом (изучено, по данным СОРЯ, около 180 источников). Именно такой отбор позволил проникнуть в лабораторию языкового "гравирования", отследить и представить редкие слова и показать их использование в конкретном контексте.

Когда верстался номер, стало известно о том, что в издательстве "Наука" в этом году выходит из печати 1-й том "Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.".

© О. В. Никитин

Н. С. ГАНЦОВСКАЯ. Костромское народное слово

Виднейший русский славист и историк языка И.И. Срезневский в своей знаменитой работе "Мысли об истории русского языка", касаясь задач изучения истории русского языка, писал: "Каждое наречие и каждый местный говор русского языка требует всестороннего описания. Должны быть составлены диалектные словари и изданы сборники образцов устной народной словесности..." (Срезневский И.И. Русское слово. Избранные труды. М., 1986). И если первая задача близка к осуществлению – уже вышли или же выходят многочисленные диалектные областные словари, то хрестоматий русских говоров очень мало. В частности, известны "Хрестоматия по великорусской диалектологии" Н.Н. Дурново и Д.Н. Ушакова (М., 1910), "Русская диалектология" С.Л. Еремина и И.А. Фалева (М.–Л., 1928), давно ставшие библиографическими редкостями. Появившиеся же в последнее время "звучащие хрестоматии" в серии "Бюллетень фонетического фонда русского языка" (издатели К. Саппок (Германия) и Л.В. Бондарко) по северному и южному наречиям, а также по некоторым говорам отдельных областей: курским (составители – Н.А. Волкова и С.П. Праведников); вятским (составитель Е.Н. Мошкина) – представляют большую ценность, но практически недоступны широкой аудитории из-за ограниченного тиража.

Именно поэтому книга профессора Костромского педагогического университета Н.С. Ганцовской "Костромское народное слово", в которой впервые собраны и прокомментированы записи костромской диалектной речи, представляет собой знаменательное явление. Это первый опыт собрания записей живой разговорной речи отдельно взятой области, адресованный не узкому кругу специалистов, а широкой аудитории любителей живого народного слова. Структура книги соответствует ее ярко выраженному этнолингвистическому характеру. Автор располагает материал таким образом, чтобы читатель получил всестороннее представление о различных микроэтносах, населяющих Костромскую область. В отдельной главе рассмотрена лексика свадебного обряда, приведены тексты, в которых говорится о народных верованиях ("Нечистая сила"), былички о колдунах. Специальные главы посвящены лексике, связанной с льноводством, прядением и ткачеством, народной медициной.

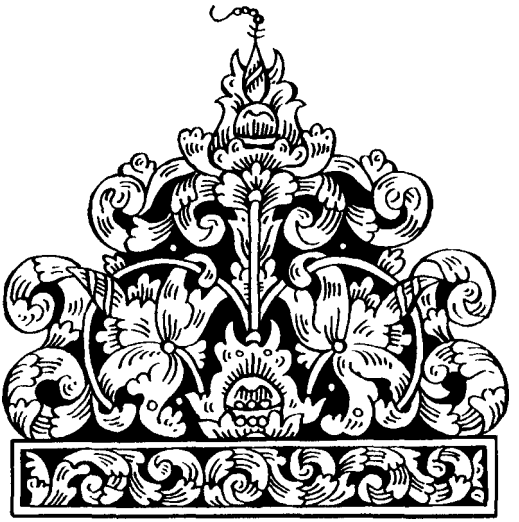
Нина Семеновна Ганцовская уже более сорока лет изучает говоры Костромского края. В своей книге она описывает говоры и приводит образцы речи разнообразных этнографических групп, населяющих Костромскую область: "Красносёла [житель села *Красное. – В.Д.*] по

речи узнаешь сразу. Их говор стоит особняком среди говоров других жителей Костромской области, главным образом, по специфическому произношению. Как и большинство деревенских жителей Костромского края, за исключением людей, населяющих Солигаличский, Чухломский, часть Галичского, Буйского, Парфеньевского районов, так называемого Костромского акающего острова, красноселы окают. Однако оканье у красноселов, как и у соседей нерехтчан, необычное для костромичей – по ивановско-кинешемскому типу. А ивановские и кинешемские говоры, соседствующие с красносельскими, входят в состав Владимиро-Поволжской группы говоров среднерусского типа, переходных от окающих к акающим. Это значит, что звук [о] произносится очень четко, огубленно, ближе к звуку [у], чем [а], только под ударением и в первом предударном слоге. В остальных же безударных слогах он звучит как нечеткий звук [ъ], глухой и краткий, нечто среднее между звуками [а], [о], [ы], а в начале слова зачастую произносится настолько близко к звуку [у], что сливается с ним: угорОд, утойдИ, утопрИ, угурцЫ, гълоУва, нълъпАтошник (налопаточник), кръсОта, гОвор". В книге подробно охарактеризованы особенности макарьевских, шарьинских, парфеньевских, судиславских, шунгенских, нерехтских, галичских, кологривских, буйских, чухломских говоров и даны образцы их речи.

В книге Н.С. Ганцовской приводятся также выдержки из диалектных словарей, дан словарь микротопонимов Судиславского района (глава "Язык и земли"), описан жгонский язык – профессиональный тайный язык шерстобитов-каталей валенок. Такой комплексный подход к изучению народной речи позволяет читателю получить всестороннее представление о речи жителей Костромской области во всем ее многообразии. Особо хочется отметить, что все диалектные записи строго документированы: приведены данные об информанте и о том, кем и когда выполнена запись.

В разделе "Родную речь он любил до обожания..." (писатели и костромские диалекты) исследуется отражение диалектной костромской речи в произведениях А.Н. Островского и Н.А. Некрасова, специальная статья посвящена известному костромскому краеведу Н.Н. Виноградову. Книга Н.С. Ганцовской будет интересна не только специалисту-диалектологу, фольклористу и этнографу, но ее с большой пользой прочитают любители русского языка, народной речи.

© В.Г. Долгушев,
кандидат филологических наук
Киров



Н. П. САБЛИНА. Слова под титлами

В серии "Церковнославянский язык" издательства "Ижица" вышла книга Н.П. Саблиной "Слова под титлами" (СПб., 2002), которая представляет собой более глубокое и расширенное описание одного из тематических блоков, приводимых в предыдущих ее пособиях. Эта монография имеет не только научно-просветительскую задачу, но и миссионерскую. Она помогает "без боязни перед символом и буквой уразуметь, что вещает святый образ".

Основное содержание представлено в трех частях: "Надстрочные знаки", "Титла Крестные", "Надписи на иконах".

В разделе "Надстрочные знаки", который разбит на пять частей, Н.П. Саблина перечисляет все диакритические (надстрочные) знаки, применяемые в современных церковнославянских текстах: *острое ударение, тупое ударение, облеченное ударение* и т.д. Кроме того, предлагаются правила их употребления. Сложившись как "знаки священного покрытия слов", надстрочья в разные эпохи выполняли различные функции, и со временем к каждому из них стали предъявляться достаточно жесткие орфографические требования.

О *придыхании* или *звательце* Н.П. Саблина говорит, что это "нечитаемый знак над начальной гласной буквой". Небезынтересно дополнительно привести такой факт: данный знак – эквивалент греческого *придыхания*, которое произносилось подобно фрикативному [г].

Следовательно, церковнославянское *звательце* – дань давней традиции.

Рассказывая о комбинации диакритических знаков в церковнославянском языке, автор обращает читательское внимание на *исо* и *апостроф*, которые состоят из *придыхания* и соответственно *острого* и *тупого ударения*. Эти составные надстрочья, как и *облеченное ударение*, являются "грамматическими различителями единственного и множественного чисел". Речь идет, конечно, не о полной замене диакритики, а о том, что *оксия* превращается в *варию*. И такая графическая метаморфоза происходит не только в упомянутых Н.П. Саблиной относительных, но и в лично-указательных местоимениях. Более того, такое явление наблюдается внутри парадигмы множественного числа, когда расподобляются формы родительного и винительного падежей. Не случайно притяжательное местоимение третьего лица, которое исторически сложилось как застывшая форма генитива, имеет в церковнославянском *исо*.

В разделе "Слова под титлами" говорится: "Ти́тло – орфографический нимб, царская корона слова, краса церковного письма" и ставится оно "над священными словами для указания на их святость и скрытую в них божественную тайну и премудрость". Автор не упоминает о том, что знаки сокращения исконно служили очень прагматичной цели – с их помощью экономили писчий материал.

Кроме того, титла в некоторых случаях выполняют семиотическую, знаковую роль. Например, наименование христианского *Бога* всегда пишется под титлом, в отличие от *богов* языческих; – если повествуется об *Ангеле Божьем*, то читатель видит сокращенную запись, тогда как при упоминании *падшего ангела* титлование отсутствует.

Важным достоинством главы "Надстрочные знаки" можно считать алфавитный перечень церковнославянских слов, вносимых под простые и буквенные титла. Такого систематизированного и обширного словника до настоящего времени не было ни в одной грамматике церковнославянского языка.

Однако для тех, кто еще только начинает осваивать премудрости чтения богослужебных книг, хорошим подспорьем мог бы стать алфавит буквенных титл.

Центральный раздел рецензируемой книги, ее золотое сечение как с композиционной, так и сдуховной точки зрения – "Титла Крестные": "Крест Христов неизгладимо начертан на благодарных сердцах наших, а вещественный Его образ перед нами – в храме, на нашей груди, в наших жилищах". Здесь подробнейшим образом описываются все графические записи на Кресте Господнем. Он состоит из трех элементов, что связано "с тем, что он составлен из трех досок, или дерев (двух столбов с косой перекладиной), а также с тем, что он сделан из

трех пород деревьев кипариса, пéвга и кедра". Но семиотический, религиозный смысл этой трехосновности – "указание на Святую Троицу и на Единого от Троицы Господа Иисуса Христа, Бога Спасителя". Н.П. Саблина поочередно раскрывает смысл сакральных буквенных начертаний в нижней, средней и верхней частях Креста.

В главе "Надписи на иконах" рассказывается о главнейших словах, которые обязательно представлены на всех святых образах: "В древности икона считалась законченной лишь тогда, когда была поименована: в духовном смысле это означает соединение имени и образа". На почитаемых изображениях внимательный глаз может также заметить неразрывный промыслительный сплав церковнославянского и греческого языков. Например, иконы Господа всегда имеют нимб, на котором кириллическими буквами начертано греческое *Сущий*; на образах Богородицы при переводе прочитаем *Матерь Божия* и т.п. Как справедливо замечает автор, "постановка титл на иконах... расходится с общими правилами: они свободнее, разнообразнее, отражают древнерусскую традицию, а также влияние скорописи (быстрого письма), которою копировались и переписывались книги на необъятных просторах Московской Руси длительное время до книгопечатания".

Книга Н.П. Саблиной "Слова под титлами" достойно служит своей главной цели: популяризируя церковнославянский язык, она позволяет постичь глубины языка русского.

© Л. И. Маршева,
кандидат филологических наук

С. Г. ШУЛЕЖКОВА. Словарь крылатых выражений из области искусства

"Словарь крылатых выражений из области искусства" (М., "Русские словари", "Азбуковник"), вышедший в 2003 г. представляет собой итог двадцатилетней работы автора над систематизацией и осмыслением крылатых выражений из самых разных областей искусства.

Крылатые выражения – это "сверхсловные образования", по определению автора-составителя словаря, "превратившиеся в языковые единицы", "они обладают воспроизводимостью, устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключающей вариантности), а также стабильностью семантики" (С. 5). Отличие данного труда от опубликованного в 1994 г. словаря разговорных выражений "Живая речь" В.П. Белянина и И.А. Бутенко, а также от "Словаря современных цитат" К.В. Душенко (1997) и "Словаря крылатых слов (русский кинематограф)" В.С. Елистратова (1999) состоит в том, что во всех этих словарях, наряду с крылатыми выражениями, приведено много обычных цитат.

В книге С.Г. Шулежковой словарные статьи (их более 1000), расположенные в алфавитном порядке, имеют продуманную структуру: *инициальная* часть представляет крылатое выражение с учетом его воз-

можных вариантов, например: "Без божества, без вдохновенья [,/ без слез, без жизни, без любви]".

Если крылатое выражение обладает стилистической маркированностью, то оно наделяется пометами: *книжн., высок., публ., разг., поэт.*, а также характеризуется с точки зрения оценочной, эмоционально-экспрессивной (*ирон., шутл., одобр., презрит., снисход.* и пр.). Например: "В царство свободы дорогу [/Грудью проложим себе]". *Публ. устар.; теперь часто ирон*".

Заметим, что такое шутливо-ироническое переосмысление крылатого выражения характерно для современного восприятия и всегда скрупулезно отмечается автором в *иллюстративной* части словарной статьи, где приводятся примеры употребления крылатых выражений в различных контекстах. Например: "[Не узнаю теперь я сам себя,] не узнаю Григория Грязно́го" употребляется часто шутливо: *он посматривал на меня с легким удивлением, приговаривая*: *"Не узнаю Григория Грязно́го". А. Кривицкий. Не забуду вовек. Записки военного корреспондента.*

Атрибутивная часть словарной статьи, следующая сразу за *стилистической*, содержит все возможные сведения об авторе крылатого выражения, произведения, откуда оно взято, и времени его создания.

Словарь приобретает особую культурологическую ценность потому, что для синтетических жанров указывается не только автор текста (поэт, писатель, сценарист, драматург, либреттист), но и композитор, режиссер, а также исполнитель (певец или актер), благодаря которым крылатое выражение обрело свою популярность.

Ссылочная часть включает добавочное перечисление крылатых слов (если, например, это популярная песня), имеющих тот же источник происхождения.

Семантическая часть, содержащая толкование значения крылатого выражения, описывающая условия, при которых возможно его употребление, является наиболее интересной, так как многие крылатые выражения "претерпели различные сдвиги семантического и эмоционально-экспрессивного плана" (С. 7). Так, выражение "Бандитская пуля" используется в значении «Ничего серьезного, ерунда, не стоит обращать внимания (на то, что встревожило собеседника). Обычно в таких случаях речь идет о внешнем облике говорящего, и он шутливой репликой стремится избежать серьезных объяснений, "уйти в тень", перестать быть предметом внимания окружающих».

К особой разновидности крылатых выражений автор справедливо относит наименования людей, предметов, процессов, явлений действительности. Например, "Богатенький Буратино", "Править бал", "Брызги шампанского", "Искра божья".

Появление в словаре, например, "Сладкой парочки" (название плиток шоколада "Твикс", упакованных попарно) объясняется частым упоминанием на страницах газет в значении "неразлучная пара супругов, влюбленных, деловых партнеров, друзей, чей образ жизни или деятельности оценивается иронически".

Наиболее современный пласт крылатых выражений составляют слова, порожденные кинематографом и телевидением ("Богатые тоже плачут", "Следствие ведут знатоки"), именами и репликами экранных персонажей ("Элементарно, Ватсон"; "Вор должен сидеть в тюрьме"; "Ну, заяц, погоди!").

В Словаре С.Г. Шулежковой отразился объективный процесс: всё большую популярность приобретают зрелищные формы искусства, поддержанные средствами массовой коммуникации. Поэтому романсы, песни (из опер и оперетт, кинофильмов), эстрадные шлягеры являются основным источником крылатых выражений.

В труде С.Г. Шулежковой собраны и научно осмыслены те многократно воспроизводимые выражения из области искусства, которые стали для нас действительно крылатыми, приобрели особое значение.

Эта книга – интереснейший источник для изучения русской культурной жизни XIX и в особенности XX века.

© **Т.Г. Дмитриева,**
кандидат филологических наук

Так кто же она такая – сватья баба Бабариха?

© *Н. А. ЕСЬКОВА,*
кандидат филологических наук

Ответ на этот вопрос дается в моей заметке, напечатанной дважды в юбилейном 1999 г.: в книжке "Хорошо ли мы знаем Пушкина?" и в серии заметок под общим названием "Уроки медленного чтения", вошедших в сборник "Тайны пушкинского слова". На это последнее издание появилась рецензия М. Строганова в "Новом литературном обозрении" (№ 46, 6/2000. С. 428–429), в которой выражается несогласие с моей "трактовкой" персонажа пушкинской сказки. Хочу ответить этому критику, а заодно коснуться других "терминов свойства", в употреблении которых в наше время встречается много ошибок.

Отношения двух людей (родственниками не являющихся!) порождают кровное родство и – **свойство́**, определяемое как "отношения одного супруга с кровными родственниками другого, а также между родственниками супругов" (Словарь Ушакова).

Основное значение слова *сватья* хорошо определено в "большом" академическом словаре (**Б**): "Мать или родственница одного из

супругов по отношению к родителям или родственникам другого супруга".

О Бабарихе из текста сказки известно, что она сватья ткачихи и поварихи и бабушка Гвидона.

Моему критику даже последнее не представляется очевидным, потому что "бабушкой может быть названа любая женщина соответствующего возраста". Да, это слово и в самом деле часто употребляется недостаточно интеллигентными людьми как обращение к немолодой женщине, но в сказке Пушкина сказано ясно:

...Но жалеет он очей
Старой бабушки своей.

Понимая значение слова *сватья* в соответствии с приведенным определением **Б**, автор отзыва почему-то делает предположение, что Бабариха "может быть сватьей не только для ткачихи и поварихи, но и для царя Салтана (ибо все родственники со стороны мужа или невесты являются для них и их родственников сватами)". Но каким образом Бабариха может оказаться сватьей царя Салтана, если у Пушкина несколько раз повторяются строки:

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой...

И еще одно место:

Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.

Слова, называющие степени родства и свойства́, требуют указаний, по отношению к кому данное лицо является матерью, отцом, сестрой, братом, свекровью, тещей, шурином, свояченицей и т.д. (или это бывает ясно из контекста).

Эти нужные указания есть в сказке Пушкина, и из них недвусмысленно следует, что Бабариха – сватья сестер царицы. Если одновременно она бабушка Гвидона, то кем же ей еще быть, как не матерью царя Салтана?

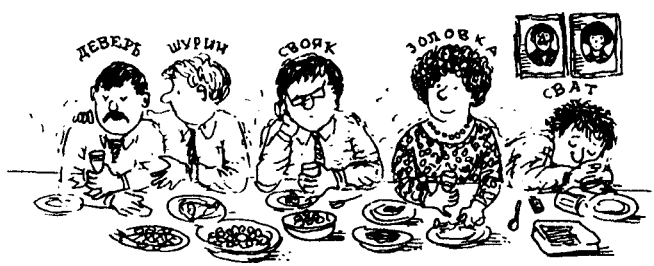
Мне приходилось встречаться с недоверчивым отношением к такой "родственной квалификации" Бабарихи. Очевидно, кажется странным, что мать царя названа так "нецарственно", "простонародно". Ну, а как выглядит сам царь, подслушивающий разговор сестриц, стоя "позадь забора"?

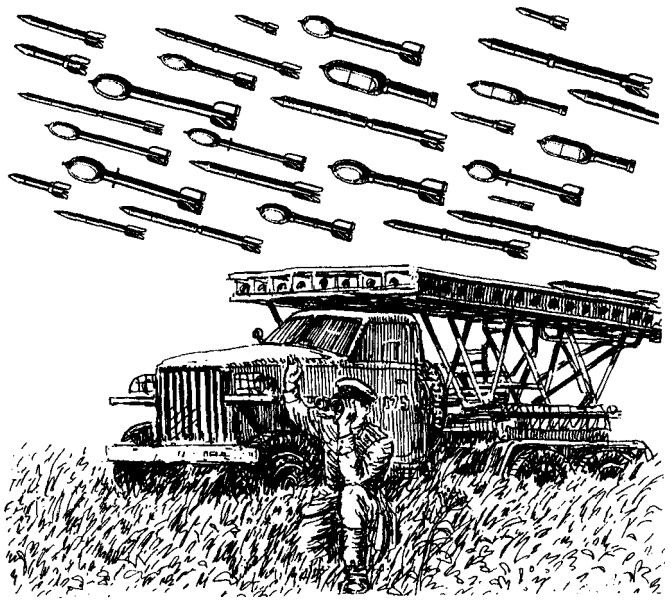
В моей заметке мне показалось интересным сопоставить сказку Пушкина с одной из сделанных им записей народных сказок. Она начинается так: "Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по

своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер". После женитьбы царя на младшей сестре о двух других речи нет, а козни против царицы строит мачеха царя, которая, "завидуя своей невестке, решила ее погубить". Бабариха у Пушкина действует так же, как эта мачеха. И дальнейшее содержание народной сказки во многом совпадает с пушкинской.

В наше время в употреблении "терминов свойства́" возникает немало ошибок (в самом деле, зачем усваивать значения этих слов, если, при современной непродолжительности большинства браков, "свойственники" быстро становятся совершенно посторонними людьми!). Произошел казус даже со словом *теща*: в одной газетной заметке фигурируют "сенсационные данные" "о *теще* Надежды Константиновны"! (Известия, 1993).

Больше всего недоразумений связано со словами *шурин* и *деверь*. Как известно, шурин – брат жены (Борис Годунов был царский шурин), а в переводных текстах не один раз фигурирует "ее *шурин*" (например, в переводах романов "Луна и грош" С. Моэма и "Групповой портрет с дамой" Г. Бёлля). Несмотря на то, что *деверь* – брат мужа, он вдруг обнаруживается у мужчины: "...он – деверь Бахтина, муж его младшей сестры Натальи Михайловны" (Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 282; комментарий). Как известно, муж сестры именуется *зятем*. Удивительно, что эту ошибку допустил даже Виктор Астафьев: "Главным событием недели было для меня празднование шестидесятилетия моего *деверя*, мужа сестры, Толстихина Владимира Яковлевича" (Общая газета. 1999. № 48).





КАТЮША

© *А. Н. КОЖИН,*
доктор филологических наук

Новое оружие, выступавшее под индексом "БМ-8" в начале Великой Отечественной войны, было секретным.

Такое оружие не могло иметь профессионально ориентированного наименования: оно могло раскрыть то, что ни в коей мере не должно было быть известно противнику.

В целях конспирации такая боевая установка после каждого залпа перемещалась в безопасное место при тщательной маскировке.

В солдатской среде это оружие стало восприниматься как сверхмощная пушка, что нашло отражение в устном творчестве: "Наша пушка – не игрушка. Это знает целый свет. Как ударит наша пушка, Так полсотни фрицев нет" (Русские частушки. М., 1956. С. 383).

Новое оружие начинало обретать сокращенное обозначение "РС" – реактивные снаряды. Такие снаряды были известны летчикам. Они разрабатывались в довоенное время и были испытаны в августе 1939 года. Затем реактивные снаряды, то есть "ЭРЭСЫ", были приняты на вооружение в Красной Армии как грозное средство борьбы с самоле-

тами противника: "Пулеметы брызнули свинцовыми струями. РС вошел в тело истребителя" (Лобанов Л. Всем чертям назло. Хабаровск, 1985. С. 34). В начале 1940 года для установки реактивных снарядов была создана наземная пусковая установка, ее называли реактивной артиллерией. Эта подвижная наземная пусковая установка реактивных снарядов была испытана в том же году.

По материалам Н.М. Афанасьева (Подвиг первых ракетчиков. Чебоксары, 1965), летом 1941 года в Московском артиллерийском училище стали формировать отдельную батарею реактивной артиллерии, которая была направлена на Западный фронт. Вскоре состоялся ее первый залп по железнодорожному узлу Орша, где скопилась вражеская техника и живая сила: "Из лощины донесся ни с чем не сравнимый рев и скрежет, леденящий кровь ⟨...⟩ Вверх вырвались огромные черные клубы дыма, а из него взметнулись ввысь около сотни краснохвостых ракет. Они оставляли за собой ясно видимые беловатые струи быстро таявших в воздухе газов ⟨...⟩ Через пять-шесть минут после залпа железнодорожный узел превратился в море огня, над которым, словно волны, клубился густой дым" (С. 56).

По словам Н.М. Афанасьева, батарейцев не устраивало официальное название их батареи (Отдельная экспериментальная батарея реактивной артиллерии Резерва Главного Командования), поэтому в своем кругу ее называли "катюшей" или "Раисой Семеновной". Более того, на мотив песни о Катюше появились слова:

Шли бои на море и на суше,
Над землей гудел снарядов вой,
Выезжала из лесу "катюша"
На рубеж знакомый – огневой.
Выезжала, мины заряжала
Против немца-изверга, врага.
Ахнет раз – и роты не бывало,
Бахнет два – и нет уже полка.

(Афанасьев Н.М. Первые залпы. М., 1982. С. 59).

Реактивные установки в среде фронтовиков начинают обозначаться сокращенно – по способу действия мины (реактивного снаряда), поэтому "РС" становится определяющим обозначением машины, боевой установки, которая наносит удар по врагу разрывом реактивного снаряда: «Солдаты противника в панике бросились бежать назад. "ЭРЭСЫ" оказались сильнейшим оружием» (Еременко А.И. Помни войну. Донецк, 1971. С. 140).

Сокращенное обозначение нового оружия в речевых ситуациях развертывается в словосочетание и начинает выступать в роли словообразовательной базы для прилагательных, указывающих часть, под-

разделение и иные виды воинской организации: слово *реактивный* образует устойчивое обозначение: *реактивная установка*: «Впервые на нашем участке фронта действовала батарея *реактивных установок*, так называемые "катюши"» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1980. С. 40).

Ассоциативные связи способствуют возникновению разговорно-приравнительных обозначений. Под давлением соотнесенности с профессионально близким и привычным обозначением средства поражения (установка артиллерийская, самоходная артиллерийская, самоходная зенитная, счетверенная, минометная, пулеметная и др.) появляются названия женского рода: *гитара, катюша, маруся, раиса*. Письма и воспоминания ветеранов позволяют полагать, что слово "катюша" не было первоначальным названием грозного оружия: «Наши "гитары" (так бойцы называли первоначально гвардейские минометы. И только позднее они стали называться "катюшами") наводят страшный ужас на фашистов. "Гитара" – это такое мощное орудие, что ты и представить не можешь. Черт знает, что за русские изобретатели! Мы близко наблюдали, как разрываются снаряды "гитары". Все уничтожалось к черту, и мокрого места не остается» (Герои и подвиги. Саратов, 1981. С. 97).

Слово "катюша" начинает занимать лидирующее положение: «Бойцы, стрелявшие с установок, назвали машину "маруся"; солдаты-пехотинцы ⟨...⟩ окрестили "марусю" в "катюши"» (Моск. правда. 1965. № 27). В письмах фронтовиков слово "катюша" осмысляется как название самого мощного средства поражения: «Стася, у нас есть такие пушки ⟨...⟩ И зовут такую пушку – "катюша", как маму. Да? Эти пушки выпускают снаряды, как горох из рваного кармана, и прямо на головы врагам ⟨...⟩ Особенно дает фрицам жизни наша русская "катюша". Она стреляет, шипит, как паровоз, а на месте, где рвутся снаряды, все переворачивает и сжигает, сразу выпускает около 20 снарядов» (Письма павших. Ярославль, 1981. С. 44, 104).

Слово "катюша" как разговорное обозначение реактивной установки залпового огня в фронтовой и центральной печати начинает разъясняться и даже мотивироваться описанием зрительных и слуховых эффектов, возникающих при восприятии боевой работы такого оружия: "Откуда-то слева послышалось исполинское шипение, как будто тысячи паровозов разом выпустили пар. Из-за деревьев вонзились в небо жгутом оранжевые стрелы. Пышный сноп огня, как распущенный хвост жар-птицы, закрыл половину неба, и звук разрывов стал непомерным, как-будто треснула земная кора" (Известия. 1943. 8 марта). С появлением в печати военно-терминологического наименования *гвардейский миномет* слово "катюша" стало теснее сближаться с военным термином, выступая в роли уточняющего определения: «в бой вступили гвардейские минометы – знаменитые "катюши"» (Герои и подвиги. Саратов, 1981. С. 157).

Многочисленный ряд составных наименований, реализующих отнесенность к понятию *гвардейский миномет* (реактивная установка, реактивная артиллерия, батарея реактивных установок, батарея гвардейских минометов, гвардейский минометный дивизион, гвардейская минометная бригада, гвардейская минометная дивизия – Военная энциклопедия. М. 1978–1980. Т. 2. С. 492), не мог приглушить активность разговорного эквивалента – слова "катюша"; это слово расширяет сферу своей сочетаемости. Более того, оно занимает прочные позиции в ряду именных сочетаний при обозначении способа поражения противника (залп катюш, огонь катюш, удар катюш), а также при сочетании с глаголами: катюша не стреляет, а *играет*; катюша не ведет огонь, а *поет* и т.п. Например: «За деревней сыграла "катюша"» (Боевая тревога. 1943. № 71).

Реактивные установки, обретшие любовно-ласковое название "катюши", имели и другие названия, выступавшие первоначально в роли параллельных разговорно-просторечных обозначений: *андрюша, маруся, рая, раиса семеновна, гитара*: «В разговоре, между прочим, я спросил Андрея Ивановича, за что наградили его орденом Трудового Красного Знамени, – "*За Раису Семеновну*", – с улыбкой ответил Андрей Иванович ⟨...⟩ "Это у нас на заводе так называли реактивные снаряды", проще эрэсы» (Лит. газета. 1947. 10 дек.); "Пушка есть у нас фасонная, бьет врага она – губя, Мы *Раисою Семеновной* все зовем ее любя" (Красный воин. 1942. № 32.); «Артиллеристы не пропустили стальные страшилища ("фердинанды") к батарее "андрюш"» (Великая Отечественная война в письмах. М., 1980. С. 28).

Слово "андрюша", несмотря на большую активность, не смогло превзойти по популярности слово "катюша": "Все сметая, к черту руша, Истребляя подлый сброд, За Катюшею Андрюша выступает в свой черед" (Крокодил. 1943. авг.–сент.); «Наша "катюша" бьет лучше всех, не слыхал "андрюши"» (Письма павших. Ярославль., 1981. С. 64). Этой популярности, по всей видимости, способствовала широко известная в предвоенные годы песня "Катюша" М. Блантера на слова М. Исаковского. На оккупированных территориях за слова этой песни захватчики подвергали суровым наказаниям. Возможно, и слово "андрюша" обрело свою активность под влиянием песни "Андрюша" (слова Г. Гвидова, муз. И. Жака); так называли реактивную систему особого профиля – рамную установку – реактивную мину, обладавшую большой разрушительной силой: «У нас есть другая пушка, которая выпускает огненные шары ⟨...⟩ и все на головы фрицев. Такую пушку у нас зовут "андрюша"» (Письма павших. Ярославль, 1981. С. 44).

И все же песенка "Андрюша" не могла преодолеть порог массовости, который выпал на долю песни "Катюша": «"Катюша" была уже большим народным словом из песни ⟨...⟩ бойцы окрестили этим нежным именем новую машину» (Л. Боровой. Путь слова. 1963. С. 345).

Слово "катюша" становится не только разговорным эквивалентом реактивной установки залпового огня – "народное название боевых машин реактивной артиллерии" (Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 324), но и обретает право быть общеупотребительным наименованием "реактивного орудия особой системы, появившегося в годы Великой Отечественной войны" (Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т. 1. С. 656).

Полагают, что название "катюша" восходит к букве "К", которая являлась заводской маркой боевой установки залпового огня; при этом имеют в виду то, что в довоенные годы заводские марки боевых машин нередко развертывались в полноценное слово; так назывались подводные лодки, бомбардировщики: «Командир неслучайно ввернул в разговор "катюшу", как называли у нас крейсерские лодки ⟨...⟩ было свежо воспоминание о бое, который провела зимой лодка "К-3"» (Мирошниченко П. Военное счастье // Наш современник. 1980. № 5): «"Катюша" уходила в свой первый боевой поход ⟨...⟩ "К-22" вступила в строй лишь в августе 1940 г.» (Политработники на фронте. Записки участников Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 36).

Следует признать, что песенная аура вывела личное имя *Катюша* в зону народных номинаций, обозначавших эффективные средства борьбы с вражеским нашествием. Это народное название гвардейского миномета стало весьма популярным в речи фронтовиков, в народно-поэтическом творчестве, в газетно-публицистических текстах и в художественной литературе: "Катюша" дала залп через город. Воздух над головами наполнился шумом: это, набирая высоту, неслись огненные кометы» (Г. Бакланов. Южнее главного удара); "Катюши, как всегда, арии пели под утро" (К. Симонов. Дни и ночи); «За лесом скрежетнула "катюша"» (В. Курбатов. Они воевали на Прибалтийском); «"Катюши" под зеленым брезентом» (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды); «Заревели наши пушки, минометы, "катюши"» (Ф. Панферов. Борьба за мир); «Наша грозная "катюша" Приготовит завтрак свой – Не впервые фрицам кушать Борщ с приправкою стальной» (Песни в бою. Петрозаводск, 1974).